ПИОНЕР 6

1980

«ОРЛЕНКУ»— ДВАДЦАТЬ!

Приглашаем тебя на день рождения!

Да не на простой день рождения, а на необыкновенный. Суди сам, какой у нас юбиляр...

Наш юбиляр — это тысячи мальчишек и девчонок, подружившихся на всю жизнь.

Наш юбиляр — это море и солнце, песок и горы.

Наш юбиляр — это веселье и смех, настоящие пионерские дела и настоящая крепкая дружба.

Наш юбиляр — это Всероссийский пионерский лагерь «Орленок», которому в июле исполняется двадцать лет.

На день рождения принято приглашать в гости. «Орленок», как известно, гостям всегда рад. Давай и мы с тобой, воспользовавшись письмами «орлят», погуляем по лагерю, посмотрим, чем живет юбиляр сегодня.

«Орлята» учатся дружить

«Как сигналы утренних горнов, возвещающих начало нового дня, призывно и звонко звучит над страной знакомое слово «пятилетка».

Мы не варим сталь, не прокладываем сквозь тайгу железнодорожные магистрали, не строим заводы, не сеем хлеб. Но все, что заложено в слове «пятилетка», имеет к нам самое прямое отношение.

Ряд за рядом ровно ложатся гранитные плиты на набережную. Ремонтно-строительное управление ведет работу, и вместе со строителями — ребята нашего отряда. Работа кипит!

И пусть мы лишь помогаем взрослым, но мы гордимся тем, что сегодня «Орленок» строим своими руками».

Саша ДЫЧЕНКО, отряд «Искатель».

«Нам посчастливилось: мы ездили на экскурсию в город-герой Новороссийск. Ведь «Орленок» расположен неподалеку. Впервые своими глазами мы увидели легендарную Малую землю, места ожесточенных боев наших отважных воинов с фашистскими захватчиками.

В Долине смерти мы встретились с ветеранами — участниками освобождения Новороссийска. Встреча эта никого не оставила равнодушным».

Отряд «Тревожный».

«Для меня в «Орленке» самым важным делом был конкурс астрономов-наблюдателей. Мы получили задание за одну минуту найти туманность в созвездии Андромеды. И хотя я занимаюсь в астрономическом кружке Московского планетария уже второй год, мне никогда не приходилось видеть в телескоп эту туманность.

Но я знал ее расположение относительно звезд и поэтому быстро нашел».

Леня БЕЛЕНЬКИЙ, отряд «Аэлита».

«Один из самых интересных дней, прожитых нами в «Орленке»,— День творчества. Он назывался у нас «Старая, старая сказка...» И в этот день именно с к а з к а была хозяйкой в нашей дружине.

Утром любимые сказочные герои вышли вместе с нами на зарядку и весело провели ее. А орлятскую столовую дежурный отряд превратил в кафе «Золотой улей», где нас встречали трудолюбивые «пчелки» — наши товарищи из соседнего отряда.

Затем во Дворце состоялось театрализованное открытие Дня творчества. Начались конкурсы. Кто лучше сделает салат. У кого выше взлетит воздушный змей. У кого интересней поделки, рисунки. Кто выразительнее всех споет, станцует, прочитает стихи...»

Ира ШУХРАНЕНКО,
отряд «Каравелла».

«Все ждали этот праздник. И очень к нему готовились. Делегации различных стран мира собрались на огромном празднично украшенном стадионе, чтоб «материки и страны, и планеты мостами дружбы все соединить».

И звучали на празднике тревожные, как удар колокола, слова:

«258 миллионов ребят не имеют возможности посещать школу!»

«Более 50 миллионов подвергаются безжалостной эксплуатации!»

И экран высвечивал крошечного плачущего мальчика, закрывающего ручонками лицо... А когда вдруг погас свет, все увидели небо над «Орленком». Оно было как бархат! Мирно и по-доброму смотрели на всех с высоты яркие звезды.

А потом на звездолете «Дружба», который построили сами ребята, все отправились в путешествие вокруг земного шара.

Сводный хор уносил в небо слова любимых ребячьих песен. Долго полыхал праздничный фейерверк. Он освещал счастливые лица ребят и взрослых, флаги восемнадцати стран, участниц международной смены в «Орленке». Он приветствовал огромные сложенные из кубов цифры 1 600 000 000 — 1 миллиард 600 миллионов — столько детей живет на нашей планете!

Мы скоро разъедемся. Впереди у всех — непочатый край дел. Но чтобы ни делали, где бы ни работали, мы никогда не забудем наш «Орленок», нашу дружбу, наш праздник».

Наташа АЛЕШИНА,
лагерь «Комсомольский».

«Дружбу «Орленка», зори «Орленка» мы увезем с собой»,— пели мы у прощального костра. Так и будет. Я уехал из «Орленка», но дружба орлятская осталась! Я получаю письма из разных уголков нашей страны, и сам тоже часто пишу родным «орлятам». Скоро мы встретимся в Москве. Какая ж это будет прекрасная встреча!»

Сергей ЦЕПУЛИН.

Этим письмом мы и закончим наше маленькое путешествие по «Орленку», потому что в словах Сергея — самое главное: **«Орленок» учит дружить, «Орленок» дарит настоящую дружбу, которую люди проносят через всю жизнь.**

«Орленок» вступает в третий десяток, но он всегда будет молод, и мы не прощаемся с «орлятами», мы говорим: «До новых встреч!»

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Москва 1980 г.
Издательство «Правда»

Отзвучал последний звонок. Пусто в классах, по школьным коридорам взапуски бегают солнечные зайчики.

Сегодня ты можешь побежать к реке, чтобы искупаться. Можешь запустить в синее небо гривастого бумажного змея. И наконец-то целый день ты можешь питаться «айсбергами» разноцветного мороженого, гуляя по городу. Летом начинается твой отдых. Но просто отдыхать и ничего не делать — скучно. Вместе с летом началась твоя пятая трудовая четверть...

Помощь твоего отряда нужна везде: в колхозах и совхозах, лесничествах и детских садах, и в собственной школе, где надо покрасить стены и побелить потолки.

Ребята из школы № 185 города Москвы вместе со своими учителями работали в эстонском совхозе имени В. И. Ленина. Об этом и рассказывает дневник учительницы-комсомолки.

Месяц у синего озера

Л. ВЕРИНА

Рисунки Ю. РОДИНА.

25 апреля

Ура! Получен долгожданный ответ от Уго Густавовича Ристмяэ, директора эстонского совхоза имени В. И. Ленина. Договор между совхозом и школой подписан. Мы едем! Кто-то из ребят, узнав, что жить будем в лесу, на берегу озера, уже спешит найти его на карте. Вот оно, синее озеро Выртсъярв! Пока еще на бумаге.

1 июля

В Тарту мы выскочили из поезда и остановились — теперь-то куда?

А нас, оказывается, уже встречают. Не только автобус, но и машину для наших чемоданов прислал совхоз по распоряжению директора.

Погрузили вещи, расселись. Ребята не отрываются от окон. А там лес, лес, лес... Вдруг деревья справа расступились, за ними — вода. И тут до нас доходит: это же наше озеро. Но какое! Берега другого не видно!

Останавливаемся перед красивым двухэтажным коттеджем. Здесь нам жить. На первом этаже холл с пылающим камином. Признаться, такого приема не ожидали.

Начинаем налаживать жизнь: затопили плиту — надо поесть что-нибудь горячее, застелили постели, ознакомились с рацией. Именно по ней будем утром получать задания на день.

Мальчишки уже узнали, что клев отличный, в лесу много ягод и грибов, баня — по субботам, кино — по воскресеньям, успели выпросить теннис, бадминтон и мяч.

Деловые люди! Вот только как они себя в работе проявят?

Засыпая, в окнах видим большие неподвижные ели с мягкими лапами, усыпанными шишками.

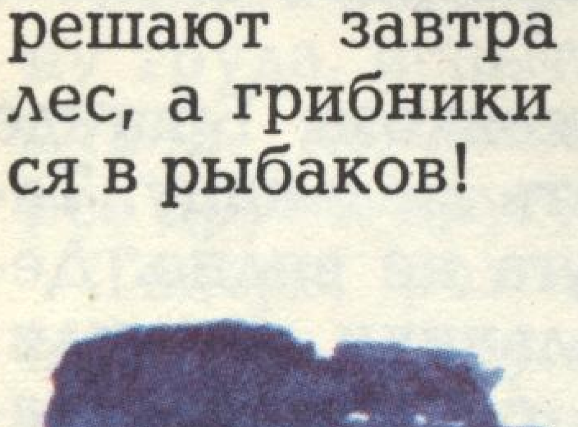
2 июля

Вот оно — поле. Ребята разочарованы — ехали сено убирать. Но привередничать не приходится: наши силы совхозу нужны именно на этом, заросшем лебедой и коноплей свекольном поле. Да, приуныли: поле большое, трава в пояс высотой... И попробуй отличи свеклу от травы, если видел ты ее до сего дня только вареной. Вот и слышен уже чей-то деловитый, настойчивый голос: «Покажите еще раз, где свекла?»

Но глаза страшатся, а руки делают. Многие уже взяли по второму ряду. Таня с Ирой ровно идут. Грядки чистые. Правда, еще не

вошли в ритм — отстают. А у Наташи и грядка — загляденье, и обогнала многих. Просто молодец! И это в первый день. Только бы рассчитала свои силы, не перетрудилась сегодня. Удивили два отчаянных разгильдяя. В учебе усердием не отличались. Ребята сомневались — стоит ли их брать. А теперь руками развели: чьи же это два законченных и прямо-таки вылизанных ряда? Зеленеет на них упругими листьями свекла, расправляется, охорашивается. Оказалось — их, Саши с Игорем. Вот тебе и «разгильдяи».

Устали — не разогнуться! Но отдыхать, лежа на кроватях, оплакивая ссадины, не хочется: столько соблазнов вокруг — и озеро и лес. Вон уже наши рыбаки идут с первой рыбой, грибники и ягодники с полными ведрами маслят, черники, земляники. И удивительное дело, те, кто был сегодня на озере, решают завтра непременно отправиться в лес, а грибники дают себе слово превратиться в рыбаков!



7 июля

Только почувствовали вкус к работе, как зарядил дождь. Сегодня вынужденный выходной. А ребята уже не могут сидеть сложа руки, маются, когда делать нечего.

Правда, еще не было такого, чтобы они себе занятия не нашли. Вот и сейчас — ушли на озеро строить деревянный помост, чтобы рыба лучше ловилась.

Мальчики устроили себе турник. Занимаются вечерами, мышцами играют. Всем хочется казаться сильными. А девочки тщательно, старательно наряжаются. Они все красивые у нас.

И все-таки, кто чего стоит, показывает работа.

10 июля

Радостная весть: «Десятерых берут на сено!» Что тут началось. Трудная задача: из 22 желающих отобрать 10. Поступаем, на наш взгляд, очень мудро: «Поедут те, кто хорошо работал на прополке. Это им награда». Остальные ворчат. Едем в объятия родной капусты (со свеклой покончено).

Уж сегодня и поле досталось нам! Грядки — по 400 метров. Ребят, правда, расстояния уже не пугают. Не успели оглянуться — все свое уже сделали. Один Сергей застрял. Но и ряд у него самый заросший. Еще труднее ему оттого, что другие уже закончили. Все устали, но понимают:

— Помочь надо!

Возвращаясь домой, заезжаем за ребятами, которые работают на сене. Как они горды! Все в трухе, но счищать ее не торопятся. Как же — герои! Девять машин разгрузили!

Мало? А ты пробовал? Попробуй! И еще могли, только из-за погоды грузовики больше не приходили.

14 июля

Ох и суматоха! Как же — завтра экскурсия! Девочек не видно: придумывают, очевидно, умопомрачительные наряды.

И после отбоя ребята никак не могут успокоиться.

Уснули те, кому мама написала, какая одежда для работы, какая для танцев, какая для экскурсии... А ты сиди теперь, укорачивай зеленые брюки черными нитками, швом «вперед иголка». Хорошо, хоть у товарища лишние нашлись — свои-то все извозил на прополке...

Экскурсия — это премия, которой наградил ребят совхоз. Поэтому так все и довольны. А то уж волновались: не зря ли в Эстонию ехали, есть ли польза от нашей работы?

15 июля

Автобус подан. Втаскиваем сорокалитровый бидон с молоком, бутерброды, печенье, конфеты. Путешествие долгое — успеем проголодаться.

Экскурсия началась, как только отъехали от дома. Ведет ее сотрудник совхоза Константин Иванович.

Оказывается, усадьба, в которой мы живем, называется Кюрекюла. В переводе: село аистов. Аистов здесь действительно много.

Скоро попадаем в долину реки Ахья. Река небольшая, прозрачно-чистая. Недаром здесь заповедник. Противоположный берег намного выше, порос соснами и елями, взобравшимися на большие каменные глыбы. Есть пещера. Ох, как хочется забраться туда!

Следующая точка на маршруте — Сангасте, замок. Уже одно это слово волнует, начинаешь вспоминать прочитанные книги... Сангасте не обманул ожиданий. Настоящий величественный, таинственный замок. Но никакая принцесса в нем не томится. Зато звучит горн. Здесь сейчас пионерский лагерь.

18 июля

В отряде идет непримиримая борьба за качество. Началась она с первых дней, когда спасали два трудных поля — свекольное и капустное. Ребята стремились выполоть грядку как можно чище... И иногда у звеньевого, который принимал работу, возникал законный вопрос: «Где же свекла? Ты же ее всю выдрал!» Кто-то решает выйти сухим из воды. Но опять «коршуном» налетает звеньевой.

— Что ты свеклу втискиваешь обратно?

— Приживется.

— Новый метод?

Некоторые в усердии заваливают вырванными сорняками грядки соседей. Таким приходится возвращаться и снова расчищать.

Хорошее изобретение — звенья. Чувство ответственности воспитывают. Порой только тяжело звеньевым: надо успеть свою норму выполнить, проверить, как трудится звено, помочь, когда это необходимо.

Ну, на сегодня все — опять дождь зарядил.

Встречают нас смущенные дежурные — два Олега — и начинают объяснять, почему обед не очень удался. Вынули мясо из кипящего бульона, потом испугались, что оно остынет, кинули обратно в кастрюлю. Мясо разварилось.

Пока Олеги вместе с добровольцами спасают обед, остальные моются, чистятся, с нетерпением ждут у «Экрана успехов и поражений» результатов сегодняшней работы.

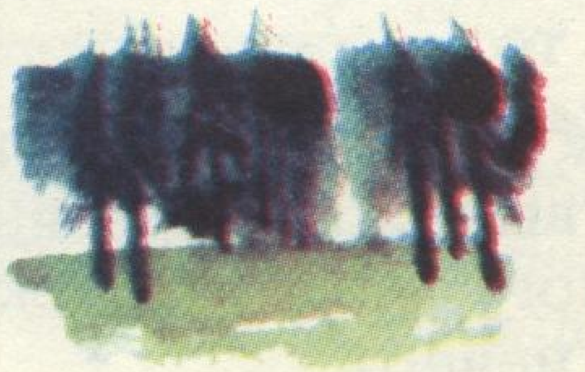
22 июля

Теперь мы уже работаем по бригадам: сегодня 6 человек — на сено, 6 — на комбайн, 16 — на картошку.

У нас уже появился постоянный отряд, работающий на сене. Многие, побывав там, не выдерживали и возвращались на прополку, а эту неразлучную шестерку никакая усталость не берет. Хотят работать только там.

Среди них — комиссар, который и на прополке и на сене работает в три раза больше, чем другие.

Был субботник в пользу совхоза. Бригаде в 12 ребят досталось убирать мельницу. Такая там пыль, что друг друга не видно. Девочки растерялись, а мальчики решили: пусть слабый пол отдохнет, с работой справимся сами — тяжело, конечно, но девчонок жалко. Выставили их за дверь и все сделали.



25 июля

Вот и пришел последний день, день расставания. Готовимся к прощальному вечеру:

режем торты, варим кофе, ждем высоких гостей — председателя совхоза, парторга, главного агронома,— волнуемся: что-то они нам скажут.

Утром были последний раз на поле, там самый разгар работы. Ребята это понимают и даже выдвигают предложение остаться еще на месяц. Время пролетело незаметно. Девочки удивлены тем, что не считали дни, ведь так далеко от дома некоторые были впервые.

Но если овощи на грядке и были мокрыми, то от дождя, а не от наших слез.

А потом ребята получали первую в жизни зарплату.

Часть зарплаты по общему решению отчисляем в пользу школы.

Столы накрыты, гости не заставили себя ждать.

Сколько добрых слов сказали нам в этот день!

И самое главное: нас ждут здесь на следующий год.

В последнюю ночь решаем все вместе пойти на озеро.

Звучит гитара, раздается смех, ведро с ухой над костром. Но вот песни перепеты, уха съедена. Очередь страшных историй. И вдруг кто-то замечает: «А ведь уже рассвет!»

26 июля

Скрылся из глаз дом, где мы провели такой чудесный месяц.

Ждет нас Таллин. Там мы и увидели, как неохотно ребята тратят заработанные деньги, хотя раньше денег родительских они не жалели. Покупали на них ерунду: жвачку, конфеты, газировку. А на свои стараются купить что-нибудь посерьезнее — подарки мамам и папам.

Много ребятам дал этот месяц: познали цену труда, испытали чувство ответственности. Стали, кажется, даже внимательнее, добрее друг к другу.

Теперь, разглядывая на карте синюю «капельку», окруженную зеленью, мы будем вспоминать живое озеро, тихое и ласковое в дождь или штормящее в вёдро. Голубой мох, в который неслышно соскальзывает нога, высокомерные ели, держащие шишки в мягких лапах, грядки от горизонта до горизонта, огонь в камине.

От редакции. В этом году ребята из школы № 185 опять едут в Эстонию. А ты и твой отряд? Какие планы у вас? Какие летние пути-дороги намечены? Рубрика «Ты, я, наш отряд» ждет твоих писем.

Микола СЫНГАЕВСКИЙ

ЛЕЙКА

Лейка со мною
Вышла на грядку.
Поит водою
Всех по порядку.

Пить захотел
Даже перца стручок —
Красный от жажды
Дрожит язычок.

Чтобы напиться
Всем в огороде,
Лейка к кринице
Ходит и ходит.

Жарко и душно!
И пересохло
Горло петрушки,
Лука и свеклы.

Эй, угощай-ка,
Лейка-хозяйка!
И на фасоли
Капли — росою.

Рады сдружиться
С лейкой веселой
И чернобривцы
И маттиолы.

Солнце заходит.
Лейка устала.
Но в огороде
Все засияло.

Лейка присела
После работы.
Может, попить
И ей тоже охота?

Перевел с украинского
Леонид СОРОКА.

Федор КАМАЛОВ

Здравствуй, Артем!

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 5.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Мы стояли маленькой, но боевой фалангой. В толпе всегда есть молодцы против овцы, ужас храбрые, когда семеро на одного. Сто́ит появиться достойному противнику, такие храбрецы независимо отходят в сторону — мы тут случайно. Многие, конечно, оказались втянуты в это судилище не потому, что у них слабая воля. Но теперь опомнились, и стыд погнал их с пустыря. Толпа расползалась.

— Арсентьев! — позвал всклокоченный Отшельник, отшвыривая портфель.— Пришла пора... в чистом поле... по русскому обычаю!

Я понял замысел Отшельника — сделать событием номер один нашу схватку. Что там какой-то дневник, какие-то записи... Я оттолкнул Отшельника, стянул куртку и засучил рукава рубашки.

— Даян, в землю вколочу, если только сунешься! — предупредил я.— Выходи, Арсентьев!

Силы у Арсентьева хоть отбавляй. Только он не занимался боксом. Зато любил говорить: «Сила все равно возьмет верх! Ты меня сегодня самбой, я тебя завтра бочкой — кто победит?» В другое время Арсентьев бросился бы, не задумываясь, как буйвол. Но сегодня! Все отхлынули от него, даже верный Даянов не торопился выбраться из кустов, куда я его отправил.

— Ладно, Артем! — сказал Арсентьев, криво улыбаясь.— Что мы, клоуны, веселить этих зевак? Придет время, поговорим без свидетелей! — Арсентьев сам понимал беспомощность своей угрозы. Он повернулся и угрюмо пошел.

На пустыре стало странно, даже страшно — тихо. Все боялись взглянуть друг на друга. И торопливо разошлись с пустыря.

— Я пойду к Махалиной,— сказал Отшельник.— Кто со мной?

— Куда-а?

— Домой к Махалиной.

— Отшельник, я тебя уважаю, но ты иногда пытаешься сам через себя перепрыгнуть,— сказал я.— К Махалиной не пойду и не хочу, чтобы ты ходил. И Сережка.

— А что, Махалина ничего. У нее хорошее чувство критики,— туманно сказал Сережка.

— Мне наплевать на ее чувство! — вскричал я.— Уж если пишет что-то для себя, пусть при себе и хранит, а не раскидывает по полу! И как ей теперь жить — пусть сама заботится!

— Как жить? Да так же! — мрачно сказал Отшельник.— И еще лучше, чем раньше.

— Вот подходящий друг нашему Отшельнику — Махалина! Будете вдвоем рассуждать о смысле жизни! А со мной что рассуждать, я ничего не понимаю.

Я повернулся и пошел в одну сторону, Отшельник — в другую, Сережка растерянно остался стоять на месте.

Класс тогда резко раскололся на два лагеря. Во главе одного — Арсентьев с большими кулаками, во главе другого — Отшельник со своей борьбой за справедливость.

В седьмом классе Отшельник предложил избрать Махалину редактором сатирической стенгазеты «Вилы в бок». Даже Арсентьев с Даяновым голосовали «за»: «Давай, Махалка, критичка, проявляйся!» Первый же номер приложения уязвил полкласса: он был без вранья и сюсюканья. Оказались страшно острые вилы, скорей даже трезубец. Вот три короткие заметки из этого первого номера:

«Алик Гаравин далеко пойдет — уже в детстве сумел изменить народную поговорку: «В одно ухо влетает, в другое вылетает». Когда он выходит к доске,— «в одно ухо ему влетает, а изо рта вылетает».

«На выборах председателя совета отряда Лариса Михелева отмалчивалась.

— Лариса, а ты что молчишь?

Лариса пожала плечами: не могу же я себя предложить еще и в председатели, раз уж предложилась в звеньевые».

«Скоро день рождения Василисы Андреевны. Мы все готовим подарки любимой учительнице. Ждем подарка и от Арсентьева. Если он не знает, какой сделать подарок, предлагаем: или выучить урок, или не приходить в этот день, не портить настроение всему классу и имениннице».

Была короткая буря: и негодовали, и смеялись. Но газету стали уважать. Да что там, она полюбилась, стала гордостью класса. Соседи вначале посмеивались над нами, читая в газете о наших недостатках. Но скоро и они поняли:

появилось настоящее зеркало в королевстве школьных кривых зеркал.

Даже Арсентьев сказал:

— Когда в газете про меня — сплошное вранье, а когда про Пробку или Даяна — ниче!

Отшельник говорит: «У богини правосудия глаза завязаны... Хотел бы я знать, кто это сделал!..»

Из Ленки, все говорят, получится певица. Мне-то кажется, что она больше пищит, чем поет, но если кругом уверяют, что у нее слух, память, вокал, еще что-то, должно быть, дарование у Ленки есть. Три раза в неделю Ленка ходит в ансамбль при Дворце пионеров.

Ансамбль такой голосистый, что однажды его пригласили выступить в московском театре. С детьми отправился вагон родителей, родственников и знакомых. Поезд, как назло, задержался. С вокзала бросились к стоянке такси. Народу на стоянке тьма, а машин мало.

— Граждане, посторонитесь! — с ходу завопил руководитель. — Мы в театр опаздываем!

— Хорошо, когда люди по-доброму завидуют друг другу,— сказал корреспондент.— Это помогает им ставить себе честные оценки.

— Видели мы нахалов! — сказали ему граждане. — В театр, ха-ха! Люди вон на самолет опаздывают!

— Товарищи, дорогие! — сбавил голос руководитель ансамбля. — Вот эти дети — артисты! Впервые в жизни должны выступить на московской сцене! Товарищи, милые! До концерта — полчаса!

Очередь поворчала, но сдалась.

— Так бы и сказал!

Подошла машина.

— Сколько вас? — не разглядев в темноте, испугался шофер.

— Восемь! — с отчаяния соврал руководитель. — И все маленькие!

А их было шестнадцать человек. Родственники-то, едва увидели, как туго с машинами, кинулись к станции метро.

Шофер не хотел брать, но вся толпа на стоянке закричала и затопала на него, и шофер с перепугу согласился. Ансамбль ринулся в машину. Шофер хотел посчитать, но запутался, где головы, где ноги, и махнул рукой.

Едут, друг в друга дышат. «Фр-р» — милиционер.

— Такая-сякая машина, идет, разваливается на ходу! Сколько человек везешь?

— Восемь, — неуверенно сказал шофер, — и все маленькие.

— Вылезайте! — приказал милиционер. — Считать буду!

Увидев десятого, милиционер вздрогнул, двенадцатого — ахнул, четырнадцатого — схватился за кобуру, а там еще двое! Заикаться стал:

— Эт-то что? К-конкурс, кто больше посадит в машину?

— Дорогой товарищ! — сказал руководитель. — Сейчас тысяча москвичей и гостей столицы пришли в театр с желанием послушать наши песни. Мы торопимся на концерт, и мы обманули этого доброго шофера, чтобы не обманывать тысячу зрителей. Простите нас всех и отпустите!

— В ваших рассуждениях я понял одно: пытались обмануть государственную автоинспекцию! — сказал милиционер. — Вот за это шофер будет наказан!

Руководитель отчаялся: что делать? С тротуара глазели зеваки. Милиционер составлял акт. У ансамбля было одно оружие против законной власти милиционера — песня, и руководитель решил пустить это оружие в ход. Ансамбль выстроился по кромке тротуара. Как назло, ни одной милицейской песни в репертуаре — не предусмотрели.

— А-а, запевай нашу!

Желтый зайчик пляшет на окне.
Желтый зайчик улыбнулся мне.
Солнце спозаранку
Вышло на полянку,
Потому что лето на дворе.

Песня затрепетала над улицей, как флажок, и все росла, росла и превратилась в огромное, реющее полотнище. Не услышать, как трепещущее цветное полотнище вьется на ветру над улицей, мог лишь глухой или враг.

Позови нас, лето, за собой!
Ты — художник, лето, непростой.
У тебя три цвета,
У тебя три цвета —
Желтый цвет, зеленый, голубой.

Люди на тротуаре смеялись и аплодировали. Милиционер вышел на мостовую и поднял жезл. Когда улица покорно остановилась, милиционер дал знак водителю пустого автобуса подъехать к нему.

— К театру... отвезешь лауреатов премии московской милиции! До свидания, голосистые обманщики!

Они успели все-таки упросить милиционера простить шофера такси. Тютелька в тютельку прикатили в театр. С колес — прямо на сцену.

Папин брат рассказывал. В их колхозе неказистый парнишка получил орден Трудового Красного Знамени, а потом орден Ленина. Он незавидного роста, а работал — будь здоров!

Ребятам из деревни лестно пройти с ним по улицам райцентра. Только просили они: обязательно надень ордена. Сияние орденов освещало и их лица, украшало всех. А парнишка смущался.

И вот однажды в кинотеатре к ним подошел верзила и насмешливо сказал:

— Послушай-ка, голова на ножках! С отцовского пиджака ордена снял?

Парнишка беспомощно покраснел. И ребята растерялись. Выручила их пожилая билетерша, сердито сказав:

— Эх, дурында! Кабы ордена за рост давали, ты бы весь эмалированный ходил, блестел, как самовар. Орден-то не за рост, а за труд да за геройство дается.

Арсентьев толкнул Даянова, который торчал у двери, подслушивал, и тот с грохотом ввалился в директорский кабинет. Даянова пожалели — шишку на лбу набил, бедный ребенок, а Арсентьева погнали домой за родителями.

Несправедливо?

С Арсентьева как с гуся вода: пришел родитель, посидел с директором, поговорили. А Даянов к вечеру ходил уже с двумя шишками.

Справедливо?

Сложны пути справедливости.

Глава пятая, о зависти

Отшельник говорит: «Кошка, которую все гладят, хочет стать собакой, которую она боится».

Корреспонденту газеты понадобились для статьи на школьную тему абсолютно круглый

отличник и не очень круглый. Юрку Камбарова из седьмого «А» и меня позвали в директорский кабинет.

Корреспондент, в общем, был ничего, не старый и не нудный. Он записал наши фамилии и захлопнул блокнот.

— Поговорим, так сказать, для души. Может, ты начнешь, Артем? Расскажи о себе!

— Пусть лучше Юрка поделится с вами, как добился замечательных успехов в учебе, — сказал я.

Корреспондент посмотрел на меня с интересом.

— Ты не очень любишь отличников?

— Ну-у, я могу любить или не любить человека, а отличник тоже человек.

— Как ты думаешь, почему девчонки учатся лучше мальчишек? Во все времена так было, и когда я учился в школе.

— Не знаю, лучше ли, — обиженно сказал Камбаров.

— Девчонки — зубрилы, — сказал я. — Мальчишки после уроков голубей гоняют, в футбол играют, в хоккей, а девчонки носами по учебникам водят. У них игры — считалки да вязалки! Да еще учителя к ним по-другому относятся — кого жалеют, кто слез побаивается — они же ревут от двоек...

— По-твоему, все успехи девчонок — от усидчивости? И неуспехи мальчишек — от непоседливости?

— Может быть, и так, — вяло сказал я, а потом вдруг вдохновился. — Смотрите, допустим, жизнь — океан! Взрослые плавают в этом океане, как танкеры, электроходы, лесовозы. А мальчишки — будто парусные корабли! По одной воде все плаваем, но по разным законам.

— А девчонки?

— А они — баржи и плоты...

— У берега плавают, по-мелкому, — солидно подтвердил Камбаров. Он, наверное, считал, что круглые только так и должны говорить для газеты.

— Ты тоже в океан не выплываешь, — сказал я. — Такой же зубрила! Поэтому и учишься лучше всех.

— Никто и тебе не мешает, — обиделся он. — Наоборот, все уговаривают: учись.

Я понемногу начал злиться.

— Слушай! — сказал я. — Вдруг случится такое: надо бегом доставить в штаб за три километра важное донесение. Ты на первом километре умрешь, никакие знания тебе не помогут!

— А ты добежишь?

— Я добегу, а ты нет! Выдохнешься!

— А я, прежде чем бежать, подумаю: нет ли другого решения...

— Чего ты рисуешься? Три дня будешь размышлять!.. Пока бежать уже не понадобится.

— Может, придумаю, что и правда, не понадобится бегать.

— Ты когда-нибудь голубя запускал с руки? Он царапается в ладонь, просится в небо, и ты его сердце чувствуешь — тук-тук! Или хотя бы воробья? В тебе есть любопытство? Ты пошел бы за бугор, просто так, взглянуть, что там, за ним? Из одного любопытства? Чего молчишь?

Он вздохнул:

— Пошел бы.

— Ха-ха, тебя твои пятерки не пустят. Они на тебе висят, как гири. Тебе хоть раз приходила мысль, что когда-нибудь можешь полететь на Марс и уже сейчас тебе надо закаляться, быть крепким? Чтобы до седьмого пота, чтобы волдыри были на руках? Куда тебе!.. Я согласен, ты прочитал на сто умных книг больше меня. Ну скажи, хоть грамм силы они тебе прибавили?

Он молчал.

— Должен же кто-то придумывать и строить звездолеты для таких здоровых, крепких, как ты, Артем! — подсказал Камбарову корреспондент. Наверное, в его планы не входило поражение круглого отличника. Камбаров от поддержки воспрял.

— Ученые не из бегунов вырастают. Науку и технику, да и всю жизнь двигают вперед не мускулы, а головы...

Я и вовсе разозлился.

— Что ты хитришь? Хочешь стать примером для меня?

— В чем? — спросил корреспондент.

— Да ни в чем он не можеть стать! — вскричал я. — Он же на самом деле страшно завидует мне! Я умею гол забить, он не умеет. Я могу через любой забор перелезть, он в жизни к забору не подойдет: боится. Я двойку переживу как-нибудь, а для него это смерть. Ему нельзя заорать, засвистеть, побежать: отличник!

— Артем, а Юра умеет делать такое, что ты не умеешь?

— Нет, конечно!

— А когда ты стоишь у доски или когда контрольную пишете, ты не завидуешь ему?

— Ну, не очень.

— Но все же завидуешь, — сказал корреспондент удовлетворенно. — Как раз это мне и хотелось услышать в итоге спора. Хорошо, когда люди по-доброму завидуют друг другу. Это помогает им ставить себе честные оценки. Они гораздо важнее тех, которые стоят в классном журнале. Мало того, такая зависть двигает науку, литературу и вообще весь прогресс.

Я подумал, что корреспондент принялся уже писать свою умную статью.

«Люди, надо завидовать друг другу» — даже не знаю, какой знак в конце поставить — вопросительный или восклицательный.

Если мне на физкультуре скажут: «Артем, все прыгают в высоту на полтора метра, а ты не можешь!», — ну и что, чепуха! Если же скажут: «Ну что ты, даже Даянов прыгнул на полтора!», — тут я из кожи вылезу, но выпрыгну.

Человеку хотелось взлететь, как птице, — он поднялся в небо; хотелось плавать, как рыбе, — он вошел в море. Человеку хочется говорить с далекими звездами — он научится.

Мы научимся...

Марионетта на отрядном сборе заявляет нам:

— Что же вы, ребята, выпадаете из общего строя! Оглянитесь вокруг: 7-й «А» — правофланговый, 7-й «В» — правофланговый!.. Не стыдно вам?

— А за какие дела они правофланговые?

— Вот тебе открытие — не знают! Во-первых, у них ни одного отстающего, во-вторых, они были первыми на смотре песни и строя, в-третьих, почти все участвуют в разных кружках и секциях...

— А мы им в футбол накостыляли — раз, бумагу и металлолом всегда больше их собираем — два... А когда девятиклассник их Столыпина бил, кто-нибудь заступился? Три!

— Насчитаете сейчас и восемь и десять. Все равно вы должны позавидовать и подтянуться!

Не хочется нам подтягиваться, глядя на соседние классы. Тихие они и примерные, как тусклые портреты со смытой дождями краской вместо живых лиц. Почему мы должны брать с них пример? Отшельник говорит: «Надо стараться быть не похожим, а — лучше».

Ленка жила в печали. Ей хотелось главенствовать в своем классе, где учительница — мама. А на первом месте была Марина Брандыс. Была первой, по мнению Ленки, не из-за личных качеств, а случайно: хитрая Марина еще в детском саду начала переписываться с дочерью космонавта.

Ленка училась лучше Марины, и пела в ансамбле, и в балетную студию ходила. Но Марине стоило небрежно сказать на перемене: «Я письмо получила от космонавтов!» — и первый «А» млел и толпой ходил за ней весь день. А Ленкины балетные па и музыкальное сольфеджио принимались за кривлянье. В общем, не жизнь, а расстройство!

И тогда Ленка решила тоже затеять переписку. Но с кем? После сомнений, перебрав толпу киноартистов, писателей и маршалов, Ленка решила, что достойными соперниками дочери советского космонавта могут стать Агния Барто, Фидель Кастро Рус и президент Соединенных Штатов Америки.

А тут как раз знаменитая писательница по радио выступила. Она говорила, что ей приходит страшно много писем и что она не успевает отвечать на них лично. Ленку ответ по радио не устраивал. И она села писать Фиделю Кастро Рус.

«Дорогой товарищ Фидель Кастро! — такое начало появилось после многократного переписывания. — Это пишет советская ученица из первого «А» Лена Остролуцкая. У меня есть родители и старший брат Артем. А у вас есть дети? Вы им скажите про меня. Я летом нашла один гриб величиной с тарелку. Мы его уже съели. Если еще найду, я пошлю его вам в посылке. Или я засушу, а когда приедете в Советскую страну, я подарю Вам. А что Вы еще любите? Мама делает сладкую тянучку лучше магазинной. Ее можно вытягивать, как проволоку. Я еще так не умею делать. Но хочу научиться. Напишите мне ответ. Ваш друг Лена».

На конверте она вывела со старанием: «г. Куба. Ф. Кастро Р.».

Ленка понимала, что американскому президенту так писать не годится. Он не друг Советской страны. С президентом надо говорить коротко и строго.

После раздумий Ленка написала: «Вы всегда хвалитесь своей Америкой. Если бы я стала хвалиться своей страной, мне бы целой тетради не хватило. А когда свободу дадите другим народам? Напишите ответ в письме. Советская школьница Елена Остролуцкая».

Тут у бедной первоклассницы, сделавшей такое важное заявление, вообще ум за разум зашел. На «американском» конверте вверху, где «Куда», Ленка написала свой подмосковный адрес, а внизу, где «Откуда» — «Америка, Главному Президенту».

Через два дня, доставая почту, я получил это послание. Хотел я написать Ленке ответ от имени президента США. Но потом передумал и вообще Ленке письмо не показал: зачем расстраивать девчонку. Тем более, президент Америки скоро стал бывшим президентом.

Поразмышляв, Ленка решила, что из-за ее письма он и ушел. Отвечать-то ему было нечего советской школьнице.

Письмо Фиделю Кастро вернулось через месяц, сплошь заштемпелеванное, с суровыми словами на приколотой бумажке: «В г. Куба Азербайджанской ССР гражданин Ф. Кастро Р. в проживающих не значится». Тут уж не только Ленка, а и я обомлел.

Достав пудовый географический атлас, мы с Ленкой нашли город Кубу среди Кавказских гор. Да это что: в нашей стране оказались деревни — Париж, Вена, Варшава...

— Надо географию знать! — назидательно сказал я Ленке.

Через неделю я заметил, как Ленка украдкой листает атлас и шевелит губами: «Ахалцихе, Ахангаран...»

Так неожиданно попытка знакомства со знаменитостями повернула Ленку лицом к географии.

Василиса Андреевна задала на уроке литературы такую задачу:

— Представьте, что вы навсегда улетаете с Земли. Ракета у вас небольшая, буквально во всем приходится себя ограничивать. Вы можете взять с собой пять книг. Только пять! Подумайте и составьте каждый свой список!

Все стали вспоминать свои любимые книги, что еще собирались прочитать и о какой книге слышали.

— Формат книги учитывать? — спросила умница Воропаева.

— Нет, Валенька! Можно взять хоть тома Большой Советской Энциклопедии.

Даянов, не почесав за ухом, моментально написал в тетради: «Пять штук Большой Советской Энциклопедии». Кое-кто стал вспоми-

нать тома объемом с чемодан. «Тысяча полезных советов», например: как избавиться от мух, как натирать паркетные полы и вскапывать приусадебные участки.

Василиса Андреевна собрала списки. Больше всего, конечно, оказалось приключений и фантастики. Даже Отшельник взял с собой в космос пару шпионов и одного сыщика.

— Мне кажется, лучший подбор книг у Вали Воропаевой, — сказала Василиса Андреевна. — Судите сами: «Дон Кихот», «Путешествия Гулливера», «Маленький принц» Экзюпери, сборник современных писателей и поэтов и «что-нибудь из фантастики». Вряд ли доставит удовольствие читать до седых волос «Всадника без головы». В Валином списке прослеживается не только развитие литературы, но и развитие, движение человечества. Учитывая эти замечания, еще раз составьте списки, уже качественно новые.

Теперь списки представляли чуть не всю мировую литературу: от «Одиссеи» Гомера до пиратской «Одиссеи капитана Блада». Даянов нагрузил ракету тремя учебниками истории: древнего мира, средних веков и современной. Где-то он слышал про Данте, не зная толком — фамилия это или название книги: вписал — «Данте». Оставалось свободным еще одно место. Ему пришло в голову поостроумничать:

— Василиса Андреевна, а можно я телевизор возьму?

— Ну что ж, — сказала Василиса Андреевна. — Ты, Алик, можешь взять ящик мармелада вместо книг!

Даянов тяжело вздохнул и написал: «Что-нибудь из поэтов».

Поразил в этот раз Сережка: «Телефонный справочник и четыре пачки бумаги».

— Зачем это, Сережа?

— Буду придумывать телефонные разговоры с людьми, со всякими организациями, заводами. Каждый разговор — рассказ, вот и выйдет пять книг, — разъяснил Сережка.

Мы с Отшельником переглянулись, а в классе закряхтели:

— О-о! Еще один мыслитель!

Если бы Василиса Андреевна предложила написать третьи списки, у большинства бы полу-

Мы стояли под молодым дубом. Его еще не тронула осень...

чились хорошие подборки. Фантазия у всех только разыгралась.

Высокие каблуки и платформу придумали, конечно, низенькие люди. Они же изобрели ходули, лестницу, верхние этажи и слова «каланча» и «дылда». Женщины придумали призыв: «Берегите женщин!»

А что придумали дети? Дети придумали свой мир.

Добрый. Справедливый. Не похожий на взрослый.

Это о нем говорят: «Загадочный мир ребенка». Говорят, забывая, что сами были детьми.

Наверное, первый раз в жизни Валя Воропаева не подготовилась к уроку. У человека может быть для этого сто зряшных причин и несколько основательных. У Вали была основательная — заболела мама. И умница Валя тем не менее мужественно вышла отвечать.

Она спокойно пересказала то, что успела прочесть за пять минут до звонка. Дошла до последней прочитанной фразы. И тут Василиса Андреевна остановила ее.

— Хватит, Валюша, а теперь... — и задала ей вопрос из предыдущего урока. И еще два дополнительных вопроса. И поставила пятерку.

Соседка Вали по парте — зубрила Наташа Пробникова на перемене догнала Василису Андреевну.

— Вы Воропаевой пятерку поставили, а мне четверку, она пять минут почитала, а я целый вечер готовилась...

Василиса Андреевна только улыбнулась.

— Ты, Наташа, не слышала притчу о художнике? Он получил заказ и за два часа нарисовал картину. Богач узнал об этом и заявил, что цена за два часа работы очень высокая. Художник сказал ему: «Я рисовал эту картину всю жизнь и еще два часа!» Вот так, Наташа!

Не знаю, поняла что-нибудь Пробка или нет...

Глава шестая, о доброте и жестокости

Вечером десятого января папа позвал меня прощаться с новогодними елками.

— Завтра их увезут из города.

Мы ходили по улицам, скверикам, по белому ночному парку, где кружилась большая светящаяся ель. Она мигала цветными огнями, как и в новогоднюю ночь, но сейчас веселить было некого, и вот в пустом парке елка мигала для себя и кружилась в последнем танце.

На привокзальной площади стояла громадная елка, похожая на старую колокольню. Был слышен свист электричек и морозный скрежет колес.

Мы дошли до Огородной улицы. Началась она с крохотной площади, над которой висели два желтых фонаря. Их слабый свет терялся в ветвях елки, кажется, ничем не украшенной. Мы остановились у каких-то ворот, там нашлась лавочка. Папа молча закурил.

Было холодно, немного ветрено.

— Прислушайся, Артем! — сказал папа. — Слышишь?

Еле уловимый звон пронесся над улицей, словно где-то в небе осторожно тронули тонкие стеклянные нити. На минуту все стихло, и снова перезвон пробежал по улице. Прозвенели тысячи крошечных ледяных колокольчиков и растаяли.

Скрипел снег под шагами редких прохожих.

Папа молчал, закрыв глаза. Сигарета тлела в его пальцах. Звезды были большие и острые, как глаза далеких маяков. И опять — «Длен-н-нь! Лень-н-нь! Ен-н-нь!» — посыпался стеклянный, серебря-ный, оловян-ный дождь. Словно на крыши домов и на улицы долго сыпались полые хрустальные шарики.

За порывом ветра вдруг раздался жалобный звук, будто заплакала девочка. Я с тревогой посмотрел на папу.

— Это елка, — сказал он, вздохнув. — Какой-то растяпа, когда рубил, ствол ей расщепил. Ветер ее раскачивает, тяжело ей стоять.

Все холоднее становилось. Мы медленно пошли от плачущей елки. И почему-то чем дальше уходили, тем грустнее мне становилось.

Утром я пришел к этой елке снова. Рабочие срывали с нее длинные стеклянные нити. Перерубили елку пополам и кинули в кузов. Машина зарычала и ушла. Пошел снег, засыпая серые иголки.

Я свернул в парк. Елку увезли, только лежал на том месте забытый деревянный крест из-под нее.

Мы с Отшельником поехали на место гибели Гагарина. Первый космонавт Земли погиб не в космосе, а посреди русского леса. От тяжелого удара самолета образовалось в лесу небольшое озерцо. Обступили его белые березы. Сбегаются к озерцу лесные тропинки.

Как нарочно, осенний этот день был грустным.

Осенью иногда кажется, что планета Земля — остров посреди бездонного синего океана. Ни облака в синеве, ни ветра. Только летят листья, бесшумные и прозрачные, как стрекозы.

И как капелька этого синего океана — крохотное печальное озерцо на острове Земля. Падают листья. От листьев его поверхность рябая, красноватая.

Мы стояли под молодым дубом. Его еще не тронула осень, но уже чувствовалось, что вот-вот дуб вспыхнет, как красный факел. Лист неслышно отделился от его вершины, косо спикировал на меня и на одно мгновение замер, словно лег на невидимый стол.

Я поймал его в этот момент. Лист затрепетал в руке, забился и, скользнув с ладони, упрямо

закончил полет, опустился на высокую еще траву. Я поднял его и машинально сунул в карман.

— Жалко, что мы никогда уже не спрашиваем, куда закатывается солнце! — сказал почему-то Отшельник.— Как будто уже все на свете знаем!

Печальная тишина лежала в лесах.

И шли мы молча с Отшельником до далекой станции.

Вечером я отдал листок дуба Ленке.

— Храни его,— сказал я.—Он с места гибели Гагарина.

Ленка боязливо взяла дубовый лист и долго с удивлением смотрела на него. Потом он отпечатался на страницах «Русского языка», оставил там светло-желтый рисунок с тонкими прожилками. Я однажды неосторожно взял хрупкую пластинку, она рассыпалась в руках. И остался на страницах лишь восковой отпечаток.

Когда я беру в руки эту книгу, всегда вспоминаю осенний день: темное, издали почти черное озеро, которое вблизи совсем прозрачное, небо с белой чертой высокого самолета, и мысль, что мы живем на острове посреди бездонного океана.

Отшельник говорит: «Цветок думает, что самое большое зло — коза, коза думает, что — волк, волк думает, что — охотник с ружьем...»

Мы с Сережкой по заданию тимуровского штаба ходили по одноэтажной окраине города. Зашли в один старый, вросший в землю дом. Хозяин, одинокий старик, болел. Он лежал у окна, смотрел в сад. Там под яблонями от холодного ветра ежились и потрескивали листья.

Старик нам обрадовался. Попросил нас сходить в аптеку. Мы вскипятили чай.

— Вы, ребятки, не торопитесь,— сказал он.— Когда человек все время один, дни кажутся длинными. У меня родственников нет, сын только, да и то в Заполярье...

Мы сидели два часа. Старик показывал фотографии из семейного альбома, объяснял, кто кому кем приходится. Я стал томиться.

— Дедушка, может, еще что надо сделать? Дрова, например, можем наколоть. Вы не стесняйтесь, скажите!

Он полежал молча и сказал:

— Ничего мне не нужно, ребятки, кроме мысли, что я сам кому-то нужен...

— Дедушка, а сын ваш... дайте адрес, мы ему напишем.

Старик махнул рукой и отвернулся.

Сад был какой-то согнутый, стволы яблонь и вишен корявые. Ледяными шагами к старому саду и его старому хозяину двигалась зима.

— В саду надо убрать, запиши,— сказал я Сереже.

— В саду... да,—пробормотал он.—А с ним как?—Он кивнул на дом.

— С ним придумать надо, Сережка!

Два дня мы убирали, укутывали сад.

Пройдет зима, расправят яблони свои заспанные суставы и хрустнут, потянувшись, и снова станут зелеными. Выйдет к ним старик, и коснется его весна теплой рукой... Выйдет... Должен выйти...

Внезапно как-то открылось мне, что в жизни человека есть те же времена года: весна, лето, осень, зима. Зима в человеке и зима на дворе...

— Старику зимой тепла больше нужно, чем яблоне,—сформулировал Отшельник.—Его одним укутыванием не согреешь...

И пришли мы к старику всей тимуровской пятеркой. Выпал первый устойчивый снег. В доме было светло от сухого за окнами снега, в печи потрескивали дрова. Старик выздоравливал, ходил от окна к окну, радовался снегу.

— Здравствуйте, дедушка. У нас тут случилась одна беда... Вы должны нам помочь...

С каким жадным вниманием он слушал нас...

Я стыжусь слез.

Всегда ли слезы признак слабости?

Я читал, что Лев Толстой плакал, сидя в зимнем лесу на пеньке у незамерзающего родника.

— Ленка, ты какой хочешь быть?

— Красивой.

— А еще?

— Высокой.

— А еще?

— Умной.

— А еще?

— Гордой.

— Ну, а еще?

— Что ты ко мне привязался? Скажи сам, каким хочешь быть?

— Красивым, высоким, умным, гордым и еще — сильным. Почему язык не поворачивается сказать—добрым? Стесняемся мы доброты, что ли?

Раз я видел перерезанную трамваем собаку и бледную, плачущую женщину вагоновожатую. И молчаливую толпу рядом. Хотя это была совсем беспризорная дворняга.

А в другой раз видел, как столкнулись две легковые машины, не так, чтобы вдрызг, а просто побили фары, и два шофера яростно сцепились, делая друг с другом то, что не сделала с ними авария.

И еще видел в кинофильмах зеленые луга, алые маки, лошадей с ласковыми глазами, а потом рвались бомбы, земля выворачивалась наизнанку, с человеческим криком падали те ласковые лошади. И никому не было дела до их жизней.

И десятки раз видел, как бьет человек человека по лицу, и я сам бил, и меня били.

И сотни, тысячи раз видел, как люди с добрыми улыбками пожимают друг другу руки, и я сам пожимал, и мне пожимали.

Чего в мире больше: добра или жестокости?

Отшельник говорит: «Не жди от вороны соловьиных песен».

И еще Отшельник говорит: «Хорошо, когда в жизни бывает шиворот-навыворот, осторожность храбрая, зло доброе...»

— Мне не встречалось такое!

— Когда ты съездил хулигану по морде, твое зло доброе!

— Значит, Отшельник, у добра кулаки должны быть больше, чем у зла?

— Хорошо, если бы так было!

— Но ведь тогда кулачное добро побьет зло и само обернется злом. Против такого добра нужно выпустить другое, с еще большими кулаками. И так до тех пор, пока над всем миром будет висеть один кошмарный кулак!

— Не будет зла, не нужно будет и кулачное добро, Артем!

Сережку мать взяла с собой на Новый год в Ташкент. Потом она улетела, а Сережка остался на каникулы у тетки.

— Серый, у тебя там, в вашем Подмосковье, девчонка есть? — в первый же вечер стал допытываться двоюродный брат Артур.

— Нету, а зачем?

— Ну-у, ты еще ребенок, объяснять тебе! — снисходительно сказал Артур. Он был на два года старше Сережки. — Пойдем, я покажу тебе Люсю!..

Люся болела и лежала в постели: белая, с розовыми пятнами, похожая на большую новую куклу. Она тоскливо смотрела в окно. В Ташкенте зимы еще не было, продолжалась осень. Город насквозь промок от дождей. Дымы висели над трубами, как сырые хвосты.

— Я будто в поезде, который на неделю застрял на какой-то противной станции!

Так немного капризно говорила она Артуру и Сережке. Им прийти к ней — из подъезда в подъезд перебежать.

— Зато ты лежишь в мягком вагоне! — сказал Артур.

— В каменном! — Она вдруг сказала: — Знаете, что мне больше всего сейчас хочется? Снег в руке подержать. Хоть комочек бы снега. Чтобы морозный был, скрипел бы в руках...

— Ха, это мы запросто! На небо сейчас позвоним! Алло, небесная канцелярия? Где там бог? Что, совещается с чертом? А кто снегом распоряжается? Снег на Ташкент когда будете сыпать?

Артур долго еще изощрялся в остроумии, а Люся на него холодно посмотрела, откровенно зевнула и затосковала.

— Капризная Веселюся ужасно! — сказал дома Артур. — Снег ей подайте!..

— А горы далеко? — спросил Сережка.

— Не очень.

— Там снег есть, наверное?

— А самолет в Магадан не хотите заказать, господин барон?

— Зачем самолет, поездом до гор.

— Мерси, разогнался! — Артур повертел пальцем у виска. — Снег хочу, звезду хочу, в рабы тебя, несчастного, хочу! Интересно всю жизнь прожить рабом?!

— Царем, конечно, интереснее, — ответил Сережка. — Захотел — ледяную гору сделают, захотел — полстраны тебе заморозят.

— Ты, Серый, оказывается, толковый-бестолковый у меня брат! Тебя не переспоришь!

Утром Артур встал поздно. Сережки дома не было.

— Мам, где Сережка?

— Я у тебя хотела спросить, где Сережка?

Решили, что любопытный мальчишка спозаранку пошел смотреть город.

Сережка в это время подъезжал к горам. Полупустая электричка с размаху ныряла в туннель, сердито стучала колесами: и чего тебе, мальчик, не спится?

Тропа уходила в тучи, как в вечер. Сережка скользил по мокрой желтой тропе, падал, съезжал вниз боком, спиной, животом, но вставал и упрямо лез вверх.

А шел дождь, хитрый дождь, — будто он и не дождь вовсе, а просто водяная пыль, но внутри от него становилось сыро и холодно.

Наконец посветлело.

Сережка оказался будто на чердаке под высокой стеклянной крышей. На верхних тонких тучах золотым диском лежало солнце. И под этой крышей блестели снега.

В стороне от тропинки дымил короткой трубой домик. Сережа постучал. С широкой скамьи поднялся бородач, удивленно посмотрел на мокрого, измазанного желтой глиной мальчика.

— Садись к печи, обсыхай! — велел он. — Чай в термосе, хлеб на столе, сахара нет. Управляйся!

Сережка обжигался чаем и осматривался. Жилище было — избушка, а человек в нем — огромный.

— Всех встречаю по пословице: сначала накормить, обогреть, а потом расспросить. Куда путь держишь, добрый молодец? За солнцем?

— За снегом, — хлюпая носом, сказал Сережка.

— Ну-у, брат! И для чего? Или для кого?

— Так, одному человеку.

— Не хочешь говорить, дело твое!

Посматривая на заляпанное глиной лицо Сережки, бородач достал уголек и лист твердой бумаги.

— Выдержишь десять минут не шевелить ноздрями?

— Вы художник?

— Я не просто художник, я, брат, ленивый художник. Писать сейчас нечего, от сырости сердце расклеивается. Я когда нашел этот домишко, обрадовался, дровами запасся, продуктами. Сначала под солнцем жил, хорошо. Потом тучи пришли, мрак. Рисовать неохота. Все бока отлежал. Но вот тебя дождался...

Художник скрипел угольками и все говорил, говорил, а Сережке захотелось спать. Хорошо бы сейчас оказаться в постели, он уже ощущал, как голова вминается в подушку... Артур пошел к Веселюсе... По ее окну стучит дождь... «Хоть

комочек снега!» — произносит она... Сережа встряхнулся.

— Я пойду!

Куртка высохла до жесткости панциря.

— Богатырь ты, брат! — попрощался с ним художник.

Нижняя кромка снегов состояла из коротких грязных сосулек. Дальше снег лежал ослепительно белый. Сережке хотелось лечь на сверкающем склоне, вытянуть дрожащие ноги. Но он поднялся еще выше и услышал, как снег морозно поскрипывает под ногами. И он набрал снега полный целлофановый мешочек.

Спускался он через висящий дождь тяжело. А добравшись до станции, увидел, что снег в мешочке раскисает. Что делать? «Холодильник бы с собой взять», — с грустной иронией подумал он.

Пришла электричка, распахнула двери. Сережка послонялся по перрону, хотелось плюнуть на все, влезть в вагон. Он подходил к дверям вагона, но — «комочек бы снега!» — с тоской говорит, наверное, в эту минуту Люся... Так он промыкался у электрички, пока она не ушла. Сережка выплеснул из мешочка снежную кашицу и полез опять в гору.

Артура в этот час мать допрашивала:

— Вспомни, о чем разговаривали вечером. Может, он собирался куда-нибудь?

Сережа обжигался чаем и осматривался. Жилище было — избушка, а человек в нем — огромный.

— Никуда, вроде.

Артур после вопроса матери вспомнил, что они с Сережкой накануне говорили о снеге. Точно, укатил в горы, простофиля. Вот брат нашелся!

— Где же его искать теперь? — Мать встревожилась.

Артур слонялся по кухне, пока не уперся взглядом в холодильник. Ага! Морозильная камера в холодильнике одета в легкое платье из инея. Артур накрутил до отказа регулятор холода, моторчик загудел, погнал мороз по трубкам. «Мы и на кухне слепим шикарный снежок!» — Он развеселился.

Однако Сережка не приехал и вечером. Это оборачивалось бедой. Артур то одевался, собираясь идти искать пропавшего брата, то со злостью швырял куртку в угол. Так он и заснул полуодетый, решив: как только братишка объявится, он ему и снег и раков в горах покажет.

Сережка с художником пили чай, говорили. Печка тихо взрывалась, потрескивала.

— Дома попадет?

— Может, нет, а может, попадет.

— Сам не знаешь?

— Мама уехала домой, а тетка — не знаю еще — добрая или нет.

— Если тебя, брат, есть кому ругать, это хорошо!

На горы опускалась ночь.

— А вы где живете?

— Да в Ташкенте вообще квартира... Ничего город?

— Я не видал еще толком, — сказал Сережка. — Может, красивый. А отчего вы не рисуете просто людей, просто дома и улицы в городе?

— Ну как тебе объяснить?.. Ты же можешь спросить: а отчего вы не фотографируете? Это быстрее и точнее, чем рисунок. Правда?.. Ты пионер?

— Я знаменосец в дружине! — гордо сказал Сережка.

— Тем более. Вот идешь ты со знаменем впереди строя... Гремят барабаны... Блестит медь... И ты идешь, как на пружинах... Разве сможет фотография передать, как ты и знамя, вы взаимно освещаете друг друга, разве передаст всю трепетность красок? Нет!

Сережка задумался.

— Вот растет в городе клен зеленый, или в лесу вдруг встретился человек — это тема для художника. Тут, понимаешь, есть столкновение: живое дерево — бетон и металл города; лес, природа — человек, истребитель или защитник природы. Посмотри на эту черную скучную печку. Допустим, я сфотографирую ее такой. Ну и что?! Будет черная скучная фотография. А ты взгляни, Сережа, какие прекрасные блики бросает огонь на стену! Маленькие красные всадники мчатся в бой, несутся вперед — ты видишь? Мы, брат, показываем людям то, на что они смотрят и не видят.

— А зачем?

— Видишь ли... Ты в музеях бывал, конечно. Ну да, Москва... В музее, в картинной галерее ты хоть раз наблюдал дикие выходки людей? Грубость какую-нибудь? Нет. Когда много прекрасного вокруг, человек сам становится красивым. Тебе сколько лет?

— Четырнадцать.

— Много уже, брат! Пора не только ставить вопросы, но и самому отвечать на них.

Спали они на скамье, на большом мохнатом тулупе. Сны летали на бесшумных крыльях. Сережке снилось, как горы шепчутся большими ртами-пещерами, как горит гигантская печь, бросая на белые вершины тысячи красных всадников. И снежные шапки гор таяли, текли ручьями...

На рассвете художник подложил в печку несколько поленьев и ушел из домика с термосом в руках. Вернувшись через час, он разбудил Сережку.

— В термосе снег, уж его-то довезешь! Но термос потом вернуть надо, я без него пропаду.

— Вы здесь долго будете?

— Пока не состарюсь! — невесело пошутил художник.

Резко похолодало. Сережка спустился по затвердевшей тропинке. Долго не приходил поезд. Зябко на унылом перроне. Сережка дрожал. И когда забрался в вагон — выбрал самую теплую скамью.

Ехал Сережка зимней электричкой с гор. Прижимал термос, вздрагивал во сне. Он забыл про Ташкент, про Артура, забыл про Люсю, из-за которой дважды поднимался на гору. Просто его сердцу сейчас было хорошо, и сон был хороший, светлый. Не будите его, не будите!

— Эй, соня, приехали!

Сережка вышел из вагона и остановился в горьком изумлении: перед ним был тихий белый город, весь в снегу.

Всю ночь на город падал снег.

Артур утром наскреб из холодильника горстку белого снега в фарфоровую кружку. И только на улице до него дошло, почему дома было необычно светло. Кружились белые хлопья. На нарядной земле не было ни одной черной кляксы лужи. Деревьям, измученным сыростью, уже снились зимние сны.

Из дома выходила Люся. И медленно к дому приближался Сережка.

Они сошлись втроем и с первого взгляда все узнали друг о друге. Хмурый Артур с кружкой кухонного снега, Люся с еще слабой улыбкой радости, несчастный Сережка с термосом стояли в молчании. Люся-Веселюся не выдержала.

— Смотри, Сережа! — сказала она. — У тебя на куртке орден Снежной Королевы!

На высохшей желтой глине куртки мерцала громадная снежинка. Сережка хотел сохранить ее, но снежинка заскользила, обламывая лучики. Артур незаметно высыпал из кружки бледный снег, рожденный в темноте холодильника.

— Пойдем, Серый, домой, сейчас мы тебе тоже ордена и медали вручим! — пообещал он.

— Сергей, я тебя подожду здесь, — сказала Люся. — Я тебе город покажу, ладно?!

От этих ли слов или от чего-то другого Сережка выпрямился и стал выше, и пошел домой, держа в руках термос со снегом с высоких вершин.

Почему я всегда стыжусь слез?

Мне приснилось... нет, это не кошмар, просто я не могу объяснить... Как будто я находился в громадной яме, а наверху, задирая головы, стояли возбужденные толпы людей и кричали, махали руками. В небе висел странный, спаренный самолет. По нему лупили со всех сторон зенитки. И самолет мигал вспышками, но я видел из ямы, что это не выстрелы, а световые сигналы: «Артем, у нас катастрофа!» Самолет рос, рос, и оказалось, что это гигантский звездолет, пятьдесят два километра в поперечнике (почему столько?). Но он висел еще страшно высоко и походил на самолет, а зенитки палили по нему, и где-то ракеты уже принюхивались острыми носами к его следу. Я один знал, что это не самолет, но я сидел в яме. Я кричал, бился головой о земляные стены: «Люди, остановитесь, не стреляйте!» «Артем, у нас катастрофа!» А хищные тела ракет уже поднимались над землей. Я проснулся, задыхаясь, в горле застрял дикий крик, а тело напряглось в исступленном желании вырваться из ямы, предупредить, остановить.

— Артем, ты болен?

— Нет...

— Как же нет, милый, ты весь красный! Ну-ка, температуру... не так страшно, но давай попьем чай с малиной. И ложись опять, а я тебе почитаю.

Я не слышу, что мама читает, занятый переживаниями сна, потом слушаю ее голос и думаю: «Хорошо, что есть мама!» Потом мысль переключается: «А как живут ребята, у которых нет родителей? Если увижу, что издеваются над такими... У-ух! Побью такого!»

Папа терпеливо приучал меня работать в саду. Я сначала злился, а потом полюбил сад и полюбил работу в саду. По утрам земля дышит, она живая. Бежит сок по стволам, по веточкам. Дерево просыпается, оно живое. В руках секатор — гнилую ветку прочь, не заражай весь организм!

Осенью ходишь по тихому саду, готовишь его к зиме, к долгим белым снам. Хорошо, когда понимаешь, что на живой земле растут живые сады.

Ленка подобрала летом аиста со сломанным крылом. С трудом приволокла огромную птицу домой. Носилась с мазями, бинтами, ни о чем не говорила, кроме как о своей длинноногой больной. Вся округа знала, что Ленка Остролуцкая стала птичьим доктором.

Мне казалось, она его погубит. Но аист поправился.

Поселился аист на верхушке старой закрытой церкви. Для меня аист был таким же недоступным, загадочным, как церковь. Он прилетал в гости к Ленке. Аист поступал умно: садился на крышу сарайчика и распахивал огромные крылья — в комнате становилось темно, и все знали — прилетел к Ленке ее друг аист.

Однажды аист появился у дома возбужденным. Он не стал пить, есть, а только подпрыгивал, щелкая клювом, а раз даже дернул Ленку за косичку. Ленка торопилась в школу и отругала аиста:

— Ты ведешь себя не как большая птица, а будто глупый цыпленок!

На уроке ей вспомнилось беспокойство аиста. Что-то с ним случилось, а она не смогла понять. Церковную макушку она со своей парты не видела.

— Лена, не отвлекайся!

— Ольга Владимировна, можно мне выйти? — попросилась Ленка. — Я на одну минутку только!

Она с такой отчаянной мольбой посмотрела на маму, что мама отпустила ее. Ленка перебежала двор. Уже видна церковь. Белого аиста, часового города, не было в гнезде. Ленка медленно пошла к церкви. Над пустым гнездом носились, каркали вороны.

Аист улетел в далекую Африку. Путь далек — вперед, вперед! — вожак не велит оглядываться; прощай, девочка Лена!

По щеке Ленки скатилась слеза.

Она пошла не в школу, а домой. Достала свой потайной дневник и написала: «Я не поняла. Он со мной прощался. Я глупая. Когда он прилетит обратно? Скорее бы пришла теплая весна».

— Опять не подготовился, Арсентьев! — говорит Нина Михайловна. — Ладно, тройка... Но учти, Арсентьев, три пишем, два в уме!..

— У нее в уме, а у меня в журнале! — хвастает потом Арсентьев. — А журнал — документ!..

Арсентьевская тройка в журнале — доброе зло или злое добро?

Я видел, как папин брат плакал в скверике. Уткнулся головой в мохнатый бок своей собаки и плакал. Один глаз Бальдура, повернутый на хозяина, был страдающим, добрым, а другой, косящий на прохожих, — предупреждающим, суровым.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Узбекской ССР

На рассвете

Я видал,
Как ты летал
Возле дома
На рассвете...

Ты на цыпочки привстал
И поймал в ладони ветер.
И внезапно полетел
Мальчик худенький,
Вихрастый.
И в глазах твоих синел
Мир огромный и прекрасный.
Как ты был отчаян, смел,
Как стремился, как старался!

Через куст перелетел,
Край забора чуть задел.
Иногда вдруг оступался
И на землю с высоты
Неуклюже падал ты...
Падал ты и поднимался.

На траву присел.
Устал.
И знакомою тропою
В дом помчался, мяч достал...
Занялся другой игрою.
Мяч летал,
И ты летал
Ранней
Утренней порою!

Бабушка вяжет

Крутится шерсти клубок.
Бабушка вяжет и вяжет...
Вдруг обернется и скажет:
— Пасмурный день.
Ветерок.
Внучек, надень
Свитерок!

Рисунки **А. ВАСИЛЬЕВА.**

Мой первый бой

Мой первый бой —
С самим собой.
Когда на линии огня
Сам пред собою — как броня.
И в вихре яростных атак
Сам перед собой — как дерзкий враг.
Где трусость за руку берет,
Но смелость говорит:
— Вперед!

Мой первый бой —
С самим собой.
Главнейший бой.
Труднейший бой.
Суметь
Себя преодолеть.
И жизнь свою и даже смерть.
А дальше — с кем угодно бой
Уже полегче... Он — второй.

Исчезли рыцари...

Кто говорит, исчезли рыцари?
Сегодня рыцари — девчонки!
Подстриженные наспех, рыжие,
На лбу задиристые челки.

А у парней — прически длинные.
Они такую взяли моду.
В мороз девчонки и под ливнями
Спешат мальчишкам на подмогу.

Но иногда бывает горько им
Читать о днях минувших книжки...
Девчонки были там девчонками,
А рыцарями — все мальчишки!

Золотая лошадь

Предвечернею порой
В городишке
За рекой
Вывели на площадь
Золотую лошадь.

Покупатели снуют:
— Что,
Скажите, продают?
— Золотую лошадь!..

Ну, была бы вороной,
На худой конец
Гнедой,
Но такую лошадь...

Ходят люди взад-вперед,
Разве кто-нибудь возьмет
Золотую лошадь?

Было небо золотым,
Речка золотою.
Золотистый чистый дым
Вился над избою.

Подъезжал к реке народ,
И шумела площадь.
И грустила у ворот
Золотая лошадь.

Солнце село за рекой —
Стала чуточку гнедой
Золотая лошадь.
Позже стала вороной
Золотая лошадь.

Увели ее домой...
Опустела площадь.
А рассветною порой
Вновь стояла
За рекой
Золотая лошадь.

Муравей на тропе

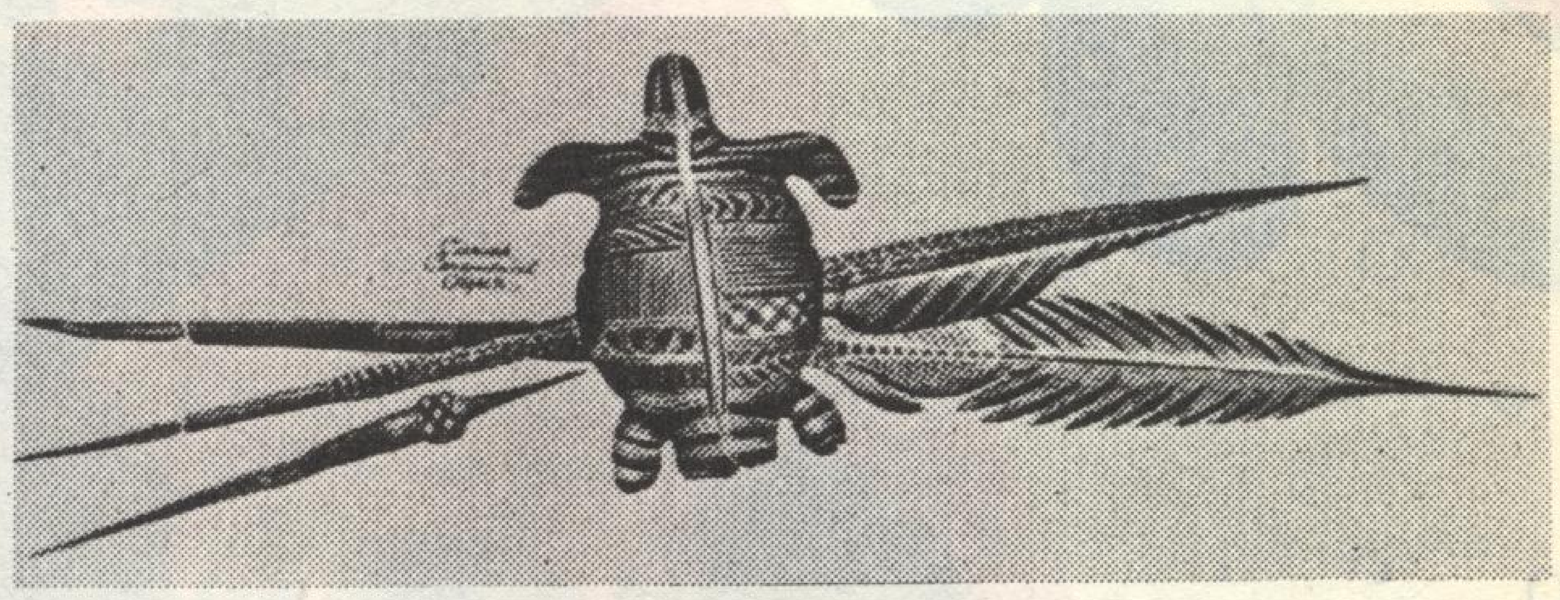
Однажды на тропинке Муравей
Сказал мне так:
— Идите осторожно,
Не наступайте на моих друзей
И на меня, ну разве это сложно?
Ведь, кроме вас, по этой же тропе
И муравьи шагают рано утром.
Прислушайтесь к земле,
воде,
траве —
Слывите, Человек, вовеки мудрым!
Вот Ящерка.
На камне у ручья
Под солнцем греется.
Поймать ее несложно.
Вот Уж. Неядовитая змея.
Кусты покрыты пылью придорожной.
Не цельтесь камнем в певчего Дрозда,
Мышей летучих с криком не гоните,
Того Птенца, что выпал из гнезда,
Возьмите нежно, матери верните.
Порой промчаться ведь немудрено
И растоптать живое ненарочно
В земле, где всходит доброе Зерно,
В траве, где в домик Ящерки окно,
А в луже — Головастиков полно...
Я вас прошу,
идите осторожно.—
Так мне сказал ученый Муравей,
Ступая чинно по тропе своей.

Меня назвали Нунга

Все ребята, приславшие нам карты с маршрутами плавания, предлагают отправиться к берегам пятого континента — в Австралию.

Что ж, в путь, друзья! Дорога нам предстоит неблизкая: огибаем мыс Доброй Надежды и через весь Индийский океан с запада на восток!

А поведет наш корабль в это плавание журналист Владимир БОЛЬШАКОВ.



По шоссе номер один

Из Сиднея до Гладстона путь дальний — две с половиной тысячи километров... Едешь по Австралии и словно листаешь учебник ботаники. Что только не растет на плодородных австралийских землях! У Сиднея — картофель, яблоки, сливы, груши, арбузы. К северу климат, наоборот, становится жарче, чувствуются тропики. И растения уже другие. Виноградники постепенно уступают место ананасовым плантациям, банановым рощам, зарослям сахарного тростника.

...Все больше расстояния между городами и поселками. Все реже человеческое жилье. Только эвкалиптовые леса, или буш, как их здесь называют. Встречаются огромные «бесстыдницы» — деревья с облезшей корой — и похожие чем-то на наши ивы небольшие «резиновые деревья».

Иногда из буша появляются стада кенгуру и перебегают дорогу. А то и вскачь несутся вдоль шоссе. Издалека кажется: какой-то гигант вышел на дорогу и несется навстречу машине, размахивая руками. Теплый воздух, поднимающийся от нагретого солнцем гудрона, обволакивает «гиганта», делает его похожим на призрак. Водителю надо уметь вовремя затормозить, чтобы не столкнуться с рослым рыжим самцом.

Прыжок кенгуру прекрасен. Толчок длинными задними ногами, дуга в воздухе с выгнутым хвостом и поджатыми передними лапками, приземление, новый толчок. Силуэт прыгающего кенгуру напоминает чем-то бумеранг. Может быть, глядя на кенгуру, аборигены и придумали свое странное, ни на что не похожее оружие.

Вдоль дороги стоят столбики с неизвестными у нас дорожными знаками: «Осторожно, следующие 15 километров — кенгуру», «Осторожно, следующие 5 километров — коала». Коала — ленивые сумчатые медведи, очаровательнейшие существа, переходят дорогу только ночью, когда кочуют из одной придорожной рощи в другую. Днем сумчатый мишка забирается на самые вершины эвкалиптов. Наевшись листьев, он повисает между сучьями и спит, крепко вцепившись своими когтями в кору.

Дорожные знаки, как ни жаль, не всегда зверьков выручают. То и дело по обочинам видны тушки сбитых кенгуру и коала.

Но больше всех достается птицам и бабочкам. С огромной скоростью машин, несущихся по

шоссе, они соперничать не могут. Не успев взлететь, попадают либо под колеса, либо разбиваются о ветровое стекло.

Правда, не все так беззащитны. У самого Гладстона мне пришлось поменять колесо. На всей скорости наехал на игольчатого варана, неожиданно выбежавшего на дорогу. Его спинной шип, как шило, пробил мне шину.

К Гладстону подъехал я уже затемно. Быстро наступила ночь, вынырнув из черных теней эвкалиптов. Свернув с шоссе номер один, я проехал километров двадцать и увидел в лощине яркое зарево. Будто догоревший закат спрятался сюда. Тысячи огней расцвечивали столбы пара и дыма во все цвета радуги. Они поднимались к небу синими, красными, зелеными сполохами, будто болотные духи.

Это вовсю работал алюминиевый завод Гладстона, куда со всего австралийского Севера днем и ночью идут железнодорожные составы, груженные бокситами — красной рудой, расцветившей на десятки километров вокруг болота и озера.

Не так давно руда эта лежала в земле мыса Йорк. И на этой земле тысячелетиями жили и охотились темнокожие аборигены из племени аурукан.

А потом руду нашли. И владельцы большого завода в Гладстоне прогнали аурукан с родных мест. Я и не думал, что кое с кем из них мне придется встретиться.

День аборигенов

...Отлив уносил воду в океан, обнажая грязное дно гладстонской бухты. Из воды появились маленькие мангровые деревья, которые растут, как избушки на курьих ножках, — длинные когтистые корни уходят в ил, а над ними горбатится ствол, облепленный ракушками. В прилив весь ствол уходит под воду, и только зеленая крона плывет над водой.

От моря веяло сырой грязью и тоской. Поднявшийся ветерок гнал по пустынному городскому пляжу пыль и обрывки старых газет. Лениво галдели чайки, выбирая из обнажившихся подводных камней рачков и мелкую серебристую рыбешку.

На ветру болтался наполовину оторвавшийся от дерева самодельный плакат: «14 июля — День аборигенов. Все, кто хочет выступить в защиту их прав, приходите к десяти утра на площадь перед яхт-клубом».

Я посмотрел на часы. Было без десяти десять. На календаре циферблата застыла цифра «14».

Через пять минут я подъехал к площади перед яхт-клубом. Там уже собралось человек сто аборигенов, несколько белых. Многие пришли сюда целыми семьями. Рядом дежурили два полицейских «форда». От них медленно отделился здоровенный верзила в темно-синей форме сержанта и пошел к демонстрантам. Он осмотрел все плакаты, с которыми аборигены пришли на демонстрацию, и, видно, не найдя ничего опасного, пошел обратно. Тут под ноги ему и попался мальчишка в потертых шортиках и застиранной рубашке. В руках он держал кусок картона с надписью: «Освободите черных!».

— Ты-то куда лезешь? — зло буркнул полицейский.

— Я тоже хочу быть свободным, сэр, — ответил ему малыш, гордо вскинув курчавую голову.

— Может быть, хоть ты будешь когда-нибудь свободным, мой мальчик, — со вздохом сказала невысокая женщина с сединой на висках. Это была мать Рональдо Геварро — так звали отважного мальчишку.

Праздник Коробори открывается танцем Человека-Эму.

Мы разговорились, пока колонна готовилась к маршу в центр города. Вот что рассказали мне демонстранты.

...Аборигены впервые появились в Австралии тридцать тысяч лет назад. А белые поселенцы живут там совсем недавно — примерно двести лет.

В середине XVIII века Австралию «открыл» капитан Кук и объявил ее британской колонией. На аборигенов началась тогда настоящая охота. Тех, кто выжил, загнали в резервации, в далекие пустынные районы, куда не доберешься иначе, как на вертолете, да и на это надо иметь специальное разрешение. Только в последние годы некоторым аборигенам разрешили жить на окраинах городов в жалких лачугах. Лишь немногие белые австралийцы могут увидеть аборигенов, не говоря уже о том, чтобы с ними познакомиться. Так что мне повезло.

О том, как живут аборигены, австралийская

На страницах 22—24 вы видите рисунки австралийского художника Эйнсли Робертса из книги «Легенды аборигенов в рисунках».

пресса предпочитает помалкивать. Своих же газет у аборигенов нет. Леанна Хей, одна из участниц гладстонской демонстрации, рассказала мне тогда, как их дома сровняли с землей бульдозерами по приказу владельцев алюминиевого концерна КОМАЛКО. И самой Леанне и многим ее соплеменникам пришлось отправиться на поиски работы. Так они пришли в Гладстон, где с трудом устроились чернорабочими на алюминиевый завод. Похожие судьбы — и у других демонстрантов.

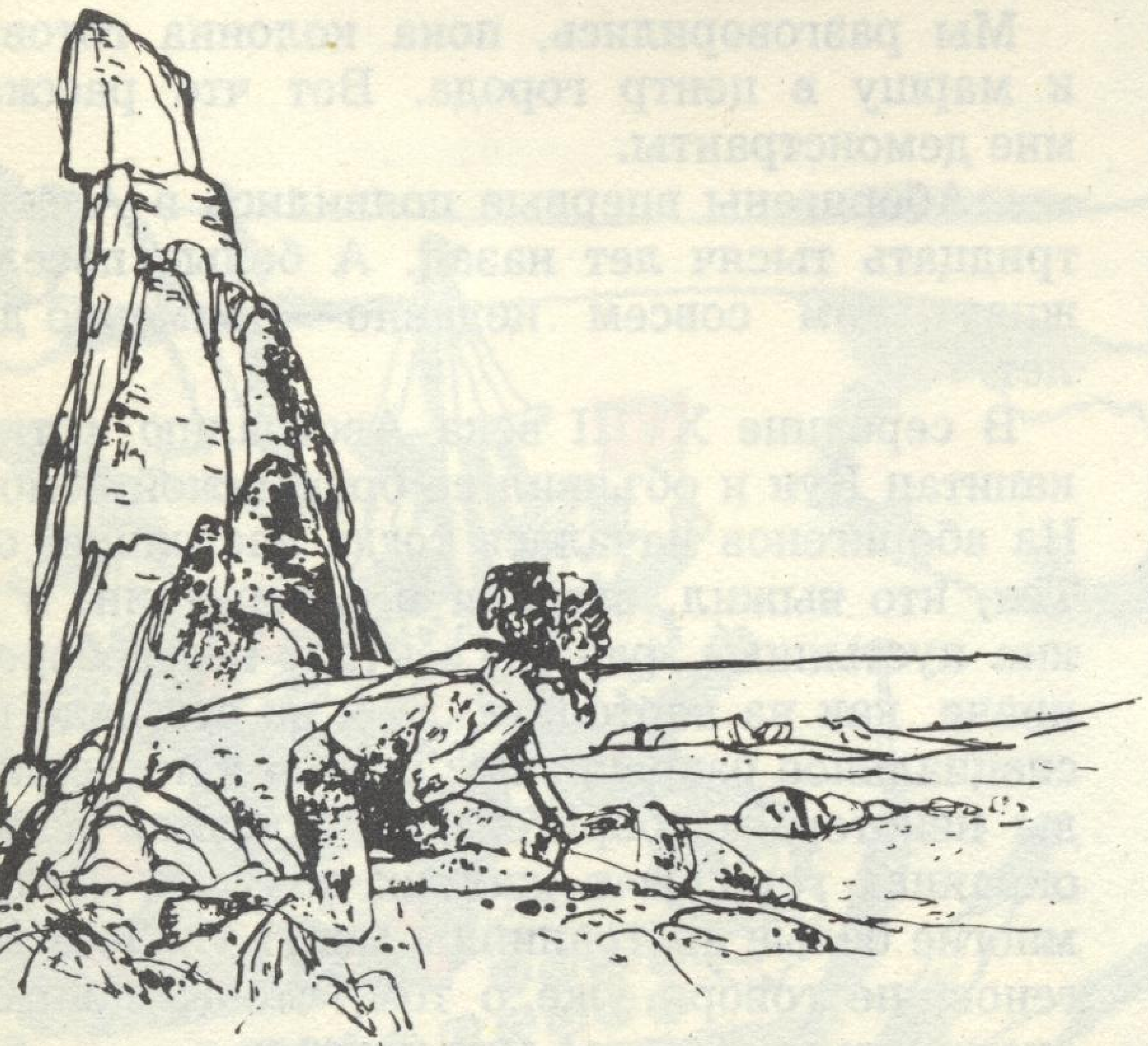
— У нас нет ни прав, ни будущего, — опять вздохнула мать Рональдо. — Полицейские Таунсвилля так говорят: «Лучший способ решить проблемы аборигенов — это поставить их всех вдоль стенки и перестрелять...» В нашем штате Квинсленд действуют страшные законы. Нам нельзя без разрешения чиновников посещать дома друзей и родственников. Мы не можем без их разрешения продать что-либо из своего имущества или купить, не можем хранить у себя заработанные деньги, а в банке не можем взять их, когда это нам нужно... В общем, живем, как рабы.

— Нашего дядю Стива в тюрьме Таунсвилля посадили в железную клетку и выставили на солнце, — сказал Рональдо, — и он умер от того, что солнце сожгло ему голову...

— Но хватит о печальном, — спохватилась женщина. — Приходите лучше сегодня вечером к нам на праздник. Посмотрите наши танцы, послушаете песни...

Спасибо, приду, — поблагодарил я.

Так я попал на аборигенский праздник Коробори.



Коробори

Мангры снова ушли под воду. Прилив был высокий, и вечернее солнце чем-то напомнило мне песочные часы — одна половинка отражается в воде, другая висит над водой.

Аборигены готовили сучья и сухую траву для костров. Дети бегали по пляжу и тоже собирали топливо. Пришли танцоры — черные их тела были будто мукой обсыпаны: это ритуальная раскраска.

Аборигены только в городах и в резервациях носят одежду, а в пустыне и в буше вся их одежда — повязка на голове и на бедрах. В Австралии ведь круглый год лето.

Рядом со взрослыми танцорами отдельной группкой стояли мальчишки трех и четырех лет. Их раскрашивали белой краской мальчики постарше.

Рональдо я с трудом узнал: глаза и рот были обведены белыми полосками, а вдоль туловища и ног шли такого же цвета тонкие линии. На голове — красная повязка, такая же — на бедрах.

Поодаль сидели музыканты. У одного из них в руках — знаменитое диджериду. В древности аборигены делали этот духовой инструмент из старых ветвей, выеденных изнутри термитами. Звук у диджериду глуховатый, печальный: «Ву-у-у! В-ууу! У-у!»

Ему вторят палочки, которыми отбивают ритм по полому стволу дерева: «Даги-даги-да! Даги-да! Д-ди-ди!», и бумеранги — музыкант берет два бумеранга и плоской стороной ударяет ими друг о друга: «Тр-чек! Тр-чек!»

И все зрители помогают музыкантам: «Хлоп-хлоп» в ладоши, «хлоп-хлоп-хлоп».

И костры включаются в аборигенский оркестр: «Трек-трак-трек» — потрескивают сухие эвкалиптовые ветви. И волна мягко опускается на песок пляжа: «Ш-шшш! Хишь!»

Аккомпанемент есть. Дело за певцами и танцорами, главными участниками Коробори. Песни аборигенов — очень древние. Их передавали,

как и движения танца, из поколения в поколение.

Из круга вышли два охотника с копьями и бумерангами. Покачиваясь из стороны в сторону, они охотились за птенцами страуса эму, которых изображали мальчики. Охотникам не повезло, и птенцы убежали. Но вот охотники увидели большого эму и набросились на него. Один схватил его за шею. Другой — за ноги. Эму, которого изображал молодой парень с курчавой бородкой, выскользнул из рук охотников и затаился. «Гуругаджи! Гуругаджи!» — в ужасе закричали охотники.

По древней легенде аборигенов, когда-то в Австралии существовал Человек-Эму. Его звали Гуругаджи. Он мог принимать облик то человека, то эму, то гигантского змея Мамарагана, который жил в глубоких колодцах в сухое время года и был таким большим, что мог опоясать небо в виде радуги. Радуги аборигены очень боятся, считают, что это Мамараган, который когда-то проглотил двух охотников. Именно о них и рассказывал танец.

В точном соответствии с легендой Эму Гуругаджи высоко подпрыгнул и, «обратился в радугу». «Мамараган! Мамараган!» — повторялась рефреном строка древней легенды. Единственным отступлением от нее было то, что Мамараган охотников не съел, а отпустил. Все были очень довольны и от души радовались. Больше всего, конечно, дети.

...Костры догорали. Рональдо, Пит, Джеймс и другие танцоры смыли в заливе краску со своих тел и сидели молча, греясь у костра. Догоравшие эвкалиптовые полешки переливались синими, зелеными, красными огоньками. Огонь завораживал своей вечной тайной.

Не хотелось расставаться, и я договорился с моими новыми друзьями, что наутро мы вместе отправимся в буш, где они поучат меня кидать бумеранг. Оказалось, что ребята — большие мастера по этой части. Под руководством старого Тулулу аборигены организовали в Гладстоне маленькую мастерскую и делали там разные сувениры, в том числе и бумеранги, которые у туристов пользуются большим спросом. Работали в мастерской и ребята.

Поездка в буш

Тулулу устроился рядом со мной, а ребята — Рональдо, Джеймс и Пит — расположились на заднем сиденье.

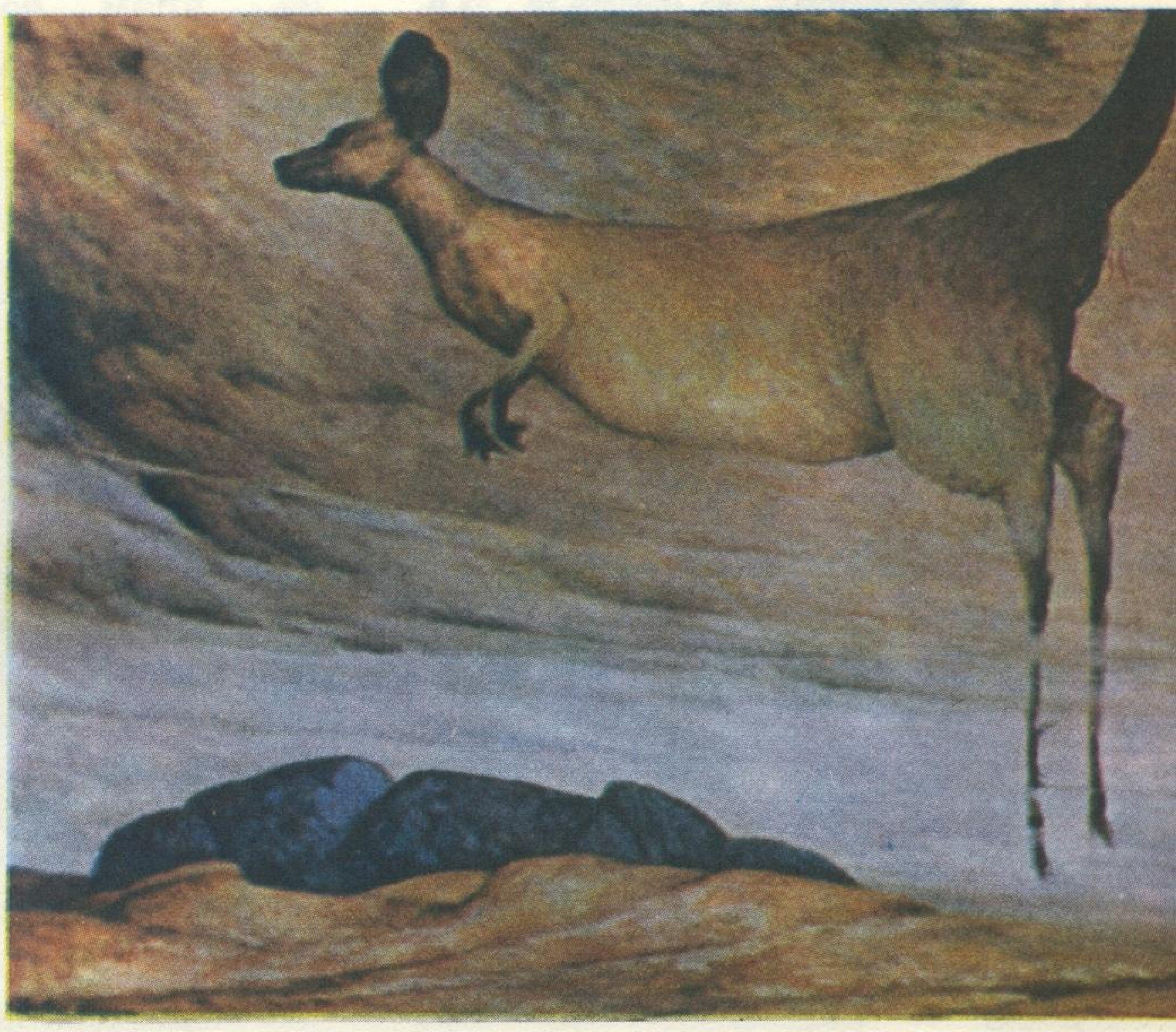
С шоссе мы свернули на проселочную дорогу. Она шла то вверх, карабкаясь по склонам холма, то резко ныряла вниз. Пару раз мы сбивались с пути и заезжали по широким тропам, видно, оставленным лесорубами, в такие чащобы, что с трудом выбирались обратно. Наконец впереди открылась широкая поляна, окаймленная по краям огромными, голубыми в сиянии солнца, эвкалиптами.

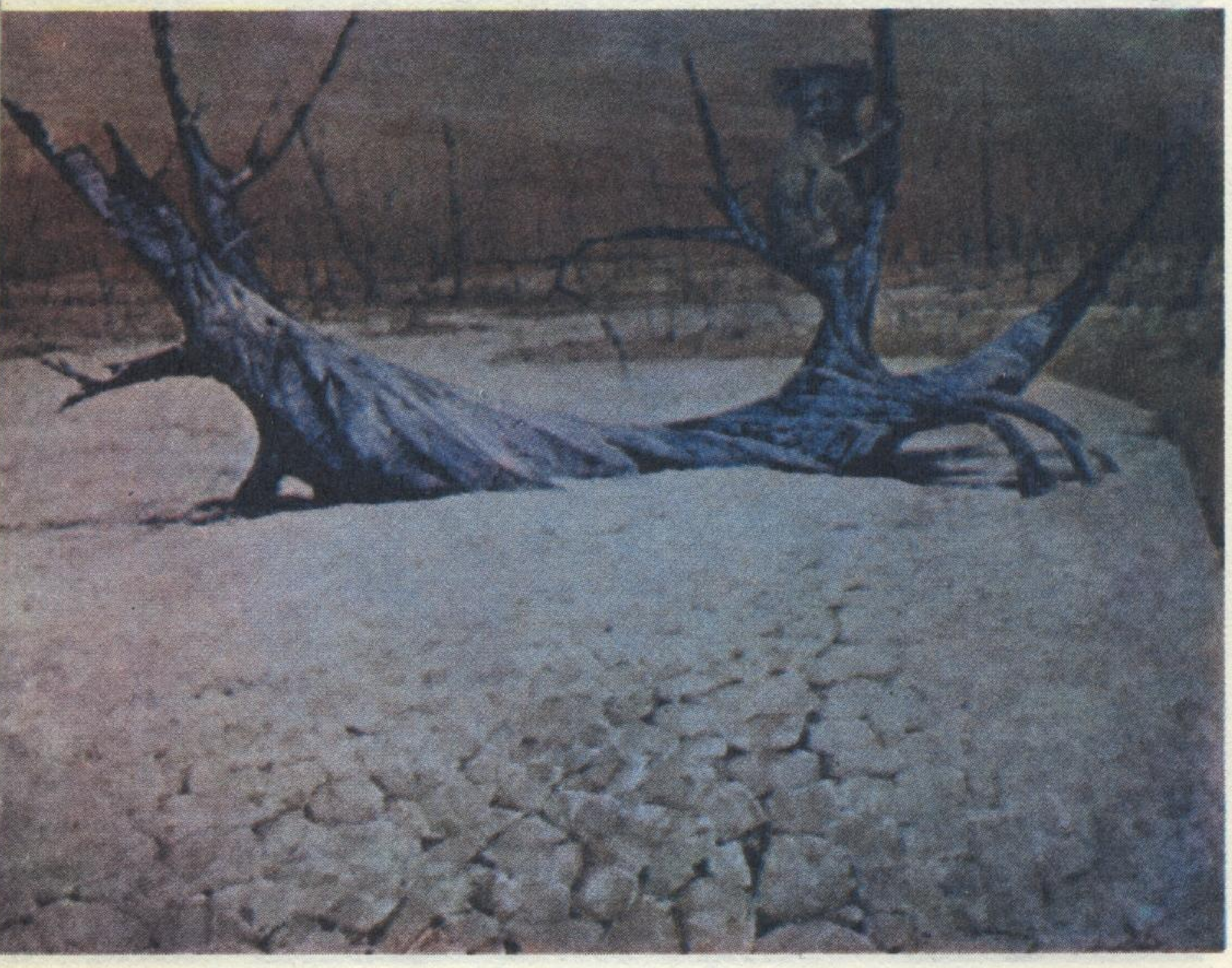
Я поставил машину под скалой, неподалеку от дороги. Ребята распаковали свой багаж с бумерангами и толстыми, похожими на биты, палками (с их помощью бумеранги запускали в полет).

Тулулу развел костер, и скоро закипел наш «Билли», как называют здесь походные чайники. Сумка с бутербродами опустела в один момент.

Началась положенная в таких случаях послеобеденная беседа, цель которой — развлечь гостя, поделиться с ним неизвестными ему легендами из Времени Мечты.

Удивительны эти легенды. Слушая их, понимаешь, что для аборигенов весь мир такой же живой, как и они сами. Живо все — камни, деревья, травы, огонь, вода. Птицы и звери, крокодилы и змеи, ящерицы и рыбы, насекомые и





черви не просто живые, а имеют своих, общих с аборигенами предков. Перед тем, как научить меня бросать бумеранг, сам Тулулу рассказал, откуда он появился у аборигенов.

Давно-давно на земле жили отдельным племенем женщины Вубалу. Только у них были бумеранги, им завидовали все мужчины-охотники и мечтали похитить их мощное оружие. Женщины Вубалу знали много тайных заклинаний, с помощью которых защищались от всех нежеланных гостей.

Тогда мужчины решили похитить бумеранги хитростью. Двое из них превратились в белых лебедей и полетели к источнику. Женщины, увидев диковинных птиц, бросились, чтобы их поймать, а бумеранги оставили у костров. Тогда мужчины быстро схватили заветное оружие и были таковы. Женщины послали в погоню за двумя белыми лебедями страшных орлов. Те настигли лебедей, жестоко потрепали их и бросили умирать в самом центре безводной пустыни. Но над пустыней пролетали вороны, которые сказали лебедям: «Мы тоже враждуем с орлами, поэтому бросаем вам свои перья. Пусть они укроют ваши раны и укрепят крылья». С тех пор лебеди в Австралии живут только черные, а женщины никогда не берут в руки древние бумеранги.

С этими словами Тулулу взял несколько бумерангов в одну руку, а в другую — самый маленький. Неуловимое движение, и бумеранг взвился, кувыркаясь, в воздух. Потом будто завис над поляной и, так же крутясь, начал возвращаться. Упал он прямо к ногам старого Тулулу.

Кидать бумеранг меня учили все — сначала Тулулу, а потом ребята. Оказалось, что дело это весьма сложное. Я всегда думал, что кидают его, как пластмассовую «летающую тарелочку», чтобы он скользил по воздуху. Оказалось, нет. Берут бумеранг за самый кончик, держат вогнутой стороной к себе и пускают его по ветру под углом примерно в 45 градусов. После нескольких неудачных попыток бумеранг мой наконец повернул, и Тулулу торжественно провозгласил, что я теперь могу считаться полноправным аборигеном, членом древнего племени аурукан.

Имя мне дали Нунга, что означает Человек-Белый Голубь.

— Почему вы так меня назвали? — спросил я Тулулу.

Ответил Рональдо:

Потому что ты из далекой-далекой страны и тебе нужно возвращаться туда по воздуху. И потом — ты белый. Но белый добрый, ты хочешь аборигенам добра.

— А белые голуби добры и когда-то были аборигенами, — добавил Тулулу.

...Мы простились там же, где встретились утром. Мне нужно было ехать в аэропорт, оставлять там свою машину и на вертолете лететь на Барьерный риф, на остров Херон. Четверо моих друзей и теперь уже соплеменников вышли из машины.

Мы расставались грустные.

— До свидания, Нунга. Счастливого тебе полета, — сказали они мне на прощание. — Скажи людям твоей страны, что мы тоже будем свободными, как они.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ «ПИОНЕРА»

Мы с братом — трактористы

Прошлым летом работал я в колхозе на тракторе со своим старшим братом. Он у меня тракторист. Я попросился с ним, и мне разрешили. Трудились мы днем, а когда нужно, в горячую пору, то и ночью. Сперва, пока не привык, уставал, конечно. Но быть трактористом мне нравилось. Потом, как начали убирать пшеницу, брат перешел на комбайн. Я — тоже. У меня даже есть три часа рабочих лично моих, без брата. Он доверил мне самому убирать хлеб. Я очень волновался сначала, но дело вскоре пошло на лад.

Сейчас брат в армии, а я опять буду работать в поле.

Виктор ПЫСЛАРЬ,
село Бардяны, Молдавская ССР.

Не считаю секунд...

Хочу рассказать о том, как я начала заниматься фотографией. Два года назад все девочки из нашего класса записались в фотокружок. И я записалась. Ведь у меня и фотоаппарат и увеличитель были. Но занятия в фотокружке совпадали с уроками в музыкальной школе. Пришлось мне из кружка уйти, но я продолжала снимать самостоятельно. Мама, видя мой интерес к фотографии, покупает мне все нужное. Она очень любит вместе со мной промывать снимки, разглядывать их. Да и вся семья, когда я печатаю, с нетерпением ждет моего появления из темной ванной. Карточки рассматривают, даже восхищаются, но это только в последнее время. А раньше папа был равнодушен к моему увлечению. Я всему научилась сама. Сейчас у меня уже есть свои секреты. Например, я не считаю секунд, пока держу бумагу под увеличителем, — я чувствую, когда бумагу пора вынимать.

Больше всего я люблю делать снимки, на которых люди получаются такими же, как в жизни. Знаете, как снять человека, который искренне, задорно улыбается? Я навожу на резкость, кладу палец на кнопку и... начинаю смеяться.

Эвелина ШПАК,
г. Горячий Ключ
Краснодарского края.

Почему я полюбила физкультуру

Оценки у меня с первого класса были неважные. Уроки я учила с мамой, и то со слезами. Физкультуру вообще не любила, часто специально не приносила форму.

Но однажды, когда я была в третьем классе, меня приметил Николай Алексеевич Шалин. Это тренер моей сестры. Света занималась лыжным спортом. У Николая Алексеевича добрые, с каким-то лукавством глаза. Он предложил и мне записаться в лыжную секцию. И... физкультуру я стала просто обожать. Времени теперь на уроки у меня гораздо меньше, но я их стараюсь выучить все. Оценки за четверть сейчас хорошие, троек нет.

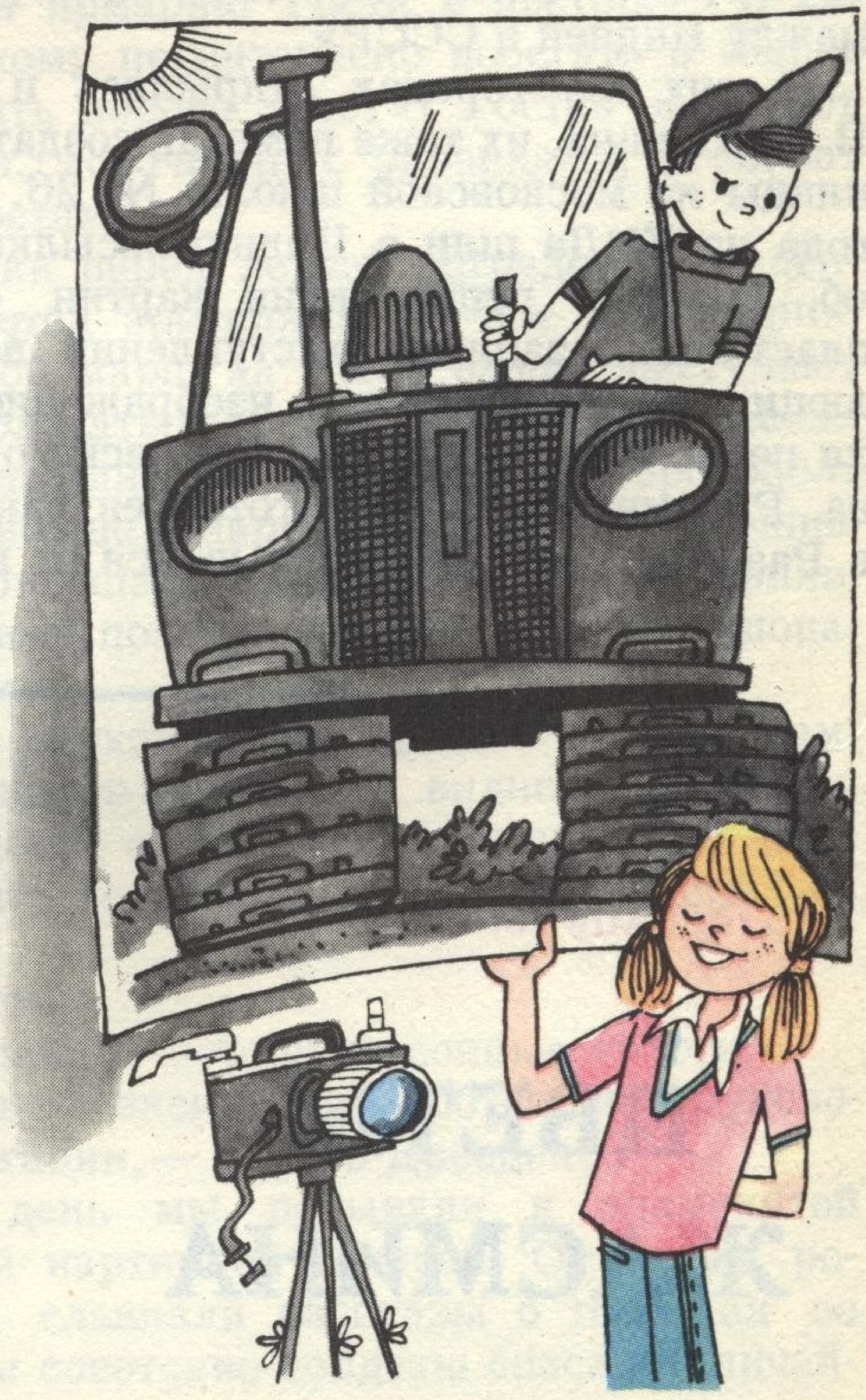
Секцию я посещаю каждый день. Если хоть один день пропустишь, то прямо неудобно перед Николаем Алексеевичем. У меня второй взрослый разряд уже.

Сейчас нет ни зимы, ни снега, мы не можем кататься на лыжах. Заменяют их нам роллеры. Роллеры немного похожи на лыжи, только они на колесиках. Еще мы бегаем — бег у нас разной интенсивности.

Мне кажется, что я стала и другим человеком. Нет, я не положительная: у меня очень много недостатков, но я стараюсь их побыстрее изживать.

Я поняла, что сделаться такой мне помог, конечно, добрый и справедливый Николай Алексеевич — мой тренер.

Лариса РЫЖОВА, г. Иваново.



МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ
КЛУБ
«ТОВАРИЩ»

Хождение за три моря

Москва, Фруктовая улица, 35. Этот адрес знают многие индийские ребята. Здесь, в школе № 26, действует клуб интернациональной дружбы имени Рабиндраната Тагора, индийского писателя и педагога.

Пионеры этого КИДа дружат с Индией. И если вы спросите любого тагоровца об Индии, он расскажет вам о современной жизни, истории и культуре этой древней страны так, словно сам совершил «хождение за три моря».

А начался клуб с малого. Однажды пятиклассники пригласили в школу ученых, инженеров, журналистов — советских людей, побывавших в Индии. Рассказы гостей были такие интересные, что вскоре Индией «заболела» вся школа. На литературном вечере, где читали произведения индийских писателей, пионеры решили создать свой КИД. Ему присвоили имя Рабиндраната Тагора. В уставе клуба записали: «Друг, если ты честен и тебе дорог мир на земле, встань в наши ряды!»

Кидовцы начали переписку со своими сверстниками из трех индийских городов — Дели, Калькутты и Бангалора. Обменивались книгами, альбомами, рассказывали о Советском Союзе. Вскоре в этих городах возникли клубы дружбы — имени М. Горького в Дели, Л. Толстого в Калькутте и А. С. Пушкина в Бангалоре. У всех трех клубов один девиз: «Мир и дружба между Индией и СССР».

В этих же городах открылись и три музея В. И. Ленина, их тоже помогли создать юные ленинцы из московской школы № 26. Почти два года из КИДа шли в Индию посылки: альбомы об Ильиче, репродукции картин о Ленине, пластинки с записью выступлений вождя революции, марки и значки с изображением создателя первого в мире социалистического государства. Руками ребят был изготовлен макет шалаша в Разливе, где Ильич скрывался от полиции. В посылки ребята вложили свои сочинения о В. И. Ленине.

Кидовцы вручают посылку дружбы Раджни Кумар — гостье из Индии.

Как радуются ребята-тагоровцы, когда получают такое, например, письмо из Дели: «Мы учим русский язык, чтобы читать в подлиннике произведения Ленина и книги о нем». А калькуттские ребята сообщают о радостном событии: улице города присвоено имя Ленина.

Тагоровцы познакомили многих индийцев с жизнью Ленина и Страны Советов. И сами лучше узнали Индию, будто побывали в ней.

А. ПЕТРУХИН

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

ЦВЕТЫ ЖАСМИНА

— Мариза, вставай! Вставай скорее, уже полночь!

Мариза слышит мамин голось сквозь сон. Как не хочется вставать! Сейчас весь поселок видит сны. Но Маризе спать нельзя... Она осторожно вылезает из-под одеяла, чтобы не разбудить бабушку и двух маленьких сестренок...

Каждую ночь Мариза с мамой ходят к помещику на плантацию собирать цветы жасмина.

Маризе девять лет, но ей уже приходится помогать старшим. Бабушка совсем стара, отец давно лежит больной, не ходит на работу. А сестренки — Анна-Мария и Лючетта — малыши.

С июля по ноябрь цветет жасмин. Его собирают только ночью, когда он сильно бла-

гоухает. От дурманящего запаха скоро начинает кружиться голова. Босые ноги вязнут в холодной рыхлой земле.

Помещик за большие деньги продает собранные лепестки парфюмерной фабрике. Там из жасмина делают прекрасные дорогие духи. А Маризе и ее маме заплатят гроши, их еле хватит на кукурузную муку. Что же делать, когда нет другой работы, пока болен отец?! И Мариза старается изо всех сил...

Таких, как Мариза, много в Италии — детей, которые с утра и до ночи, а часто и с ночи до утра должны таскать камни в каменоломнях, гнуть спину на помещика, мыть посуду в ресторане, чтобы не умереть с голоду...

Бабушка говорит Маризе: «Подожди, придет время, и ты не будешь отдавать цветы помещику, а соберешь большой букет жасмина и подаришь его маме!»

Маризе так хочется, чтобы бабушка оказалась права!

М. ГОДУНОВА

ПОСЛЫ В КРАСНЫХ ГАЛСТУКАХ

О своей поездке в ГДР нам рассказал девятиклассник Сергей ЖАРКОВ. Вот его путевые заметки.

Удивительное лето

Поздней июльской ночью от Белорусского вокзала Москвы отошел поезд. Наверное, это был один из самых шумных и веселых поездов, какие доводилось видеть вокзалу. Из окон вагонов торчали ребячьи головы, неслись песни... Долго не могли уснуть пассажиры необычного поезда — поезда дружбы. Наутро он шел уже по польской земле.

В праздничный год, год 30-летия Германской Демократической Республики, мы ехали в гости к пионерам-тельмановцам.

Недалеко от Берлина, на берегу широкого озера Фраузее, в густой тени деревьев раскинулся международный пионерский лагерь имени М. И. Калинина. В лагере живут школьники из разных стран. Здесь они учатся дружить, помогать взрослым и друг другу.

С языком, конечно, было поначалу трудновато... Вот и приходилось говорить с румынской девочкой на английском языке, а с мальчиком из Потсдама — мешая пополам русские и немецкие слова. И все-таки умели и понять и объяснить все, что было нужно.

Восьмое августа. Сегодня особый день — день Советского Союза!

Когда на флагштоке был поднят наш Государственный флаг, на линейке прозвучало обращение советской делегации ко всем ребятам, собравшимся в международном лагере.

«Мы говорим войне — нет! Мы говорим миру — да!» — звучат слова обращения. И лагерь встречает их дружными аплодисментами.

Через полчаса начинается товарищеский футбольный матч между нашей командой и ребятами из Дрездена. В футбольном турнире команды выступают без тренировок, исключительно за счет азарта! В итоге нам достается третье место. Честное слово, не так уж плохо, если сравнить со взрослым спортом!

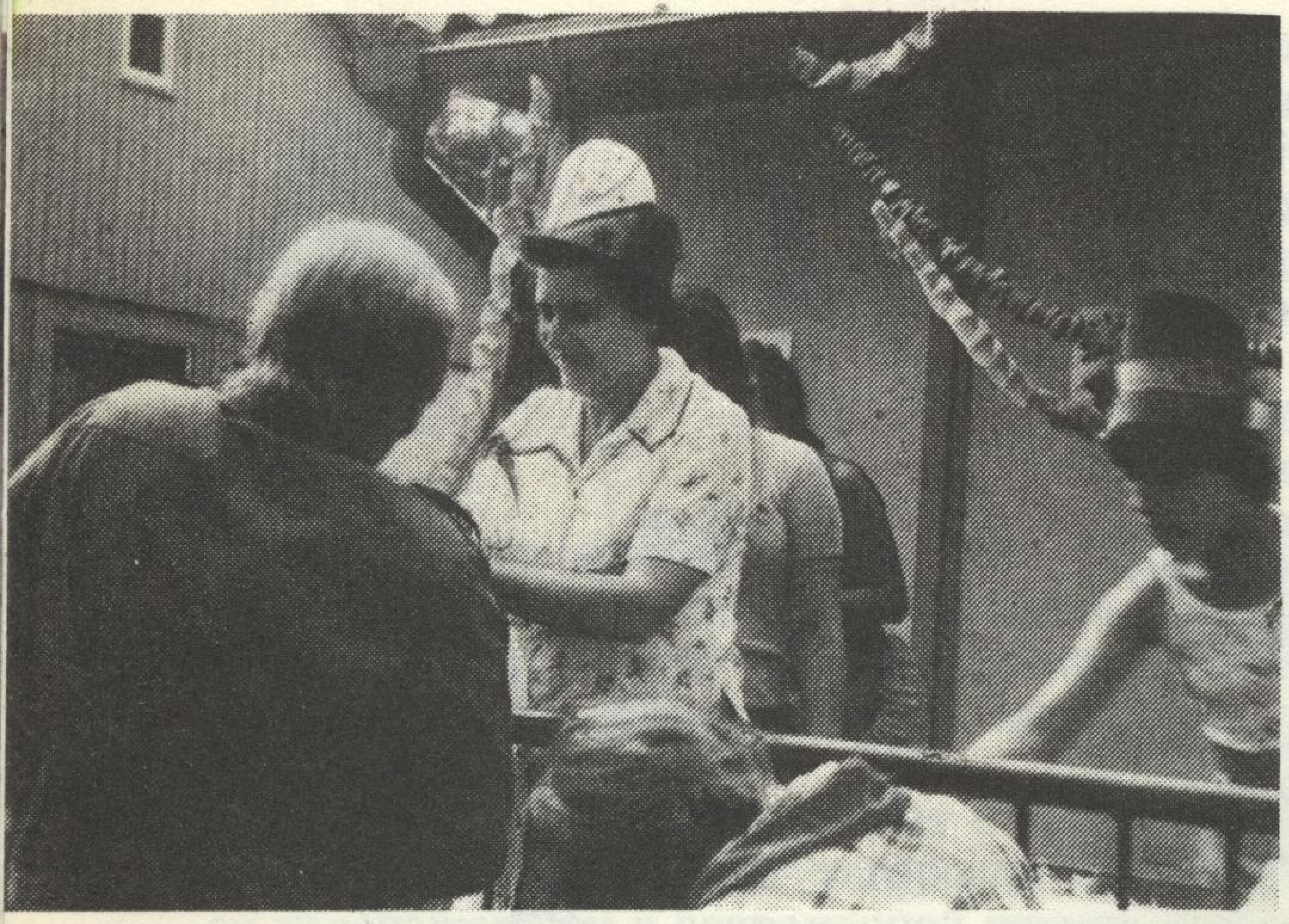
Четыре часа пополудни. В центре лагеря шумит русская ярмарка! Гости в восторге. В самом деле: кому не интересно побегать в мешке или «пришить корове хвост»? Гостей зазывают коробейники, лоточники с баранками, угощают чаем и конфетами.

А скамейки перед летней эстрадой постепенно заполняются зрителями. И вот под старинный цирковой марш на сцену важно выступают атлеты в полосатых трико. Это акробатическая пародия «Старый русский цирк». Пятеро ребят мал мала меньше с нарисованными закрученными усами совершают смешные прыжки и принимают красивые позы... Зрители смеются, хлопают в ладоши.

Публика неохотно расходится по палатам. Строгий режим в этот вечер, видно, нарушился: еще долго после отбоя раздаются приглушенные голоса ребят, которые делятся впечатлениями.

— Подъем!
— Еще рано! — бормочут сонные голоса.
— Сегодня экскурсия, — объявляет руководитель делегации, — едем в Дрезден!

...В этот день мы побывали в знаменитой Дрезденской картинной галерее. От наших родителей мы слышали рассказы о том, как во время войны советские солдаты спасли величай-



В центре лагеря шумит русская ярмарка.

шие сокровища мирового искусства от гибели. И вот с трепетом подходим к полотнам Тициана, Веронезе, Пуссена... И наконец — прекрасная женщина с ребенком — «Сикстинская мадонна» Рафаэля!

В памяти возникают виденные фотографии военного времени: всюду разрушение, смерть, страдания. Здесь, перед «Сикстинской мадонной», особенно ясно понимаешь величие человеческого духа, способного одолеть любые преграды на пути к счастью.

Шесть дней мы провели в Берлине. Знакомились с пионерами-тельмановцами. Обменивались сувенирами, значками, адресами. Это все-таки очень здорово — подружиться с человеком, не зная его языка, но чувствуя к нему искреннюю симпатию! Большими разноязычными группами ходили ребята по улицам огромного города. Многие аллеи и улицы носят теперь имена выдающихся революционеров: аллея Карла Маркса, площадь Ленина, улицы Карла Либкнехта и Розы Люксембург...

Незаметно пролетели теплые августовские дни. На вокзальной площади выстроились на прощальную линейку советские и немецкие пионеры.

До свидания, Берлин, до свидания, Фраузее, до свидания, полюбившийся нам лагерь имени Калинина! Ребята забираются в вагон. Суматоха, перекличка, провожающие машут руками, снова протягивают сувениры и значки. Прощальный гудок. Поезд дружбы везет нас домой. Все мы, откровенно говоря, уже сильно соскучились. Опять мимо окон проплывают поля Германии и Польши... И вот уже поезд мчится по необъятным просторам нашей Советской Родины!

Наша поездка закончена. Мы возвращаемся в Москву к своим обычным делам — к учебе, книгам... Но на всю жизнь останется в памяти поезд дружбы, Берлин, Дрезденская галерея и, главное, теплые, сердечные рукопожатия ребят братской Германской Демократической Республики.

Московский школьник Саша ЛЕБЕДЕВ ездил прошлым летом в Чехословакию, в пионерский лагерь, где чехословацкие ребята изучают русский язык. И рассказал нам об одной встрече.

МАЛЕНЬКИЙ СУВЕНИР

Я хочу рассказать о человеке, с которым познакомился в Чехословакии. К сожалению, я тогда не записал его имени. Но образ его, его доброту и гостеприимство запомнил.

Мы приехали на стеклозавод в город Яблонец из лагеря, где отдыхали во время каникул. Мы уже привыкли, что нас везде радушно встречали. Но такой искренней, радостной встречи просто не ожидали.

«Вы русские? Как я рад! Я, знаете, очень люблю русский народ: ведь я воевал и обязан жизнью вашим солдатам!» — такими словами встретил нас у заводской проходной немолодой уже, седовласый человек. Он путал русские и чешские слова, наверное, от волнения. Но мы прекрасно понимали его, потому что он говорил от всего сердца.

Мы ходили по цехам завода. Он рассказывал и показывал нам станки, объяснял, как работают мастера. В одном из цехов он насыпал нам в ладони разноцветных пуговок: «На память. Маленький сувенир...»

А потом он повел нас в цех, где мастера-стеклодувы в жарких печах делали причудливые вазы и кувшины.

Перед расставанием наш новый друг повел нас в музей завода. Это была настоящая хрустальная сказка. Под потолком сверкали десятки разных люстр, какие выпускает завод: круглые, овальные, спускающиеся почти до пола... А вокруг вазы, кувшины, чаши, бокалы, сервизы.

Закончилось наше путешествие по заводу. Но не хотелось уходить из сказки. А главное — расставаться с добрым волшебником, подарившим нам такой чудесный день.

Он усмехнулся: «Ну какой я волшебник! Просто рабочий».

Победы воли, мужества, характера

Николай ОЗЕРОВ,
заслуженный мастер спорта СССР,
спортивный комментатор Центрального телевидения и Всесоюзного радио,
народный артист РСФСР

Советские спортсмены вышли на широкую олимпийскую дорогу четверть века назад. За это время мастера советского спорта участвовали в семи летних Олимпиадах — в Хельсинки, Мельбурне, Риме, Токио, Мехико, Мюнхене, Монреале... Мне посчастливилось быть свидетелем выступлений советских спортсменов на всех этих всемирных форумах.

823 медали завоевали советские спортсмены на Олимпийских играх. Сколько замечательных побед, сколько героев спорта!

Каждое имя — ярчайшая страница в истории нашего спорта: Лариса Латынина и Ольга Корбут, Елена Вайцеховская и Владимир Васин, Наталья Кучинская и Нелли Ким, сестры Тамара и Ирина Пресс, Борис Кузнецов и Ричардас Тамулис, Елена Петушкова и Елена Белова, Лев Сайчук и Юрий Тюкалов...

Рассказывать о воле, мужестве, мастерстве советских спортсменов всегда радостно.

1952 год. Хельсинки. XV Олимпийские игры.

Мне довелось вести репортаж о самой первой спортсменке, завоевавшей для нашей Родины первую золотую медаль. **Нина РОМАШКОВА (ПОНОМАРЕВА)** и ее подруги выиграли все медали в метании диска на XV Олимпийских играх!

1956 год. Мельбурн. XVI Олимпиада.

Самым захватывающим на XVI Олимпиаде был бег на 10 тысяч метров. Должен без преувеличения сказать, что подобного соревнования я в жизни не видел. Не видел такого невероятного единоборства, а главное — блестящего тактического мастерства, которое продемонстрировал советский легкоатлет, выдающийся стайер XX века **Владимир КУЦ**. Мы все знали, что на протяжении последних лет между сильнейшими стайерами мира — Куцем, Пири, Чатауэем, Затопеком, Ихарошем, Лауренсом, Сабо — проходила заочно, а порой и не заочно, борьба за мировой рекорд, за право называться сильнейшим бегуном на длинные дистанции.

«Сможет ли человек-машина (имелся в виду Куц) победить бегунов-тактиков, бегунов-мыслителей?» — писали иностранные газеты.

И вот дан старт. Куц выходит вперед. В те годы много говорили о тактике английских легкоатлетов. Ее называли «тактикой преследования», «ударом из-за спины». И в этом забеге Гордон Пири начал преследовать советского чемпиона. Удастся ли «загадочному» англичанину снова отсидеться за спиной противника, а потом на финише, как это было несколько месяцев назад в Норвегии, сильным спуртом вырвать победу?

На этот раз уже после первого километра дистанции зрителям, переполнившим трибуны стадиона

Полностью очерк Н. Озерова вы можете прочитать в сборнике спортивных рассказов и очерков «Умей бороться до конца», который недавно вышел в издательстве «Детская литература». Сборник посвящен Олимпийским играм в Москве.

«Крикket-граунд», становится ясно, что советский стайер приготовил сопернику какой-то сюрприз. Куц делает рывок, затем другой, стремясь уйти от противника. Но Пири следует за ним. Куц сбавляет бег и жестом предлагает сопернику выйти вперед. Пири не принимает вызова. Он отказывается лидировать. За несколько кругов до финиша Куц, улучив мгновение, пошел на хитрость и под гул трибун все же пропустил вперед Пири. Нашему чемпиону надо было посмотреть, есть ли силы у англичанина, готов ли он продолжать борьбу за чемпионскую медаль. Такая позиция явно не устраивает Пири. Он сбавляет бег.

За шесть кругов до финиша советский бегун делает неслыханный рывок, выходит вперед и, набирая скорость, бежит дальше. Пири пытается достать Куца. Достает, но тот делает второй рывок, третий, четвертый и под гром аплодисментов уходит все дальше. Отчаянная попытка Пири изменить ход борьбы ни к чему не приводит. Сильнейший стайер Англии сбавляет темп, его начинают настигать другие спортсмены.

Советский же чемпион под аплодисменты стотысячного стадиона заканчивает дистанцию с поднятой рукой. Это первая золотая медаль советской команды в Австралии. На Олимпийском стадионе прозвучал Государственный гимн нашей Родины, и на флагштоке поднялся флаг нашей страны. 28 минут 45,6 секунды! Новый олимпийский рекорд! По требованию «ревущих» австралийцев Куц совершил еще один круг — триумфальный круг почета!

Но предстоял еще поединок, в котором, кроме Пири, мечтавшего все же взять реванш у Куца, был еще один грозный соперник — англичанин Чатауэй.

И вот настал день финального бега на 5000 метров. Состав участников был еще более сильным, чем на дистанции 10 000 метров. Бурно финишировав, Куц занял первое место и завоевал вторую олимпийскую золотую медаль. Это был новый триумф советского легкоатлета, доказавшего, что именно он, а не кто иной, выдающийся бегун-тактик, бегун-мыслитель. У него хватило и сил и скорости. 13 минут 39,6 секунды — его результат. Повторение всесоюзного рекорда и новый олимпийский. На 27 секунд лучше прежнего! И опять, совершая круг почета после финиша, олимпийский чемпион выглядел свежим. Даже после дистанции Куц бежал быстрее, чем фотокорреспондент, желавший его сфотографировать. «Куц разрушил британскую крепость и победил победителя Хельсинкской Олимпиады метров на двести»,— восторженно писали газеты.

1960 год. Рим. XVII Олимпийские игры.

Победную эстафету Владимира Куца принимает советский стайер **Петр БОЛОТНИКОВ.** Пожалуй, не было ни одного человека, который бы предсказывал победу Петру Болотникову. Лишь один Владимир Куц твердо был уверен в успехе своего товарища.

Это был интересный бег, где основная борьба шла между четырьмя спортсменами: Болотниковым, Десятчиковым, легкоатлетом из ГДР Гродоцким и австралийцем Пауэром. За четыре круга до финиша Болотников стал уходить от своих соперников. И, несмотря на все попытки Гродоцкого изменить положение на беговой дорожке, уверенно финишировал, завоевав почетное звание олимпийского чемпиона.

Петр Болотников, так же как и Владимир Куц,— ярчайшая страница в истории отечественной легкой атлетики...

А эту осеннюю ночь 1960 года я никогда не забуду. На высшей ступени пьедестала почета в «Палаццетто делло Спорт» стоял советский атлет **Юрий ВЛАСОВ.** Зал приветствовал его. Он поднял руку, отвечая зрителям, многие из которых плакали. Советский атлет установил новый мировой рекорд, превысил достижение американца Андерсона на... 25 килограммов! Этот день навсегда вошел в историю мирового спорта. Олимпиаду в Риме стали называть «Олимпиадой Власова». Когда закончились соревнования, зрители подняли Власова и как героя понесли в Олимпийскую деревню.

Прежде бывало так: штангист обновлял рекорд, его поздравляли, награждали. Получив грамоты и награды, через некоторое время он вновь прибавлял к своему рекорду... 500 граммов. И снова — грамоты, награды. Затем опять 500 граммов — рекорд.

Власов же поднимал столько, сколько мог. Это было трудно. Но он отдавал все силы для достижения высшего результата. И в Риме утяжелил рекорд сразу на 25 килограммов. Однако в Италии Власову пришлось бороться не только с показателями Андерсона, но и с очень сильными американскими атлетами: Джеймсом Брэдфордом и Норбертом Шеманским — чемпионом Хельсинкской Олимпиады. После двух движений Власов выигрывал у этих мастеров всего пять килограммов. И вот толчок — последний вид троеборья.

Брэдфорд осторожен, заканчивает выступление, повторив мировой рекорд Андерсона. Шеманский набирает в троеборье 500 килограммов и... пропускает следующие веса. Пока выступал Брэдфорд, Власов не выходил на помост. Теперь, легко подняв 185 килограммов, он перекрывает мировое достижение на 7,5 килограмма. Уже есть в сумме троеборья рекордные 520 килограммов!

В зале восторг и величайшее напряжение: Шеманский просит установить на штанге 192,5! Победить Власова он уже не рассчитывает, но стремится обойти Брэдфорда и добыть серебряную медаль. Он захватывает вес на грудь, но толкнуть на вытянутые руки не может. К штанге вызывают Власова. Атлет внешне невозмутимо натирает магнезией руки и толкает 195 килограммов. А потом и 202,5! Как жаль, что это случилось ночью, когда не работало телевидение, да и зал наполовину пустовал, и многие любители тяжелой атлетики не видели триумфа советского богатыря! В ту ночь на световом табло появилась небывалая цифра: «537,5».

В день торжественного закрытия Олимпийских игр на стадионе «Форо Италико» флаг советской делегации нес обаятельный русский парень, наш чемпион, богатырь Юрий Власов. И трибуны аплодировали герою Римской Олимпиады, достойнейшему представителю своего народа.

1964 год. Токио. XVIII Олимпиада.

В Токио у нашей команды было много разных медалей. Но была одна особенно ценная золотая медаль. Ее впервые в истории отечественного плавания завоевала шестнадцатилетняя школьница из Севастополя **Галина ПРОЗУМЕН-**

ЩИКОВА. Она быстрее всех проплыла двести метров брассом.

Лучшим боксером турнира был единодушно признан **Валерий ПОПЕНЧЕНКО.** Ему вручили Кубок Баркера — высшую награду для боксеров-любителей.

Когда спортсмен завоевывает золотую медаль олимпийского чемпиона в первый раз, его чествуют, поздравляют, говорят о победе как о большом достижении. Если этот же спортсмен через четыре года вновь добивается такого же результата, это феноменальный успех. А если и в третий раз олимпийский чемпион завоевывает золотую медаль? Двенадцать лет сильнейший — трехкратный олимпийский чемпион! Это уже спортивный подвиг.

Боксер **Борис ЛАГУТИН** — участник трех Олимпиад. Двенадцать лет на большом ринге. Он завоевал одну бронзовую и две золотые медали. Спросите у Бориса, какая медаль для него дороже всего? Он и не ответит. Потому что каждый бой на Олимпиаде — в Риме, Токио или Мехико — для него был самым важным в жизни. Он защищал спортивную честь нашей Родины.

1968 год. Мехико. XIX Олимпиада.

Соревнования легкоатлетов. Идет невиданная борьба в тройном прыжке. Шесть претендентов на победу прыгнули за 17 метров. Пятеро превысили мировой рекорд. Но победа была за **Виктором САНЕЕВЫМ.** Его воля оказалась крепче, его мировой рекорд — 17,39.

1972 год. Мюнхен. XX Олимпийские игры.

Впервые за всю историю участия в Играх мы победили в таких сложных видах спорта, как баскетбол, водное поло, дзюдо, прыжки в воду среди мужчин. Завоевали 99 медалей: 50 золотых, 27 серебряных, 22 бронзовые.

В Олимпийской деревне, на улицах города узнавали и сердечно приветствовали русского богатыря **Александра МЕДВЕДЯ,** единственного в истории борьбы трехкратного олимпийского чемпиона. После Токио и Мехико он и здесь, в Мюнхене, выиграл соревнование борцов вольного стиля в самой тяжелой весовой категории.

Не могу не сказать о замечательной советской гимнастке **Людмиле ТУРИЩЕВОЙ,** ставшей абсолютной чемпионкой Мюнхенской олимпиады. Если бы вы видели, с каким мужеством, отдавая все свои силы, всю душу, она соревновалась со своими соперницами!

В Мюнхене у всех на устах было и имя **Валерия БОРЗОВА,** героя легкоатлетической дорожки XX Игр. Валерий Борзов — наша гордость, наш лучший спринтер, завоевавший две золотые медали в беге на короткие дистанции.

1976 год. Монреаль. XXI Олимпиада.

Вспоминаю шоссе «Транс-Канада», пьедестал почета и квартет советских гонщиков-велосипедистов, завоевавших звания олимпийских чемпионов. А чуть в сторонке, на обочине, стоит герой Римской Олимпиады, прославленный велосипедист **Виктор КАПИТОНОВ.** Он счастлив, безмерно счастлив, потому что его питомцы — **Владимир КАМИНСКИЙ, Ааво ПИККУУС, Валерий ЧАПЛЫГИН и Анатолий ЧУКАНОВ** — выиграли золотые медали. А он — их тренер.

В олимпийском 1972 году советские спортсмены уже были чемпионами стокилометровой командной гонки. Обе команды наших олимпийцев 1972 и 1976 годов привел к победе Виктор Капитонов.

Золотой дубль — мечта спортсменов. Мечта **Татьяны КАЗАНКИНОЙ** осуществилась. В беге на 1500 метров она завоевала золотую медаль. Невысокая, хрупкая женщина без видимого усилия обошла на финише всех своих соперниц, так же как это было в беге на 800 метров. Финиш Казанкиной был красив, изящен, непринужден. Зрители полюбили советскую спортсменку. Ее яркие победы надолго останутся в памяти тех, кто видел бег двукратной олимпийской чемпионки Татьяны Казанкиной.

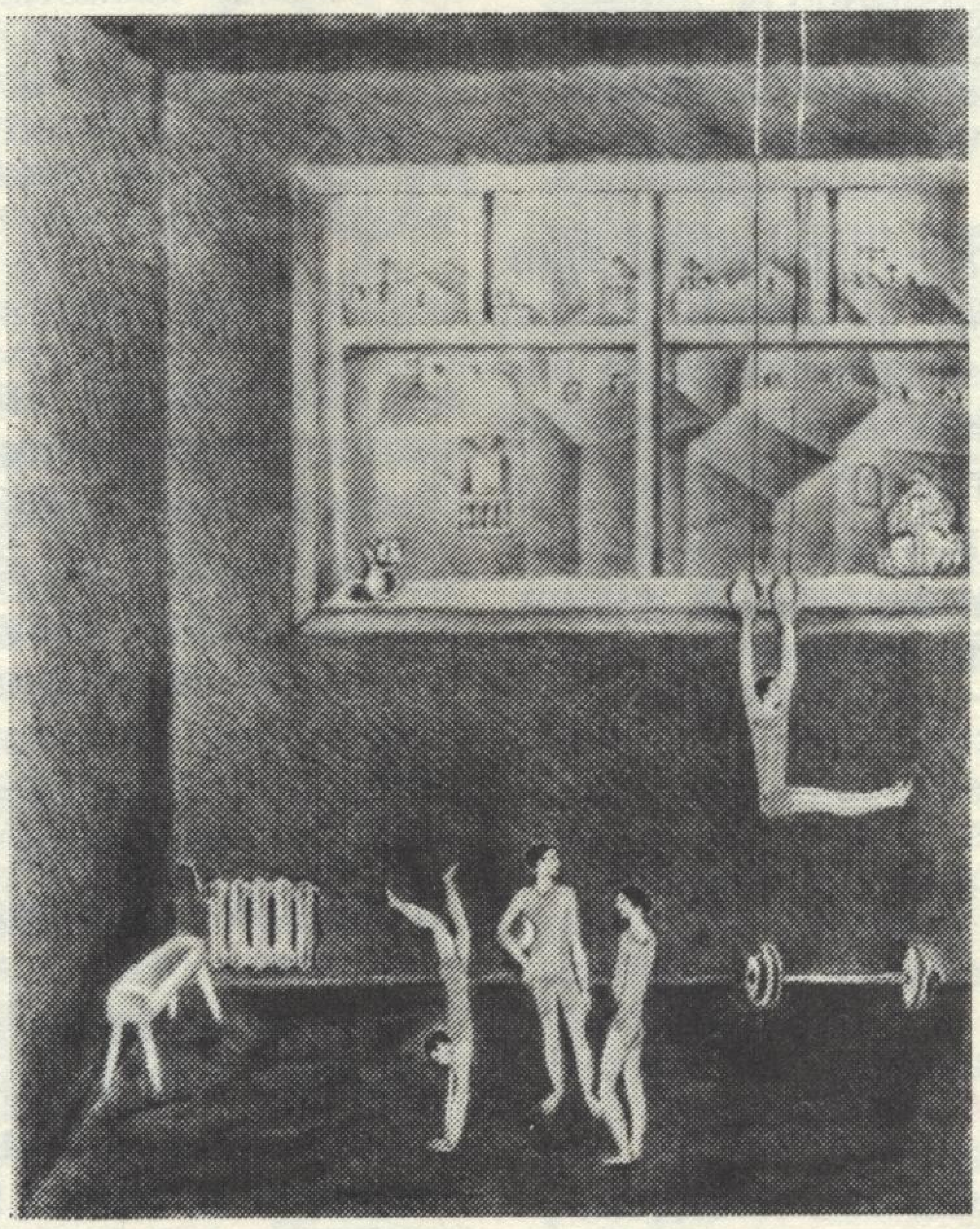
И еще об одном герое Монреальской олимпиады мне хочется рассказать. **Николай АНДРИАНОВ** нанес поражение прославленным гимнастам Японии, выступал вдохновенно, виртуозно. Его борьба с олимпийским чемпионом Мехико и Мюнхена Савао Като, как, впрочем, и с другими конкурентами, заслуживает восхищения. Он был настоящим лидером, вел за собой команду. Абсолютный чемпион Олимпиады Андрианов завоевал четыре золотые, две серебряные и одну бронзовую медаль.

Золотая олимпийская медаль — самая дорогая награда для спортсмена, завоевать ее нелегко. Победу оспаривают самые сильные, самые лучшие спортсмены, чемпионы всех стран. Не случайно победителей Олимпиад чествуют и встречают как национальных героев. Ведь все победы завоеваны в тяжелейшей борьбе, это победы воли, мужества, характера.

Рисунки Д. БАРАБАША.

«В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ ЗДОРОВЫЙ ДУХ»

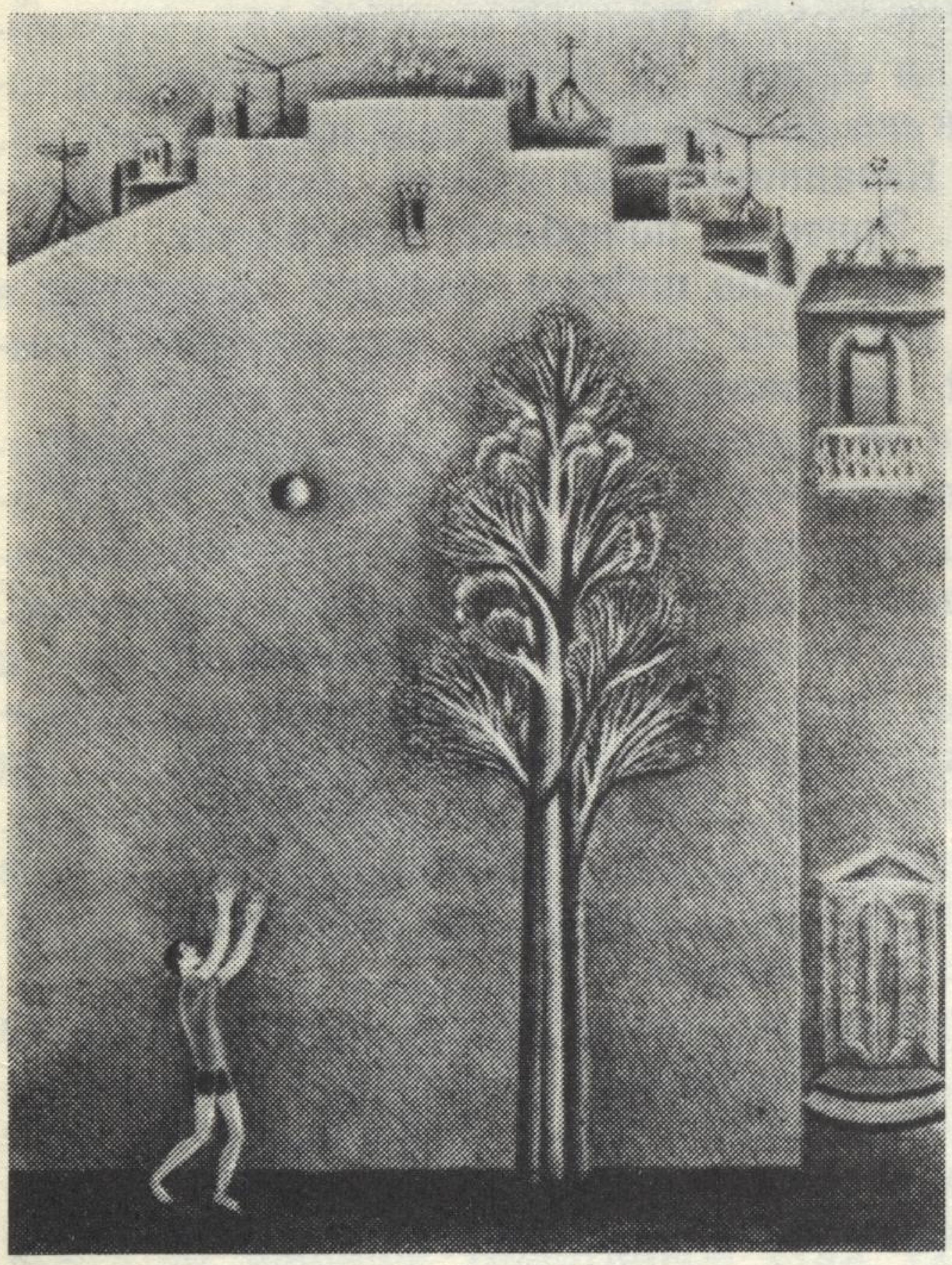
Всмотрись внимательно в эти работы — и ты прочитаешь маленький рассказ, созданный художником. Вот мальчик порывисто протянул руки, запрокинул голову — он ловит мяч, который на мгновение застыл в воздухе. Кажется, еще секунда — и мяч упадет вниз. На втором рисунке — весна, она пришла на улицы старого Тбилиси, распахнула окна домов, наполнила город звонкими голосами. Ты видишь, как радуются ребята, бегущие за бумажным змеем. Так и хочется побежать вместе с ними, ощущая на разгоряченных щеках прикосновение теплого ветра.

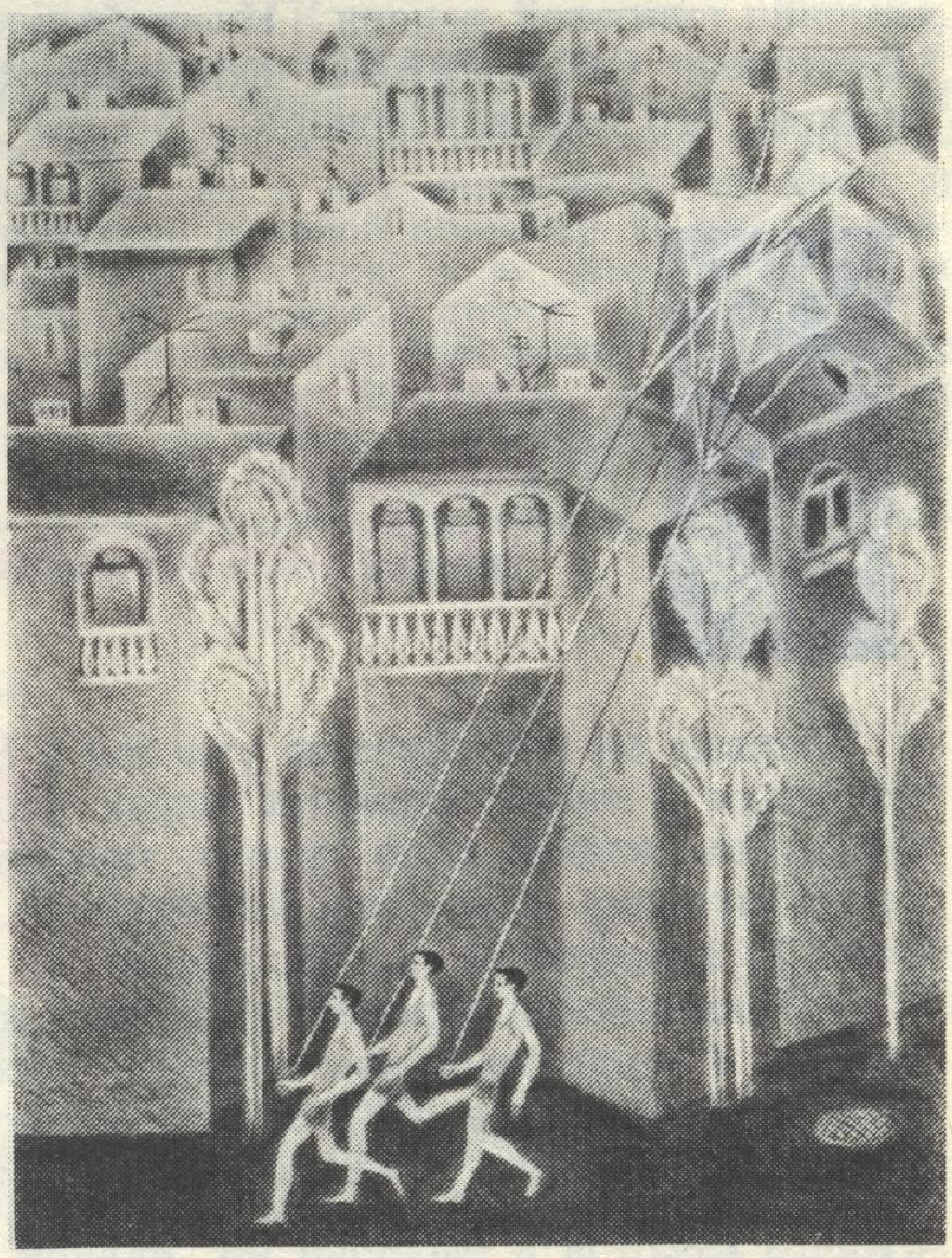


А тут, на третьей картине, ребята в спортзале. Кто они, эти юные гимнасты? Будущие атлеты, чемпионы, олимпийцы? Пока неизвестно. Но сюда они пришли, чтобы научиться ловкости, настойчивости, смелости.

«В здоровом теле здоровый дух», — говорили древние греки. Здоровый дух — это бодрость, веселье, задор. А что может быть веселей и задорней детской игры? Именно из детской игры, беззаботной и радостной, начинается дорога в настоящий спорт. Вот об этом и хотел рассказать художник Гурам Глонти в трех работах, которые ты видишь перед собой.

Н. ДАВЫДОВСКАЯ





Олег ДМИТРИЕВ

На первенство леса

Узнайте, девчонки,
Узнайте, мальчишки,
Как прыгали с вышки
Слоны и мартышки!
Идет состязанье на первенство леса.
Туда не пробраться вам — зрителей масса!
Спортсмены, конечно, различного веса,
Зато, уверяю вас, равного класса.
Команды построились для парада,
Волнуясь: кого ожидает награда —
Четыре увесистых связки бананов!

Судья подзывает к себе капитанов:
Да-да, подзывает Слона-капитана,
Да-да, капитана зовет Павиана —
Известна всем строгость судьи Пеликана!
Лягушку судья из-за пазухи вынул,
Лягушку судья над собою подкинул.
Спросил Павиана:
— На что упадет?
Тот крикнул: — На спинку!
А Слон: — На живот!

Вертящийся в небе зеленый комок
На лапки упал и домой скок-поскок!

Сказал Пеликан:
— Вы желаете знать,
Кому начинать?
Так слонам начинать!

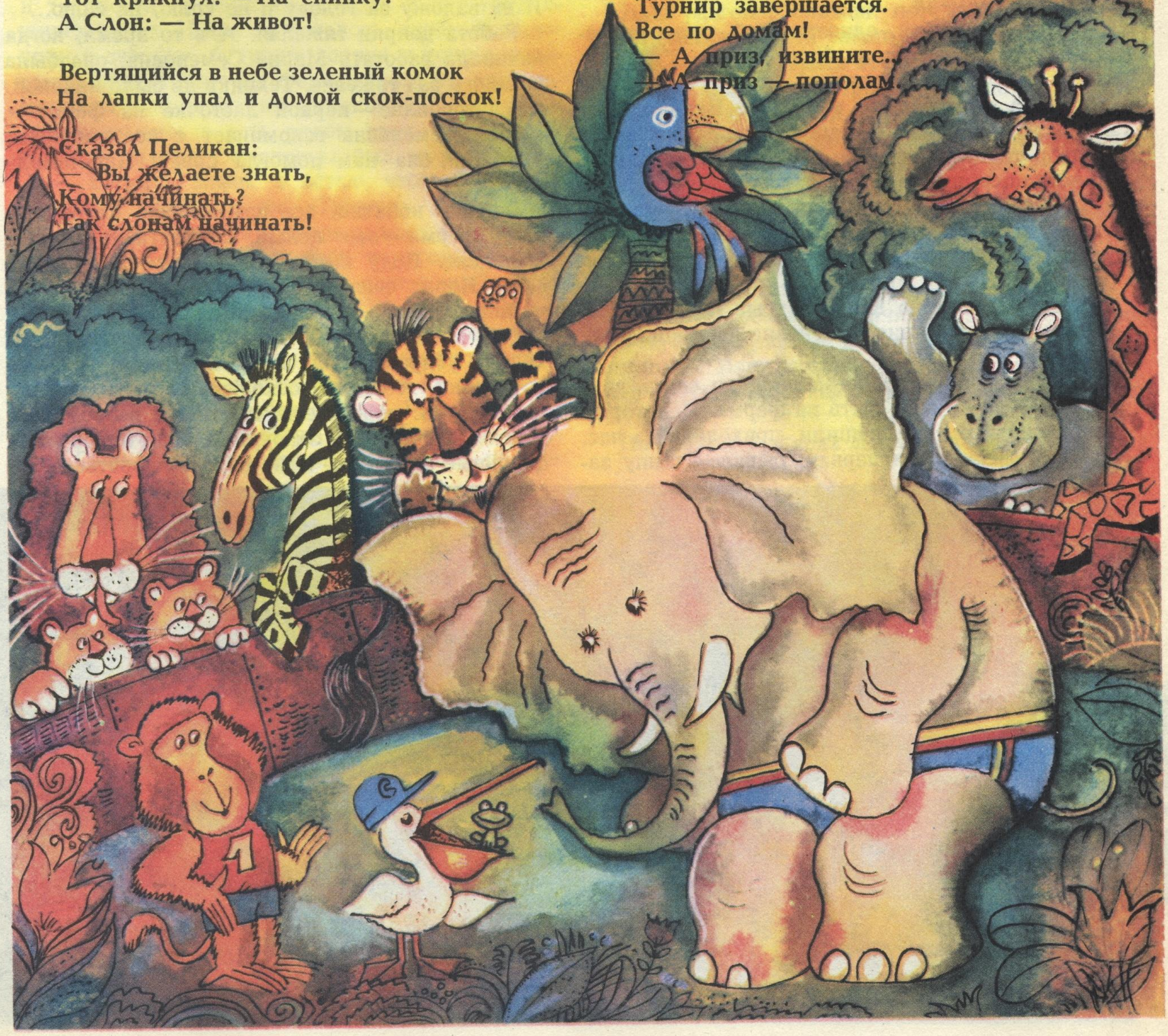
Тревожатся зрители:
— Видно, нам крышка!
— Слон лезет на вышку!!
— Качается вышка...

Но Слон потянулся,
Но Слон улыбнулся,
От вышки дрожащей
Легко оттолкнулся,—
И рухнула вышка
Под вопли трибун,
И плюхнулся в пруд
Знаменитый прыгун!

Зеленым фонтаном взметнулась вода,
И нету, друзья, от пруда
Ни следа...
На суше
Слоновья шевелится туша,
А зритель отведал холодного душа.

— Как быть? Что же делать?
Решайте, судья!

— Спокойно, друзья:
Боевая ничья!
Турнир завершается.
Все по домам!
— А приз, извините...
— А приз — пополам.



Разговор южной

В южную ночь, как в коробку, посажены цикады: они легко и звонко гремят в свои погремушки. Несколько раз над нашими головами промчалась летучая мышь. Душисто и сладко пахнут высокие лавровые кусты.

Мы с Марией Семеновной сидим на бамбуковой скамейке. Бескрайний разговор наш начался давно, еще при огромном оранжевом вечернем солнце.

— ...Приехали мы сюда сразу после войны, в сорок седьмом году. На Украине все разбомбило, все... Дом смешался с землей. Муж на фронте погиб. Осталась я с двумя детьми... Приехали. Пришла я в здешний колхоз имени Калинина, говорю председателю: «Давайте любую работу». Детей же кормить нужно, жить нужно... А председатель узнал, что я на Украине до войны дояркой была. В то время как раз сюда из России пригнали девять коров. И коровы те были настоящие, толстые, бока — во-о... Не то что местные рыжухи, худющие да костлявые. Местные-то коровы целый день по горам гоняют, по камням да по жаре, кой-какой травы перехватят и хорош — два литра в день... А те девять коров глаз ласкали, не вымя — ведро целое... Вот и поставили меня к этим девяти. Скоро мне уж двадцать пять коров доверили. Видно, получалось у меня...

Дом ее — голубой, одноэтажный, окружен веселым садом и стоит на берегу моря. Тридцать лет с небольшим прожила Мария Семеновна Малая на этом берегу, в поселке Букнари Аджарской АССР. И приземистая пальма у входа во двор стала привычным деревом, и не волнует до восхищения полутораметровый георгин около кухни, весь усыпанный соцветиями — оранжево-красными «новогодними» шарами. А в самом доме Марии Семеновны все дышит далекой Украиной. Комнаты украшены украинскими вышивками, лежат на полу пестрые половики. И галушки лепит Мария Семеновна настоящие, украинские, с кулак!

— ...Каждое утро вставала я до света, чтобы уже в пять часов быть на ферме. Некоторые доярки иной раз не спешили, приходили на час, на два позже... А я первая, бывало, лампу засвечу, надену специальный, чистый халат и принимаюсь за работу... Ой-ой, сколько я переделывала! Подстилку сменю, новую принесу, навоз выволоку, воды в поилки налью, корма задам. И пока корова жует, довольная, я начинаю доить...

Я смотрю на руки Марии Семеновны. Они лежат на коленях, подрагивают, небольшие, коричневые от загара, с выпирающими венами и коротко подрезанными ногтями. На первый взгляд некрасивы... Но я не могу отвести от них взгляд. Как они спокойно лежат, отдыхают... И похожи на две старые, виноградные лозы — в шишках, трещинках, утолщениях, полные жизни.

— Раньше еще ничего, не болели... А сейчас часто, как заломит-заломит руки, мочи нет. Я их заложу за голову и не сплю, не сплю...

Работа доярки тяжелая. А в то время, когда начинала работать Мария Семеновна, она была во много раз тяжелее. Техники не было никакой. Об автопоилке — первой ласточке на ферме — Мария Семеновна вспоминает с восхищением: «Ой! Как она нам помогла сразу! Как помогла!».

Сейчас, конечно, все изменилось. Сегодняшняя ферма — это целый автоматизированный комплекс. Воду никто не таскает — автопоилка есть. Корм: сено, отруби, специальные растительные смеси — тоже подаются коровам механически, по конвейеру. С помощью другого конвейера убираются из загонов навоз и грязные подстилки. А если необходимо вымыть загоны, пожалуйста: нажимаешь кнопку, и веером промчится вода по всем закоулкам. Доят корову специальные автоматы. И не надо волноваться, что

среди ночи

корова случайно ногой ведро под выменем опрокинет — нет ведра. Молоко по шлангу сразу в чистые бидоны сливается. Остается только машине приехать да забрать бидоны на молокозавод.

Работа доярки стала похожа на работу оператора: на кнопки нажимаешь, за часами следишь, чтобы все проходило по графику, нормы коровьих обедов сверяешь, сколько молока да какая корова сегодня дала, в книжку записываешь... И все-таки невозможно представить работу доярки без любви к животным, без умения приласкать «буренку», да так, чтобы она тебя запомнила и «мукала» приветливо при встрече, без той великой радости от нежного запаха парного молока, которое медленно дышит, томительно белеет в бидоне. Ради этого можно пережить все: и трудности, и неудачи, и боль в перетрудившихся руках. И как бы хотелось, чтобы те мальчики и девочки, будущие доярки и дояры, которые завтра придут на ферму, были бы хоть немного похожи на Марию Семеновну...

Хорошо, когда есть рядом друг. Таким другом для Марии Семеновны был муж.

— Бывало, зимой я встаю, чтобы на ферму идти, темно, а он: «Ты куда, Маруся, одна?». Берет в руки фонарь и идет провожать. Говорит: «А вдруг поезд тебя, полусонную, сшибет или в темноте на змеюку наступишь?». Так до самой фермы и провожал. Жалел...

Мария Семеновна молчит, пальцы ее подрагивают. Муж Марии Семеновны недавно умер, и она осталась одна в голубом доме да при веселом саде... Иногда забегает дочь Галя. Она работает в соседнем колхозе, человек очень занятой. Галя помогает Марии Семеновне по хозяйству: постирать, законсервировать помидоры или багровую густую суповую приправу, прополоть огород. Или просто так посидит с матерью, поговорит по душам о жизни.

Часто она открывает калитку сада, за которой плещется море, и садится на сосновые корни, похожие на рыжие пятки. Море тихо успокаивает ее говором волн. Бегут и бегут бесконечные волны. Они видели Марию Семеновну совсем молодой, когда она строила на этом берегу вместе с мужем дом, сажала сад, отправляла утрами, прибежав на полчаса с фермы, детей в школу. Волны видели радость и слезы Марии Семеновны, ее праздники, слышали, как пела Мария Семеновна, помнят ее, усталую, возвращавшуюся с фермы домой.

Мария Семеновна смотрит на море, как в большое зеркало своей жизни, вспоминает, и это придает ей силы, светлеет на душе, легче становится на сердце.

— Да... Надаивала я молока до сорока пяти тысяч литров в год... За это и наградили меня тремя медалями и двумя значками «Победитель социалистического соревнования». А грамот хранится сколько, а в газетах сколько отмечали, вон — целый портфель!.. А в 1951 году послали меня за отличный труд на ВДНХ в Москву...

Наш разговор сложен, потому что он о прожитой человеческой жизни. О честной и трудной жизни можно говорить вечно.

Мария Семеновна строила свою жизнь в трудное время. Она знала, что могла завоевать любовь и уважение людей своими делами, своим трудом. У Марии Семеновны были руки — единственное ее богатство. И каждое утро встречала она без солнца, с ночным прохладным туманом, потому что рабочий день доярки начинается рано-рано, в четыре-пять часов утра, и каждый день трижды доила двадцать пять коров...

Мария Семеновна молчит, вспоминает. Южная ночь обнимает ее плечи, как теплая, домашняя шаль. Наш разговор не закончен. И мне бы очень хотелось, чтобы и ты тоже задумался над ним.

На легких крыльях летело светлое утро.

И. АНДРИАНОВА

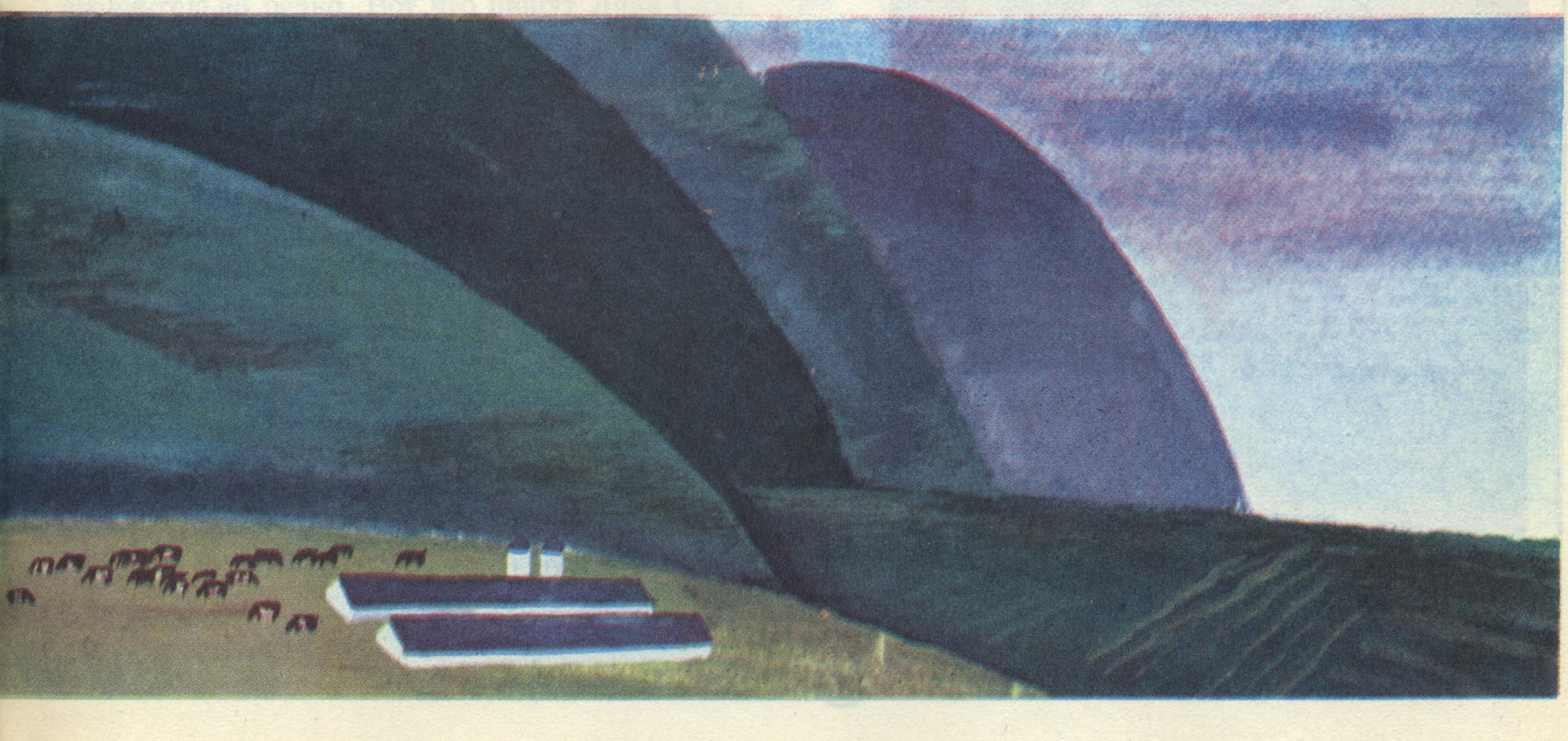
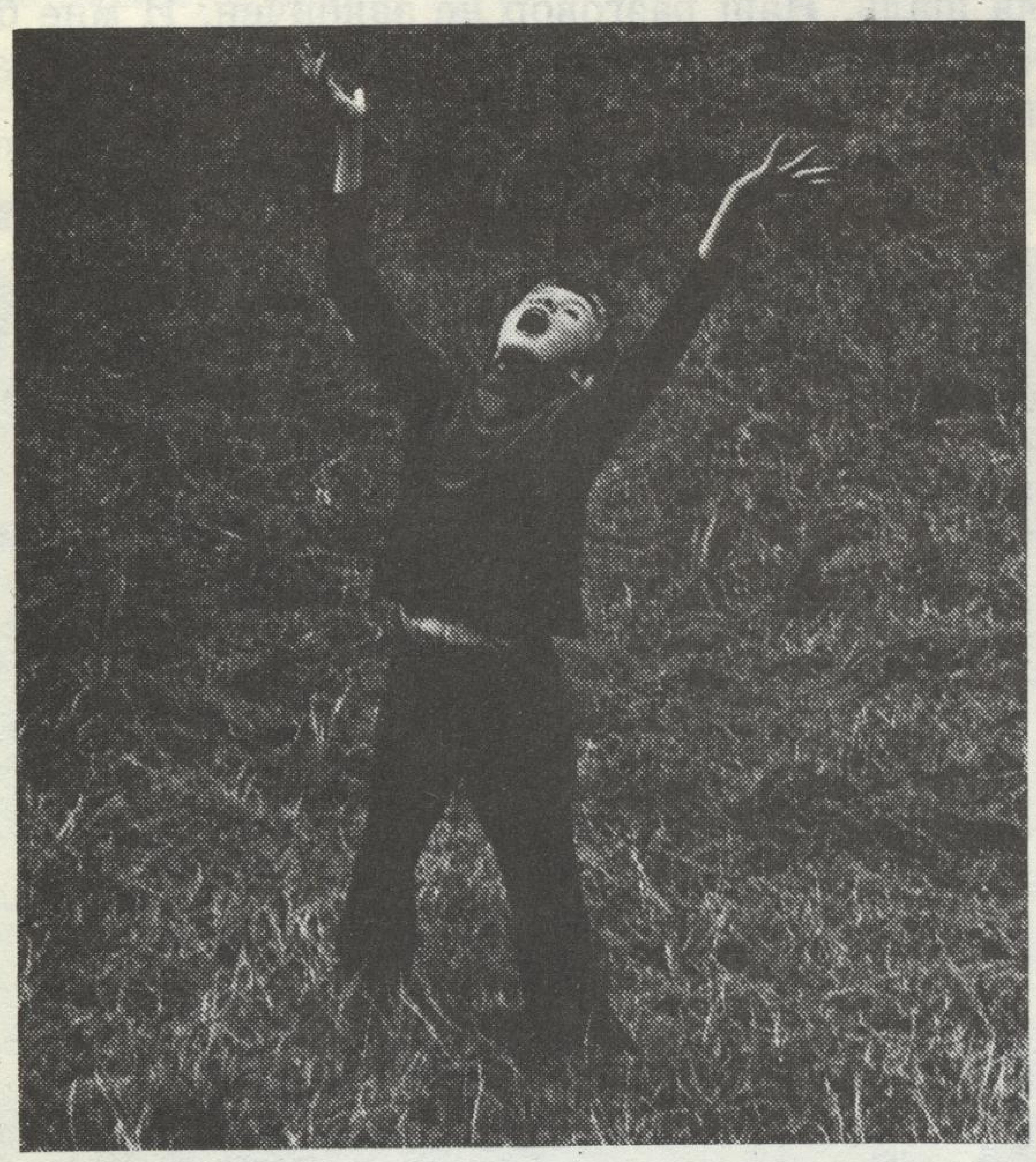


Рисунок В. ДОНСКОВА.

ФОТОТРАЖЕНИЕ

КА-НИ-КУ-ЛЫ!

Фотографии В. КРУПСКОГО.



Ка-ни-ку-лы! Разноцветный мяч, голубой, зеленый, оранжевый, взлетел высоко-высоко в небо.

Он звонкий, как летний дождик, барабанящий по зеленым листьям...

Он легкий, как одуванчик, сорванный ветром; отрицающий закон притяжения и уроки физики, формулы и тетради, скрип мела и все на свете расписания...

Он круглый и загадочный, как неоткрытая планета. На ней синие моря и реки, в которых ты еще не купался, и зеленые земляничные поляны, на которые по праву первооткрывателя ты еще ступишь...

И кто-то солнцем, как мелком, написал на нем оранжево, впопыхах, убегая с урока: «Каникулы! Лови!»

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ ОСТАЕТСЯ ЗАГАДКОЙ

«В полуметре от моей головы, не спеша, двигался ярко-белый шар, формой напоминающий яблоко, не более пяти сантиметров диаметром. Шар медленно приближался к коту, у которого как-то странно задергались хвост и уши. Я подумал, что если шар коснется кота, то убьет его: наверняка будет взрыв, и мне самому не обойтись без ожогов. Я хотел взять кота, но как только мои руки коснулись его, произошел сильный электрический разряд. От резкой боли в кончиках пальцев я вскрикнул и упал. Кот шмыгнул под шкаф и там стал зализывать бок...» Так рассказывает о своей встрече с шаровой молнией ученик 7-го класса из поселка Ревда Мурманской области Юра З.

Ученые до сих пор не знают, что же представляет собой шаровая молния, где и как она образуется. А в лаборатории получить шаровую молнию никак не удается... Вот почему приходится тщательно собирать свидетельства тех, кто видел эту молнию в природе.

Об этом мы и спрашивали ребят в журнале «Пионер» (№ 8, 1979 год). Благодарим всех, кто ответил нам.

С вашей помощью, ребята, выяснилось, в частности, что шаровая молния не всегда имеет форму шара. В одной десятой части всех писем описываются молнии иной формы: дискообразные (Светлана Городчикова, 9-й класс, г. Закаменск), эллипсоидальные (Боря Потапов, 5-й класс, г. Брянск), «хвостатые» (Миша Чукреев и Юра Гордин из Даугавпилса, Надя Мартыновских из Свердловска Ворошиловградской области и др.).

В трех случаях ребята видели одновременно даже несколько шаровых молний, что бывает сравнительно редко. Вот что пишут Лида Самарина (5-й класс) и Наташа Майская (4-й класс) из Москвы: «Мы были на даче под Москвой. Днем во время сильной грозы мы сидели на застекленной террасе. Вдруг примерно в метре от окна мы увидели три огненных шара величиной с кулак. Они медленно опустились вниз и исчезли, коснувшись земли».

Были случаи, когда одна шаровая молния делилась на несколько более мелких. Некоторые наши корреспонденты смогли различить видимую структуру молнии. «Внутри шара беспорядочно метались какие-то светящиеся точки, комочки, сгустки пламени», — пишет Таня Сидорова из Норильска.

Очень интересны сообщения о том, где возникали шаровые молнии. Оказалось, в самых неожиданных местах. Юля Лапина из Красноярска видела, как шаровая молния отделилась от грозового облака. Галина Торосян из Кировабада заметила, что шаровая молния оторвалась от канала разряда обычной линейной молнии. Многие видели, как шаровая молния выскочила из розетки. Эти случаи говорят, конечно, о ее электрической природе. В своих письмах ребята рассказывали и о том, что при движении молнии по комнате начинали трещать репродукторы и зазвенел телефон. Это вызвано электромагнитными колебаниями, которые излучает шаровая молния.

Ваши наблюдения, говорящие об особенностях строения и образования шаровой молнии, конечно, важны и интересны для ученых. Безусловно, ваши письма, ребята, помогут разгадать тайны этого явления природы...

Особенно хочется похвалить тех ребят, кто не только сообщил о встрече с загадочным огненным шаром, но и предложил свои разгадки его тайн. Сергей Серов (8-й класс) из поселка Верхняя Базаиха Красноярского края разработал механизм шаровой молнии, сходный с тем, что предполагают ученые.

Игорь Павлов со станции Даут Кокчетавской области предложил проект лабораторной установки для получения шаровых молний. Юра Богдай (4-й класс) из Петропавловска Казахской ССР — свой вариант защиты от молнии.

И все же, ребята, в своих опытах и наблюдениях не забывайте, что это — грозное явление природы. Во время грозы закрывайте окна и двери, не включайте электрические приборы, радио и телевизоры. Если же шаровая молния влетит в помещение, лучше поскорее оставить ее одну. Но быстро убегать не следует — она часто движется вслед за передвигающимися предметами (автомобилями, мотоциклами, бегущими людьми). Не забывайте о надежном заземлении своей аппаратуры, если занимаетесь радиолюбительством. В местах плохого контакта может возникнуть шаровая молния...

Тем, кто еще не решился написать нам, напоминаем наш адрес: **150000, Ярославль, ул. Советская, 14, университет, кафедра общей физики.**

На конверте поставьте буквы «ШМ». Не забудьте указать место, время, дату наблюдения, погоду в тот момент, размер, форму, цвет, яркость, структуру шаровой молнии, скорость ее движения и время, в течение которого вы ее видели. Укажите в письме свой возраст и — если это взрослый — свою профессию.

А. ГРИГОРЬЕВ,
кандидат физико-математических наук,
В. МУСИНСКИЙ.

ЧЕРЕПАХА НА БЕРЁЗЕ

Рассказ Алеши Иванова, шестиклассника 59-й московской школы, записала писательница Анна МАСС.

Это случилось у нас в пионерлагере в очень неудачный день. С утра дождь моросил, на речку из-за дождя не пошли, а самое неудачное, что волейбольный матч из-за непогоды отменили. Столько готовились к матчу, и зря.

В общем, настроение у меня было хуже некуда.

Ко мне подошел Максим, сосед по палате.

— Слушай, Лешка, хочешь, я тебе одну штуковину покажу?

Что он там особенное может мне показать? Небось, дупло какое-нибудь или гнездо. Я к Максиму как-то не относился всерьез. Может, потому что он хилый, неспортивный, а я как-никак капитан волейбольной команды.

— Это возле речки. Пойдем, не пожалеешь!

Впрочем, отчего не пойти? Делать все равно нечего.

Он повел меня не к песчаному мыску, где мы обычно купаемся, а совсем в другую сторону, туда, где густой кустарник и крапива. Я за дорогу десять раз пожалел, что с ним связался: крапива сплошной стеной, а я в шортах. Все ноги обстрекал. Максим-то в джинсах, ему что!

— Стой! — сказал он вдруг.— Вот отсюда хорошо видно.

Он посторонился. Я выглянул из-за его спины и увидел... на пригорке возле обрывистого берега, повернув к нам зубастую треугольную морду, замерло жуткое существо. Я такое только на картинках видел, в книгах о доисторических ящерах. Оно опиралось на короткие когтистые лапы. Вдоль позвоночника и мощного длинного хвоста торчали неровные зубцы. Все тело изогнулось, как перед прыжком...

На нашей тихой Уче — доисторический ящер?! Ух ты! Я невольно повел глазами вокруг, не сидит ли на ветке ивы какой-нибудь птеродактиль. Вот бы здесь вообще «Затерянный мир» обнаружился!

— Правда, похоже? — спросил Максим, и в ту же секунду с меня спало наваждение. Я шагнул вперед, еще не до конца веря своим глазам. Корень! Да это же просто огромный, вывороченный из земли корень. Ну, сила!

— Я дней пять назад этот корень обнаружил,— сказал Максим.— Ну, конечно, я с ним повозился: лапы и голову ему приладил для эффекта.

Жалко вообще-то, что ящер оказался ненастоящим.

Но с этого дня мы с Максимом подружились. Конечно, кое в чем я ему мог десять очков вперед дать. Я, например, в школе третье место по шахматам занял среди пятых классов, а он вообще в шахматы не играет. Ну, и насчет спорта тоже он слабоват. Но вот эта его способность — в любом почти предмете: старом пне, корне, шишке, обломке кирпича — увидеть что-то живое, иногда смешное, иногда страшное — меня просто поражала. Я увижу шишку на тропинке и отфутболю ее подальше. А Максим поднимет, осмотрит, вставит четыре короткие палочки-ножки, вместо глаз вложит два шарика желтой засохшей смолы, и вот на ладони у него сидит симпатичный, веселый ежик. Кажется, куда проще. Я бы тоже так мог. А вот не смог почему-то.

Свои изделия Максим называет «штуковины».

— У меня дома полно всяких штуковин. Я однажды подобрал две крышки от бутылок из-под «Байкала». Вертел-вертел, что-то они мне напоминают, а что, никак не пойму. Потом понял. Скрутил из проволоки человечка, в руки проволочную гитару сунул. А из крышек получилась огромная зубастая пасть. Как будто он ее разинул и поет под гитару. Он у меня на подоконнике стоит. Все как увидят — смеются. Так что материал-то у меня всегда самый обыкновенный. Мне как раз вот это и нравится — в самом обыкновенном вдруг увидеть такое, чего никто не замечает.

Однажды наш второй отряд отправился в лес за земляникой. Меньше чем за час я набрал полную кружку ягод и пошел искать Максима.

Я отыскал его на поляне. Он сидел на

пеньке напротив старой березы. Кружка рядом с ним была почти пустая.

— А где же твоя земляника? — спросил я.— Слопал, что ли?

— Ее тут просто нет,— ответил он.

— Ну, ты даешь! — удивился я.— Да ее кругом хоть засыпься.

— А я что-то не заметил... Посмотри-ка,— сказал он, кивнув на березу.— Ничего не замечаешь?

Я взглянул на березу. Дерево, как дерево. Ничего в нем нет особенного. Толстый ствол. Ветки раскидистые.

Что же в ней такое есть, если Максим из-за нее землянику не видит у себя под ногами?

Так. Ну, кора старая, растрескавшаяся. Птица какая-то в листве щебечет. Муравьи ползают по стволу вверх и вниз. На уровне моего роста — грубый затес. Видно, весной кто-то рубанул по дереву топором. Березовый сок добывал таким варварским способом.

Я уже собирался сказать «сдаюсь», но увидел насмешливую улыбку Максима и решил: нет, не сдамся! Что я, хуже его вижу, что ли?

Я опять, сантиметр за сантиметром начал изучать березу.

Ствол раздваивался, и в месте раздвоения торчит большой нарост — березовый гриб. Он словно ползет по ответвлению ствола. Сзади из-под него торчит тонкий короткий прутик. Как хвостик. А сам гриб похож на панцирь большой черепахи. Если бы еще спереди головку на длинной морщинистой шее...

— Братцы! — завопил я, от радости обращаясь к Максиму во множественном числе.— До чего же на черепаху похоже!

— Наконец-то! — сказал Максим.— Вот и увидел. А помнишь, ты говорил, не получится?

Я так обрадовался! Значит, правда, это не какой-нибудь особый талант. Стоит только повнимательнее приглядеться — и увидишь. А когда увидишь — то это прямо как праздник, как открытие какое-нибудь!

Голову и шею мы сделали из гриба-валуя, их тут много росло на поляне. Шапочку подрезали, чтобы было похоже на черепашью голову, а вместо глаз вставили две волчьи ягоды. И вот живая черепаха, вытянув шею, сидела на березе и смотрела на нас круглыми живыми глазами!..

...Смена кончилась, и нам с Максимом пришлось расстаться. Мы в городе учимся в разных школах, видимся редко. По телефону, правда, перезваниваемся. Он мне недавно сообщил, что со своими второклассниками готовит выставку самоделок... Я подумал, что «малышастикам» здорово повезло с вожатым.

Я, например, благодаря летней дружбе с Максимом так увлекся самоделками, что на моем подоконнике уже целый зоопарк. Желуди, шишки, картофелины — все идет в дело. Сейчас страуса делаю из пустой яичной скорлупы и пластилина. Вот только с хвостом сложности...

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ В БЕДЕ...

Надо помочь ребятам из села Соколовка Северо-Казахстанской области. У них сгорел музей А. П. Гайдара... Об этом рассказал «Боевой листок» в четвертом номере журнала.

Одним из первых откликнулся тимуровский отряд Ленинского района города Москвы, которым руководит заслуженная учительница РСФСР Надежда Леонидовна Лебединская.

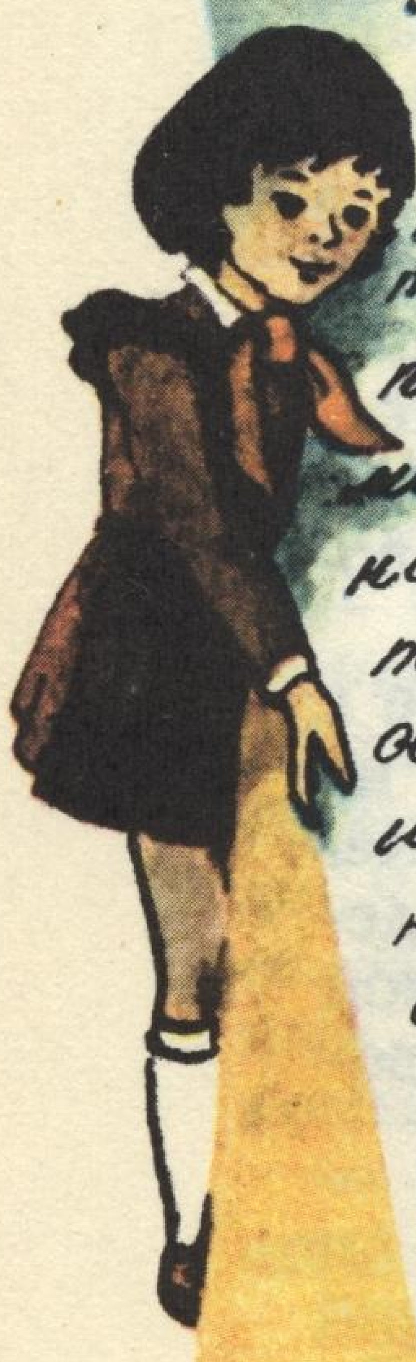
От имени соколовских ребят их руководитель Виктор Акимович Огневой благодарит московских тимуровцев: «Дорогие ребята! Дорогая Надежда Леонидовна! Ваши письма очень помогают нам. Когда мы их получаем, улучшается настроение, появляется желание работать с новыми силами... Уже пришли от вас пять бандеролей с книгами, журналами, вырезками из газет и журналов, фотографиями, материалами II Всесоюзного слета тимуровцев. Большое спасибо!»

Детский дом — наш общий дом

На Всесоюзном слете в Черкассах наша делегация предложила всем тимуровцам начать новую операцию „Детский дом — наш общий дом". Наш тимуровский штаб уже начал помогать детскому дому. Помощь может быть самой разной,— концерты, трудовые десанты. Можно делать игрушки, собирать библиотеку, устраивать вечера сказок. Всего не перечислишь. Но помощь очень нужна! Стоит один раз придти в детский дом, чтобы понять — ребятам, особенно младшим, нужна дружеская забота, нужны друзья.

Оксана Загорулько.

делегат II Всесоюзного слета тимуровцев, член городского тимуровского штаба. г. Ильичевск. Одесской обл.



ПРИВЕТ ОТ КВАКИНА

ПРИВЕТ! ХОТИМ РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ. В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ МЫ ХОДИМ НА ГОЛОВАХ, ПУГАЕМ СОБАК ТАК, ЧТО ОНИ ВРЯД ЛИ ОПОМНЯТСЯ. НЕ ДАЁМ НИКОМУ СПАТЬ. БЬЁМ ОКНА. ОЧИСТИЛИ ВСЕ САДЫ. ПРИДУМАЛИ МЫ ЭТО САМИ И У НАС ЗДОРОВО ПОЛУЧАЕТСЯ! ПОКА! НЕ ОБИЖАЙТЕСЬ, ЧТО НАПИСАЛИ ТАК МАЛО.

От «Боевого листка»: Помощь детским домам — очень нужное дело. И очень непростое. Надо помнить о том, что концерты, подарки, игрушки — это еще не все. Как написала Оксана Загорулько, «ребятам нужны друзья». Познакомьтесь с воспитателями и вожатыми детского дома, обсудите с ними ваши планы. А затем уже с товарищами по отряду продумайте, с чего начать операцию.

О результатах сообщайте «Боевому листку».

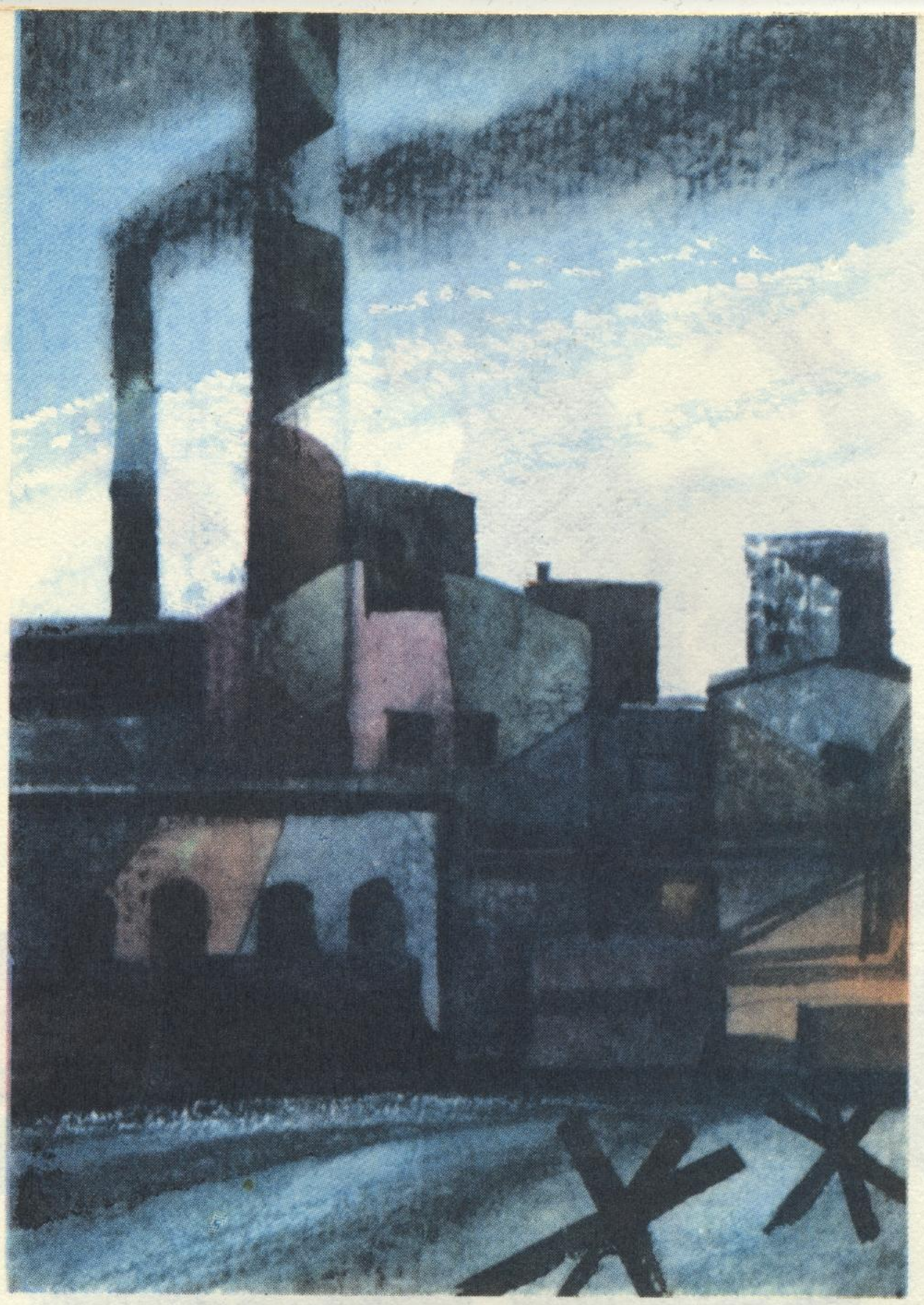
Адрес на конверте указан один, а на почтовом штемпеле — другой, так что поехать и разобраться на месте нельзя. Но это дела не меняет: ясно, что квакинцы бросают вам, ребята, вызов. Довольно наглый вызов. И ответить на него надо делом!

Возможно, и в вашем дворе, на вашей улице есть такие ребята. Нужно охранять от них покой людей, защищать сады и цветники, не позволять квакинцам поднимать руку на животных. И самое главное — нужно помочь самим квакинцам, изнывающим от злой скуки, стать лучше, обрести себя.

Возможно, вам уже есть что рассказать «Боевому листку».

Ждем писем!

Рисунок Д. БАРАБАША.



Тамара КВИТКО

Неотправленные письма

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 4.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Письмо тринадцатое

Я открываю глаза и вижу, как куст сирени протягивает ко мне свои руки-ветки. Я тянусь к ним и не могу дотянуться. Неужели это мне не снится? Неужели на дворе настоящая весна? Сколько же времени я лежу?

Мне сейчас хорошо. Не болит голова. Ах, папа, как она у меня болела! Я ничего не помню, что со мной было, помню только эту страшную боль. Помню кто-то рядом плакал, кто-то говорил: «Тише!»

Скрипит дверь, в комнату тихо входит Васильевна со стаканом в руках.

— Валя! Голубушка! Пришла в себя!

Она подходит к дверям и кричит во весь голос:

— Анна Ивановна! Девочки! Скорее сюда!.. Топот ног.

— Что случилось, Васильевна? Вале хуже?

Анна Ивановна показывается в дверях, на ходу надевая халат.

— Да нет же, нет! Пришла в себя!.. Глаза-то, поглядите, какие у нее глаза!.. И говорит! В дверь заглядывают девочки.

— А ну, кыш отсюда! Вас еще не хватало!

— Тетя, да вы же сами звали.

— Никого не звала! Идите, больному человеку воздух и покой нужен.

— Лучше тебе, девочка?

— Да, мне хорошо.

— Напугала ты нас, Валюша, ох, как напугала!

— Я долго болела?

— Четыре месяца.

— Четыре месяца? А писем от папы моего не было?

— Нет еще, деточка. Будут, обязательно будут, но не сейчас. Да ты ни о чем не думай теперь, тебе поправляться надо.

— А война еще не кончилась?

— Нет.

— А кто наступает?

— Сначала наши наступали...

— А сейчас?

— Ну зачем тебе сразу все знать?..

— А сейчас, значит, снова они наступают? Снова они?.. Зачем вы боитесь сказать мне это, Анна Ивановна?

Анна Ивановна кусает себе губы.

— Нет, девочка, я не боюсь. Но это лишь временные неудачи, фашисты никогда нас не одолеют, никогда!

— А в госпитале наши ребята бывают?

— Каждый день. У нас такая дружба, просто замечательная!

Я закрываю глаза. Честное слово, когда я копала противотанковый ров, я так не уставала, как сейчас. Кто-то еще входит в комнату.

— Тс-с! Тетя Даша, она, кажется, спит.

— Тетя Даша! — кричу я. — Тетя Даша, откуда же вы?!

Горячие слезы обжигают мое лицо, и я не могу понять, это мои слезы или тети-Дашины.

— Тетя Даша, почему вы мне не писали?

— Тоже писаку нашла... Я полчаса фамилию свою вывожу и рада радешенька, что короткая... А просить не люблю.

— А где вы жили?

— Ох, далеко... Я про ту землю никогда и слыхом не слыхала. В Узбекистане, в Азии,

значит. Люди там хорошие. Приняли ласково. Но только не по мне все там. Жарко. Земля какая-то желтая, глазу непривычная. Слушаешь, слушаешь, а ничего не поймешь. Но все бы ничего, только я там спать перестала. Лежу-лежу, а в голове одна думка гудит и гудит — все про тебя думка. Где ты да что ты? И про Лю. Както тебе с дитем приходится, жива ли, здорова ли?

— Да вы не плачьте, тетя Даша...

— Я не плачу, сами слезы льются... Вижу я, что с этой бессонницей житья не будет, и говорю Нюрке: «Ты оставайся, а я поеду, грех сирот оставлять на произвол». И поехала. Да только не в счастливый час, видно, выбралась. Приехала, а мне говорят: «Валя-то ваша при смерти лежит, видать, не выбраться уж ей из болезни...»

— А где вы сейчас живете? — спросила я.

— В интернате. Тут и живу, тут и работаю. С тетей Машей на кухне стряпаем вместе.

Перед вечером приходят девочки. Они входят чинно, с цветами в руках, сдержанно здороваются. Но Леля первая не выдерживает тона.

— Валька, ой!

Я понимаю это «ой».

— Что, очень страшная?

— Да нет же, что ты! Просто какая-то другая... Совсем как мальчик... Валька, а сколько у нас новостей всяких! Ты знаешь, к Нюське...

— Нет, дай я расскажу. Знаешь, к Нюське...

— Ой, не перебивай, Катя... К Нюське мама приехала, военврач... Прямо с фронта, честное пионерское!.. Неделю тут прожила. У нее два ордена!..

— А еще какие новости? — спрашиваю я.

— Еще — Марья Игнатьевна уехала. Совсем уехала. И теперь у нас новый физик. Ой, Валька, какая у него смешная фамилия: Солод-Солодовский... В госпитале о тебе все спрашивают, и доктор приходил тебя смотреть...

Девочки, перебивая друг друга, спешат выложить все новости. Наша мастерская получила настоящий фронтовой заказ на белье для красноармейцев. А на Первое мая в детдом приезжали шефы. С подарками, с оркестром. И самая большая новость: у нас будет своя комсомольская организация!

Комсомольская организация!.. Неужели меня тоже примут? И я вспоминаю, как еще год назад мне казалось, что я никогда не дорасту до комсомола, и как я просила маму, чтобы она дала мне немного поносить свой комсомольский билет. А она строго говорила, что это нужно раньше заслужить.

Ночью я просыпаюсь. Очень хочется пить. Сонная, я протягиваю к столику руку, чтобы взять чашку с водой, и вижу тетю Дашу. Она сидит в кресле, подложив под голову подушку. Глаза у нее закрыты. Я шепчу: «Тетя Даша, зачем вы здесь?» — и спохватываюсь: не надо ее будить. Но тетя Даша сразу открывает глаза.

— Тебе что-нибудь надо, Валюшка? Болит что-нибудь?

Наташа Колокольцева стучит по учительскому столу:
— Подождите, ребята!.. Вале нужно помочь.

— Нет, ничего не болит и ничего не надо... Только почему вы не спите?

— Ну-ну, недосплю немного... Много ли старухе сна надо?.. Ложись, деточка.

Тетя Даша укрывает меня и гасит свет... Каждый день ко мне приходит врачиха.

— Когда же? — ною я.

— Скоро, скоро. Полежи еще недельку. Такая большая девочка, а хнычешь. Будь умницей!

Я не хочу быть умницей. У меня бока болят от лежания. Я хочу выйти в сад, подойти к сиреневому кусту, который растет под моим окном, потрогать сиреневые душистые грозди, тяжелые от росы, а потом бродить, бродить по саду, который я еще не видела в летнем убранстве.

Наконец мне разрешают подняться. Я подхожу к зеркалу, и оттуда на меня смотрит веснушчатый, бледный мальчишка. Я показываю ему язык, и он отвечает мне тем же.

Девочки встречают меня в столовой восторженным визгом.

— Сумасшедшие! — кричу я, стараясь вырваться из их объятий. — Вы мне платье порвете!

Но девочек никак не успокоить.

— Чего пристали? — раздается голос Васильевны. — Человек больной, а вы кучей наваливаетесь. Вот я вас! — Она замахивается половником, и девочки, смеясь, разбегаются. Я сокрушенно поглядываю на свое измятое платье.

После завтрака мы спешим в класс.

— Петрова! Выздоровела? — спрашивает ма-

тематик Иван Иванович.— Теперь придется приналечь на занятия. Экзамены на носу.

— Мы ей поможем,— отзывается Фая.

...С каждым уроком мне становится все грустнее и грустнее. Я очень отстала. Надо будет много заниматься. Неужели я останусь на второй год?

Школьный день заканчивается. Мы поднимаемся из-за парт, но Наташа Колокольцева, председатель совета отряда, стучит по учительскому столу.

— Подождите, ребята! Надо нам всем отрядом решить одно дело. Поэтому объявляю сбор отряда открытым. Слово предоставляется мне. Я с Фаей вполне согласна. Вале нужно помочь. Это же будет ужас и кошмар, если она не подготовится к экзаменам! Как вы считаете?

— Правильно! Правильно!

— Валя, ну что ты краснеешь?— продолжает Наташа.— Ничего плохого не будет, если я помогу тебе по математике, Зина — по физике и географии, а Роман — по русскому языку и литературе... Значит, договорились?

— Договорились!— кричит класс.— Вытянем Вальку!

— Объявляю сбор закрытым! Пожалуйста, в столовую!

Наташа, точно милиционер, приложив правую руку к груди и вытянув левую, становится у дверей. Ребята шумной гурьбой выходят из класса. Мне хочется обнять их, всех вместе, чтобы они почувствовали, как они дороги мне.

— Пошли, Валя!— говорит мне Роман.— О чем ты задумалась?

А потом вдруг лезет в портфель.

— Вот возьми. Это конспект уроков по литературе. Я все записал. Прочтешь, и тебе сразу будет легко.

Я прячу тетрадь и пожимаю его руку.

— Ну что ты, Валя,— смущается он.— Я рад помочь тебе!

После обеда мальчики отправляются в столярную мастерскую, а мы в швейную. Но меня оттуда выгоняют.

— У меня ведь ничего не болит,— пробую я упросить руководительницу мастерской.

— Нет, душа моя, и не проси! Окрепнешь, тогда сама засажу за работу. А сейчас пойди погуляй!

Я разыскиваю Лю. Она сидит в детской и баюкает плюшевого мишку. Завидев меня, Лю бросает мишку на пол и бежит навстречу. Мы идем гулять.

Сначала мы заходим на кухню, чтобы повидать тетю Дашу. Но тетя Даша заявляет, что нам совсем незачем мешать людям и пусть мы побыстрее уйдем, пока она не рассердилась. Лю морщит нос. Это плохой признак: еще мгновение — и Лю расплачется. Тетя Даша сует ей пирожок.

Из кухни мы идем в сад.

Легкий ветер пляшет в листве деревьев. Где-то звенит кузнечик. Две бабочки порхают над травой, и Лю со смехом бежит за ними. Какая здесь тишина! Неужели все это было: вой бомб, стоны раненых, безудержный плач Лю, мычание коров, голод, от которого подступает тошнота, и дождь, дождь, дождь...

Я ложусь на траву и смотрю, как суетятся муравьи. Чья-то нога наступила на муравейник и засыпала его; маленькие труженики усердно поправляют свой дом.

Так же было и у нас. Мы так хорошо и радостно жили в своем светлом доме. Но фашисты ворвались в наш дом. Они ходят по нашей земле и топчут своими сапожищами все самое дорогое для нас. Топчут людей, топчут поле, топчут и убивают все живое...

Мы возвращаемся домой. Я умываю Лю, кормлю ее, укладываю спать. Лю по обыкновению хнычет, и ее приходится укачивать. Наконец она засыпает. Я достаю из-под подушки тетрадь. Мне нужно сегодня так много написать тебе, папа!.. Я давно не писала и только теперь поняла, что пишу тебе потому, что мне нужно верить, что ты жив, и понять, что происходит вокруг меня и со мной.

Письмо четырнадцатое

Июнь, июль, август, сентябрь...

Четыре месяца мы не были в городе, и четыре месяца я не писала тебе. Дело в том, что мы были заняты — зарабатывали в колхозе трудодни. На эти трудодни нам привезли муку, картошку, мясо и даже мед. Теперь у нас есть запасы на зиму.

В колхозе мы пололи, мотыжили. В первый день, когда мы пришли на огород и увидели, как колхозницы быстро и ловко орудуют сапками, нам показалось, что это очень легко и просто, что ничего мудреного в этом нет. Но вот мы сами взялись за сапки, начали работать и тотчас же почувствовали и поняли, что это совсем нелегко. Мы не выполнили норму ни в первый, ни во второй день, и во время обеда нам стыдно было подносить ложку ко рту.

На третий день было не лучше. Мы ковыряли землю, и все нам было не мило: и этот огород, и эти сапки, и собственные неумелые руки.

Вдруг Наташа выпрямилась, со злостью швырнула сапку, села на край грядки и заплакала.

— Я не могу, не могу больше!

— Что с тобою? Ты устала?

— Да нет, как вы не понимаете! Они нас сейчас презирают, от всей души презирают. Ведь они вон где! — Наташа показала на край поля, где виднелись фигуры колхозниц. — А мы вот где. Руки у нас никчемные!

Наташа вытерла слезы и сказала:

— Пусть нашему звену дадут отдельный, совсем отдельный участок. И будем работать до темноты, пока не выполним норму. Верно, девчата?

— Верно.

— Тогда пойдем к бригадиру.

Но бригадир огородниц Авдотья Ильинична встретила нас хмуро. Она совсем не считала, что нам можно доверить отдельный участок. Авдотья Ильинична заявила, что таким, как мы, и аршин земли нельзя доверить: раньше нужно научиться сапку в руках держать. Выручила председатель колхоза. Она сказала, что девочки — молодцы и не подведут. Бригадир уступила.

Нам назначили звеньевой веселую, быструю, как ртуть, Софьюшку, дочку председателя, и выделили картофельный участок. Софьюшка показала, как надо окучивать картошку. Мы шли за ней следом, стараясь держать сапку так же, как она. Дело пошло веселее.

Мы уходили с поля, когда темнело. Руки уже привыкли держать сапку и лопату, спина не так ныла, и даже колючки реже впивались в ноги. А самое главное, здесь было наше поле, каждый кустик на нем был наш. Мы видели, как он разрастается, как тянется к солнцу. Это наши руки помогали ему расти!

По вечерам мы наскоро смывали с себя грязь, наскоро съедали обед и отправлялись на сеновал. Но прибегала Софьюшка с кем-нибудь из своих подружек и требовала: «Пошли песни петь!»

Песни почти все были грустные, старинные, от них щемило сердце. Иногда, чаще всего по воскресеньям, приходили из МТС трактористы. Приходили с гармошкой, с балалайкой, и тогда девушки становились какими-то необычными, красивыми и песни пели веселые. А когда парни пускались в пляс и увлекали за собой девушек, казалось, что и деревья, и избы, и луна — все кружится и пляшет.

В августе началась жатва. Снова нам поначалу пришлось трудно. Софьюшка показывала нам, как вязать снопы. Мы все понимали, как нужно делать, но ничего не получалось. Только захватишь охапку колосьев, только начнешь их связывать, как половина уже рассыпается. И снопы у нас получались тощие, один на другой не похожие.

Через несколько дней работа пошла веселее, может быть, потому еще, что мы догадались распределять обязанности. Леля готовила перевясла, Наташа и Зина вязали снопы, а Фая и Соня скирдовали.

С грохотом подъезжали наши мальчики на пустых телегах. Мы дивились. Как ловко и быстро они нагружали телеги. Черные, с выгоревшими на солнце волосами, с лоснящимися от пота загорелыми спинами, они казались веселыми сказочными чертями, и, глядя на них, мы заражались их задором и весельем.

Из колхоза мы уезжали с таким чувством, как будто оставляли родной дом и родных людей. Мы не представляли себе, как это Софьюшка будет работать без нас и как девушки будут петь без нас песни, и как это мы не увидим новый коровник, который при нас начали строить.

Мы сидели за праздничным столом, но сейчас не хотелось ни пирогов, ни меда.

На колхозном дворе загудела автомашина. Она пришла за нами.

— Ну, ребята мои дорогие, — сказала председатель, — будем прощаться. Я длинных речей говорить не умею, скажу по-простому: спасибо вам!

Она немного помолчала, а потом снова заговорила:

— Вот пришли вы к нам в колхоз, ребята, и поля того вы никогда не видели и силенок у вас не так уж и много было, а как работали!

В августе началась жатва. Снова нам поначалу пришлось трудно.

Не уменьем сильны были, а ненавистью к врагу нашему — к Гитлеру проклятому. Придет час, и мы победим проклятых фашистов!

Такой она и запомнилась мне — огромная, в праздничной ярко-розовой кофте и синей необозримой юбке, смеющаяся женщина, в темных глазах которой ни искорки смеха...

До свидания, колхоз!

До свидания, первое трудовое лето!

Письмо пятнадцатое

Если бы ты знал, как я ожидала часа нашего возвращения!.. Если бы ты знал, сколько раз за эти три месяца жизни в деревне я представляла себе, как поднимаюсь по лестнице, и как навстречу мне идет Анна Ивановна, и как я сразу прочитаю в ее глазах, что меня ждет невероятная, неописуемая радость...

Мы выбираемся из кузова машины, и Анна Ивановна сразу оказывается в тесном кольце ребят. Я не могу пробиться к ней. Но вот она машет мне рукой, мои глаза встречаются с ее глазами, и я чувствую, как сердце мое проваливается куда-то. Ничего, ничего нет!..

А со двора уже семенит тетя Даша. Она целует меня, как когда-то целовала мама, когда я возвращалась из Артека. И я думаю, как хорошо, что на свете есть тетя Даша, Анна Ивановна, мои подруги, наш общий дом...

И вот мы всей гурьбой идем по длинному коридору в столовую, а мне вспомнилось, как я впервые проходила здесь с танкистами и как мне казалось, что я никогда не привыкну к этим стенам. А теперь я вернулась в родной дом. Потому что сегодня роднее дома у меня нет.

Вечером мы собрались у репродуктора. Диктор читал «От Советского Информбюро», и в комнате было так тихо, что казалось, слышен шелест осыпающейся за окном листвы. В тот вечер мы впервые услышали о Сталинграде. Огромное слово «Сталинград» оглушило нас. Ромка подошел к Анне Ивановне и сел рядом с ней.

— Анна Ивановна, я... вы не подумайте плохого, но я... хочу уйти из детдома.

— Уйти? Куда?

— На работу. Я не могу сидеть сложа руки, когда там... когда такие бои...

— Хорошо. Я напишу тебе записку на завод. Жить можешь пока здесь.

Наташа дернула меня за рукав, я толкнула Наташу в бок, и мы разом поднялись.

— Анна Ивановна! А нас?

— Что — нас?

— А нас пустите на завод?

— Нет уж, погодите! Вам в детдоме тоже работа найдется.

— Рубашки шить — разве это работа?

— Рубашки тоже нужно кому-то шить.

— Девчонкам на завод нечего соваться!

Это сказал Ромка.

Наташа побледнела от гнева.

— Девчонкам? Да ты... ты понимаешь, что говоришь? Да мы в тысячу раз лучше будем работать, чем ты!..

Еще секунда, и мы бы подрались. Но Анна Ивановна сказала примирительно:

— Ничего, ничего, девчата, еще хоть немного подрастете и пойдете на завод. А пока работайте в нашей мастерской.

Нет, мы не хотим ждать, пока подрастем! Как только в нашей комнате погасили свет, мы стали обсуждать происшедшее.

— Надо утереть Ромке нос, — сказала Файка.

— Дело не в Ромке, — сказала я. — При чем тут Ромка? Вернется мой папа, расскажет, как он воевал, и спросит: «Ну, а ты что делала?» Что я скажу? Сорочки шила!..

— Конечно, сорочки тоже надо, но их можно и по вечерам шить. Разве мы отказываемся? — сказала Леля.

— Вот что! Давайте пойдем завтра на завод и скажем: вот нас восемь девчат, и мы хотим работать! — сказала Наташа.

— Все пойдем! — ответили мы разом.

Это только сказать легко — давайте пойдем на завод. А попробуй пойди, если утром мы занимаемся, потом работаем в мастерской, потом... Но самое главное, мы решили отправиться на завод все вместе.

Сегодня после обеда мы торжественно сдали Анне Ивановне выполненный нашей мастерской заказ — двести пар белья для бойцов.

— Анна Ивановна, — кротко спросила Наташа. — А вы позволите девочкам из нашей комнаты отнести белье в часть?

— Хорошо. Только не сегодня, а завтра, и чур нигде не задерживаться.

— Нет, что вы, Анна Ивановна, мы быстро!

И восемь голосов принялись наперебой благодарить Анну Ивановну.

Итак, завтра мы пойдем на завод.

Письмо шестнадцатое

Взяли! Я даже поверить не могу, но это так: взяли! Сначала меня и Наташу, а потом и Файку, и Лелю, и еще нескольких девочек. Сегодня же мы в первый раз пошли на работу. О том, где мы работаем, говорить нельзя, но тебе, я думаю, можно сказать: это энский танкостроительный завод. Энский!

Конечно, не так просто было попасть туда. А когда нас все-таки пропустили к директору и мы увидели человека в генеральской форме, мы совсем оробели. Оказалось, что он уже говорил с Анной Ивановной и ничем нас порадовать не может.

— Мы с Анной Ивановной пришли к такому решению, — сказал директор, — через два месяца будет прием в школу ФЗО, вот вы и поступите к нам на учебу. Ладно?

Что было ответить? Сказать, что за два месяца Ромка выточит на своем станке тысячу всяких колец? Нет, этого нельзя было сказать. И мы сказали: ладно. Мы сказали: до свидания. Мы хором вздохнули и пошли к выходу. А выйдя, остановились у крыльца и, не будь во дворе людей, разревелись бы, потому что в эту минуту несчастнее нас, наверное, никого не было.

— Эх, не сумели упросить! — сказала я.

— Не сумели! Так бы он тебя, Валька, и послушался, — заметила Леля. — Ведь он генерал! Видела, сколько у него орденов? А мы что? Обыкновенные девчонки.

— Нет, надо было попросить. Надо было все объяснить. Он бы понял.

— Ну, иди, проси!

— И пойду! Думаешь, не пойду!

— Все равно ничего не выйдет, — уверенно сказала Лелька. — Пошли, девчата! А ты, Валька, оставайся, если хочешь. И пускай тебе от Анны Ивановны нагорит!..

— Я тоже останусь, — заявила Наташа. — Пойдем сейчас снова к директору и скажем, пусть он нас на какую угодно работу возьмет, только сейчас, а не через два месяца.

И мы остались. А когда остались — нас страх взял, и я обрадовалась, когда Наташа сказала, что лучше подождать здесь: может быть, директор сам скоро выйдет.

В проходную входили и выходили люди. Кое-кто с удивлением поглядывал на нас, какая-то женщина даже спросила, чего это мы здесь прохаживаемся, и я сказала, что мы ждем одного человека и что он уже, наверное, скоро выйдет.

Когда мы совсем озябли, тогда-то и увидели неподалеку маленького старичка в заячьей шапке-ушанке.

— Что это вы здесь мерзнете?

— Мы хотим на завод. Работать. У нас в детдоме много ребят хотят на завод.

— Вот оно что!..

Старичок задорно смерил нас с ног до головы взглядом.

— Пошли, девчата! — сказал он.

Мы пошли. И как ты думаешь, куда? В приемную директора!

— Здравствуйте, барышня Нина Матвеевна! У себя хозяин? — спросил старик секретаршу.

— У себя, Афанасий Павлович. Подождите секунду, сейчас доложу.

— Что это вы здесь мерзнете?
— Мы хотим на завод. Работать.

Мы решили, что старичок — очень важный человек, потому что директор сам вышел ему навстречу.

— Здравствуй, здравствуй, дорогой мой! — сказал генерал. — Что же это ты неделю глаз не кажешь?

— Слушай, Петр Афанасьевич, дай-ка ты этих девчат под мою команду, а? Чего им без толку болтаться? Уважь!

— Ну, раз просишь, как не уважить.

Мы вышли, не чуя земли от радости.

— Так вот, — сказал Афанасий Павлович, — будете работать у меня в механическом. Цех хороший, очень даже интересный цех. Там такие станки — век бы не отходил от них. Только запомните: если вы машину не полюбите, и она вас тоже не полюбит.

— Будем помнить, Афанасий Павлович! — ответила Наташа. — И как это он вас с первого слова послушал? Просто диво!

— Это кто, Петр? — спросил старик. — А как же не послушать? Он мне не кто-нибудь, а родной сын.

Вот так мы устраивались работать.

...Я только на минуту положила голову на стол и, кажется, задремала. Хочется спать, глаза слипаются. А я еще не рассказала тебе, какой у меня станок — настоящий токарный, и какой замечательный человек Афанасий Павлович, и как нам завидуют все девчонки, только они стараются вида не подать, и как...

Спокойной ночи, папа...

Письмо семнадцатое

Утром Ромка постучал в дверь нашей комнаты и крикнул:

— Эй, вы, работнички! Восьмой час уже, поднимайтесь!

На улице было еще темно, но во многих окнах уже горел свет, звенел на улице утренний трамвай, дворники сгребали деревянными лопатами снег с тротуаров.

Ни Наташе, ни кому другому я не хотела говорить, что боюсь всего, что вижу на заводе. Боюсь, когда над моей головой проплывает мостовой кран: мне кажется, что он вот-вот свалится прямо на меня. Боюсь, когда мимо пробегают вагонетки: мне кажется, что они вот-вот налетят на меня. И боюсь, больше всего боюсь своего станка.

В это утро Афанасий Павлович как всегда подошел ко мне.

— Как дела, дочка? — спросил он. — И чего ты дрожишь, будто в холодную воду собираешься лезть? Ты спокойненько, спокойненько все делай. Вот, как я, гляди: сначала берем резец, насаживаем его на стержень...

Проходит меньше минуты, и Афанасий Павлович снимает со станка деталь.

— Вот и готово! Хоть сейчас в танк ставь!.. А главное помни: у каждой машины свой характер есть. Вот вникнешь в него, и дело пойдет!

Я запорола первую же деталь, которую пыталась сама обработать. Если бы Афанасий Павлович выругал меня, мне было бы легче. Но он только с укоризной посмотрел на деталь, как будто она была виновата, а не я, и сказал:

— Давай-ка попробуем еще. Включай мотор...

Письмо восемнадцатое

Я захлопнула книгу и закрыла глаза, чтобы представить себе, как мы с тобой идем по городу. Я не увидела твоего лица, оно будто подернуто туманом. Папа, неужели я забываю, какой ты? Неужели ты приедешь и я не узнаю тебя? Этого не может быть! Я немножко забыла твое лицо, потому что давно не писала тебе. Не вини меня, дорогой, я прихожу с работы такая усталая. У меня так много всяких забот, мне так иногда приходится трудно.

Почему, почему ты молчишь? Почему ты не спросишь: «Ну как, чибис-пигалица, твои дела на заводе?» Почему ты не порадуешься, что мне уже дали разряд, правда, не очень высокий? Мастер Порфирий Петрович говорит, что все так начинают, что стахановцем никто не рождается. Ты ничего не знаешь о моей жизни — ни того, что вчера я принесла тете Даше двести пятьдесят рублей, которые сама заработала, ни того, что мне выдали в цехкоме ордер на ботинки для Лю, ни того, что я уже больше не живу в детском доме, что у нас с Лю и тетей Дашей уже есть своя собственная комната...

У нас на заводе, возле ворот, висит большущая карта. Она перерезана красным шнурком, и с каждым днем шнурок уходит все дальше и дальше влево. У карты всегда толпятся люди. Они радуются: молодцы наши, вот еще город освободили! Еще двести населенных пунктов! Двести населенных пунктов, подумать только! Я тоже радуюсь, но я думаю, как далеко еще нашим до границы. Двести населенных пунктов — это крохотный кусочек карты, а она такая громадная!

Когда же кончится война? Неужели придет день и нам скажут: хватит делать танки, давайте тракторы! Неужели придет день и ты окажешься рядом со мной, возьмешь на руки Лю, обнимешь меня за плечи, и мы пойдем по городу, будем ходить и ходить и рассказывать друг другу обо всем, что только есть на душе, придем на почту и пошлем телеграммы всем моим друзьям, а потом вернемся домой, и тетя Даша будет кормить нас обедом...

Неужели все это будет?

Письмо девятнадцатое

Как пережить все это?

Сердце готово разорваться от радости, от горя, от страха. Письмо от папы! Да, да, наконец-то! Оно пришло, дорогое письмо, выстраданное и выплаканное мною письмо от папы! Он жив! Жив, жив, мой дорогой, мой любимый! Он дышит, говорит, смеется, думает... Думает обо мне... Думает о маме... Какое счастье!..

Вчера Анна Ивановна прибежала на завод, ворвалась в цех.

— Валя! Валюша! Письмо! Письмо от папы! От папы! Он живой! Вот, смотри!

Она протянула мне дрожащей рукой заветное письмо. Мне бы броситься к нему, схватить, поцеловать, быстрее прочитать, а я стою и не могу двинуться с места.

— Валюша, приди в себя. Это письмо от папы, которое ты так ждала. Настоящее письмо! Вот, смотри, штамп полевой почты. А почерк? Не узнаешь почерк отца? Хочешь, я тебе его прочитаю?

Вокруг меня и Анны Ивановны уже стоят несколько человек.

Анна Ивановна разрывает конверт, вынимает белый листок и начинает читать:

«Дорогая моя Валюша! Милая моя пигалица! Только что получил письмо с сообщением, что ты находишься в детдоме, и адрес этого детдома. Какое счастье! Ты жива, жива... Где же мама? Разве она не с тобой?»

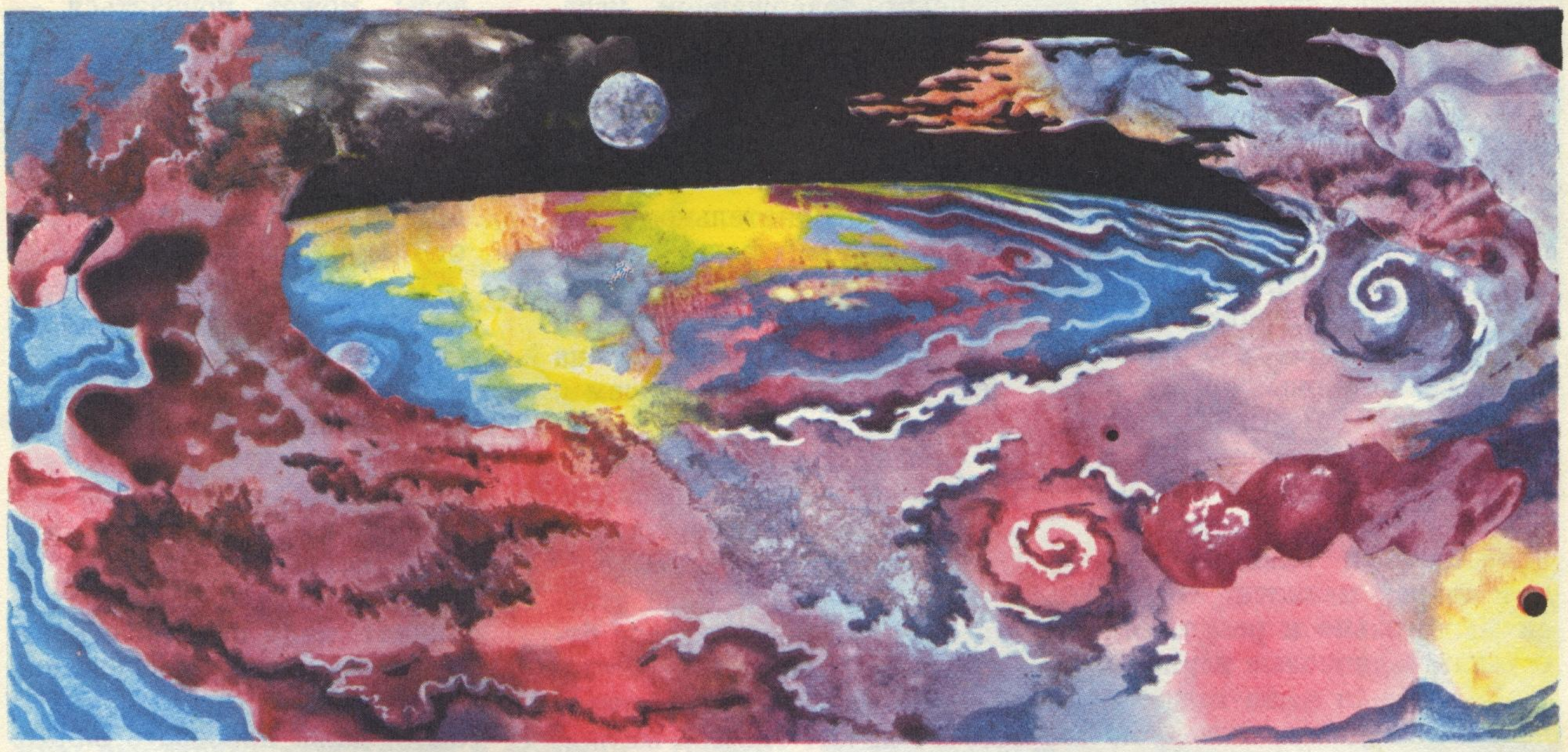
Анна Ивановна читает, но я почти ничего не слышу и не вижу. Глаза мои полны слез.

«...Сейчас мы уже далеко от Волги. Мы идем на запад, освобождаем все новые и новые города и села. Но Сталинград по-прежнему живет в душе каждого из нас. Да, я воевал в Сталинграде, отстоял вместе с другими этот великий город! Быть сталинградцем — нет выше этой славы. Командование мне объявило, что меня скоро демобилизуют как металлурга-доменщика и направят на восстановление разрушенных врагом металлургических предприятий. Таково решение правительства. Так что я, наверно, скоро приеду и заберу тебя из детдома... Но где же мама? Где мама?..»

Слезы катятся по моим щекам.

— Поплачь, поплачь, Валюша, — шепчет Анна Ивановна. — Отметь слезами свою радость, облегчи ими свое горе. А силы прибереги для отца... Счастливая ты, моя девочка!

КОНЕЦ



КЛИМАТ ПЛАНЕТЫ — ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

— Какой климат ждет людей в будущем?
— Как меняется на Земле климат?
— Правда ли, что ожидается ледниковый период?

Все эти вопросы задают нам читатели. Вопросы очень сложные — ученые всего мира заняты поисками ответов на них. Известный советский ученый, Герой Советского Союза, академик, директор Института прикладной геофизики, председатель Советского комитета защиты мира Евгений Константинович ФЕДОРОВ рассказывает о климате нашей планеты.

Возраст нашей Земли — примерно четыре миллиарда лет. За долгое время климат ее менялся несколько раз.

Совсем не такой, как в наши дни, была планета сотни миллионов лет назад. Материки, океаны, горные цепи располагались иначе. А на полюсах не было огромных ледовых массивов — Арктики и Антарктики.

Климат тогда везде был почти одинаковым. Что это значит? На экваторе температура воздуха примерно такая же, как и сейчас, а у полюсов намного выше. Океаны, если они и существовали в полярных областях, не сковывал лед. Да и на суше не было ледников.

Такой «безледный», теплый период в жизни нашей планеты продолжался очень долго — несколько сотен миллионов лет...

Постепенное похолодание началось значительно позднее, ближе к нашему времени, всего несколько десятков миллионов лет назад. Тогда от гигантского материка, в который входило все Южное полушарие, откололась Антарктида. Похолодание это длилось очень долго, и около миллиона лет назад температура в Арктике уже резко понизилась. Образовались ледники и в Арктике и в Антарктиде. А ледник, раз образовавшись, потом поддерживает холод, потому что отражает почти всю (более 80%) солнечную энергию.

Ледяной панцирь сковал значительную часть Северного полушария. Ледники спускались до тех широт, где сейчас Москва, Копенгаген, Берлин, и вновь отступали на Север. Так продолжалось миллионы лет...

Последнее оледенение в Северном полушарии закончилось около десяти тысяч лет назад.

Но и за эти последние десять тысяч лет климат тоже менялся, хотя и не так значительно, как раньше.

Теплее, чем сейчас, было в Северном полушарии примерно в десятом веке. Граница льда в Ледовитом океане располагалась тогда выше нынешнего своего положения. А на берегах Гренландии люди основали колонии.

Снова сильно похолодало. Плавучие полярные льды продвинулись к югу, прервали сообщение с островом, и колонии погибли. Так в меж-

ледниковую эпоху вклинилось «внеочередное» похолодание. Иногда его называют малым ледниковым периодом...

Но не только в таком далеком прошлом — за последние сотни-две лет тоже были заметны небольшие колебания климата. Правда, касались они в основном высоких широт — полярных областей. Метеорологи моего поколения помнят потепление в Арктике в тридцатые годы.

Итак, за миллиарды лет жизни нашей планеты климат не раз менялся. Менялся значительно и резко — наступали ледниковые периоды.

Но и Земля наша тоже менялась: рождались новые материки, образовывались и исчезали горные цепи, «просыпались» и дышали огненной лавой вулканы.

А как же сейчас, при нынешнем положении материков и горных цепей, климат остается неизменным? Нет, тоже меняется, хотя и не так значительно. Только в последнее время характер этих изменений стал иным.

На жизнь Земли все более сильно влияет деятельность человека. Конечно, сколько существуют на Земле люди, они вмешиваются в природу, но таких масштабов этого «вмешательства», как сейчас, наша планета еще не знала никогда...

Человек вырубает лес, распахивает степи, строит водохранилища.

Человек берет воду из рек для орошения, и все меньше воды попадает в океаны.

Человек с каждым годом сжигает все больше самых разнообразных видов топлива и влияет теперь даже на состав атмосферы. Все виды топлива, кроме атомного, при сгорании выделяют углекислый газ. Этот углекислый газ попадает в атмосферу, изменяет ее прозрачность, и такая атмосфера задерживает земное тепло, как стекла в оранжерее. Создается так называемый парниковый эффект. Так говорят о потеплении, если оно вызвано повышенным содержанием углекислоты в атмосфере.

Кроме того, нужно учитывать, что любая работа, любая затрата энергии превращается в тепло — это тоже ведет к дополнительному нагреванию атмосферы.

В больших городах, где много транспорта и заводов, уже сейчас температура на два-три градуса выше, чем в окрестностях.

Ученые подсчитали, что если производство энергии будет расти и дальше такими же темпами, то уже к середине следующего века углекислого газа в атмосфере будет вдвое больше.

Какие изменения климата это повлечет? На мой взгляд, это приведет не к равномерному потеплению, а к повышению температуры, в основном в Арктике. Уменьшится разница температур между полярными областями и зоной экватора...

Таким образом, в последнее время климат меняется не только по естественным причинам, как это было раньше. В природу вмешивается человек. И деятельность человека влияет на климат.

...Всегда, на протяжении долгой своей истории, человек зависел от климата.

В древности резкое изменение климата, наступление ледников способствовало тому, что предки человека в борьбе за жизнь приобретали трудовые навыки, развивались физически, умственно. А тысячу лет назад в Гренландии погибли колонии оттого, что неожиданно наступил малый ледниковый период. Увеличение зоны пустынь стало причиной гибели целых цивилизаций.

Сейчас мы живем в век научно-технической революции, казалось бы, у нас масса возможностей существовать в любом климате.

Но в то же время, как ни странно, человек больше зависит от природы потому, что больше ее использует. Самый простой пример: если весь сток большой реки идет на орошение, в засуху уровень воды может понизиться — возможен неурожай.

Вот какое получается противоречие: с одной стороны, человек, как никогда раньше, преобразует природу, а с другой — как никогда раньше, от природы зависит.

Изменения климата неизбежны. Они станут заметными и, может быть, даже необратимыми уже в ближайшие десятилетия.

Возможно ли заставить человечество развиваться вспять? Конечно, нет. Значит, остается искать пути сохранения природной среды. Значит, надо пытаться избежать вредных последствий изменения климата и, может быть, даже пробовать влиять на климат. Что это значит?

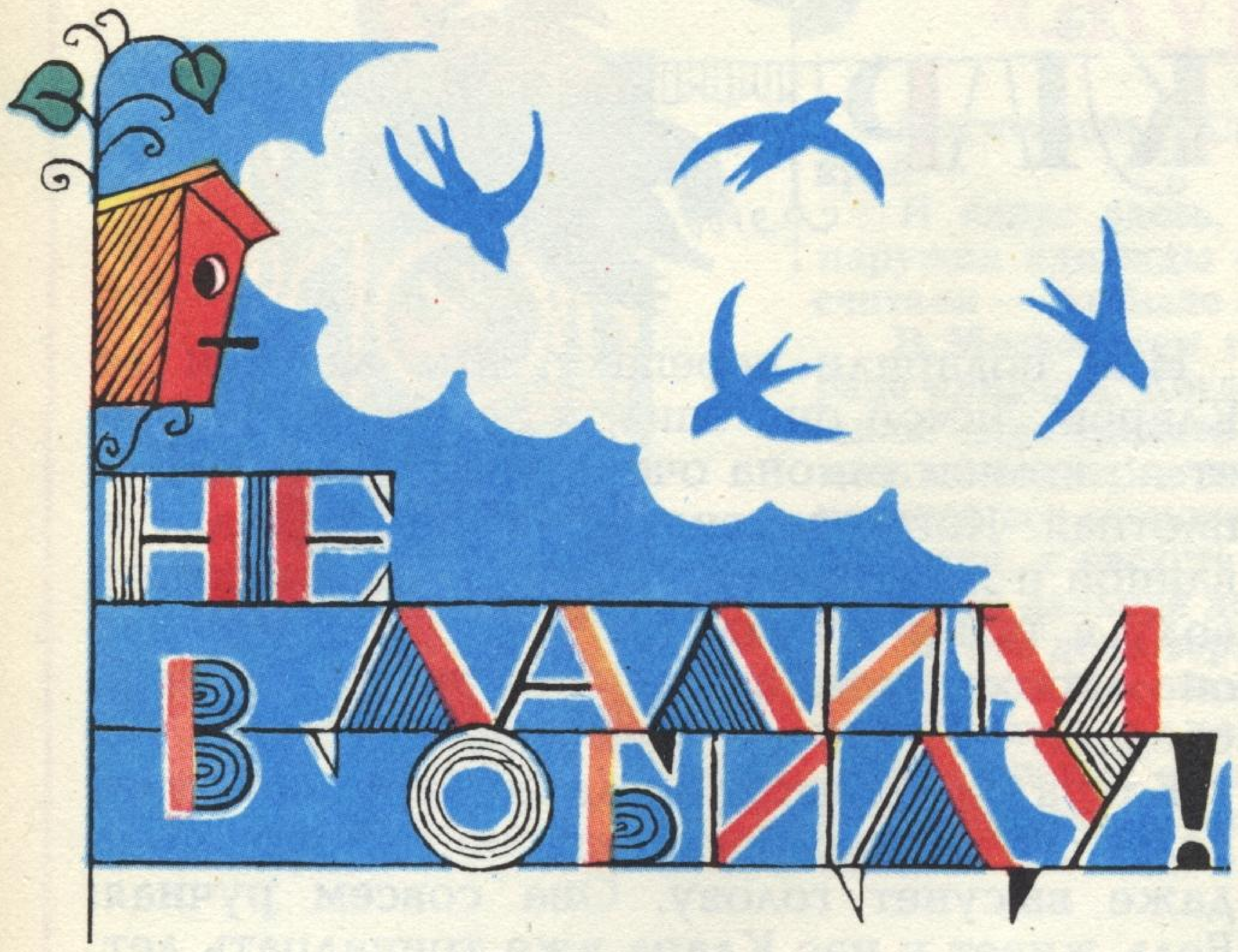
Мы, например, знаем, что если морское течение отклоняется от привычной траектории, это вызывает изменение климата в этом районе.

А если строить специальные дамбы — огромные, в тысячи раз больше обычных? И дамбы эти изменят привычную траекторию течения? Наверное, таким образом можно повлиять на климат в крупном масштабе...

Значительные изменения климата, так же, как и меры, предпринимаемые для этого, затрагивают интересы всех стран мира. Тут бесполезны действия одной страны. Необходимо сотрудничество.

В последние годы проводятся международные научные исследования — эксперименты на пространстве всего земного шара и в особенности в океанах для того, чтобы понять, как взаимодействуют атмосфера и океан, как образуются воздушные движения над океаном. Эти исследования также помогут понять, как будет меняться климат в будущем.

Ученым разных стран надо вместе думать над тем, как предсказать возможные изменения климата и их последствия и как предотвратить их, если они могут стать вредными для жизни планеты.



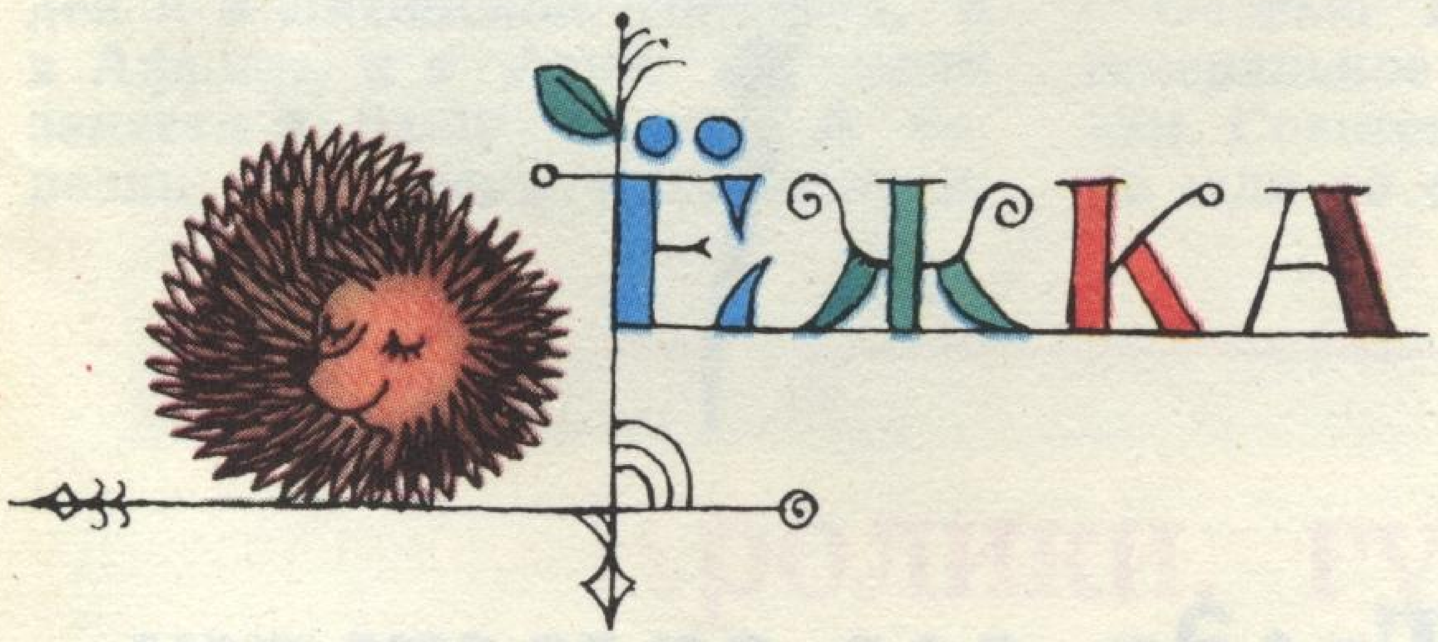
Приглашаем тебя снова на нашу постоянную выставку «Не дадим в обиду!». Перед тобой фотографии животных, которых взяла под свою защиту Оля Шмидт. В письме она рассказывает о своих любимцах.

Филя и я.

В нашем доме

Вся наша семья — мама, папа, брат и я — увлекается фотографией. Чаще всего мы фотографируем животных, которые живут в нашем доме. Для нас нет красивых и некрасивых животных — мы их всех любим и стараемся помочь тем, кто попал в беду.

Я хочу рассказать несколько историй.



В один самый обыкновенный день я пошла в магазин. Вдруг вижу: мальчишки мучают ежа. Я решила схитрить, подошла к ним и попросила: можно ли мне поиграть с ежом? Мальчишки поручили мне стеречь ежа, пока они сбегают за веревкой для него. Как только они скрылись, я схватила ежа и отнесла домой.

У него были раны на боку и на лапке. Мы его вылечили. Ежка пил молоко, и еще мы раскладывали для него кусочки мяса, чтоб он их искал, будто бы охотится за мышами.

Ежка прожил у нас зиму, а весной мы отнесли его в лес. Сперва он бежал за нами, а потом сообразил, что ему надо делать: отстал и юркнул в норку между корнями большого старого куста.

Ежку выпустили в лес.

Однажды апрельским вечером папа, придя домой, сказал: «Ни за что не угадаете, кого я принес!» Мы стали отгадывать: котенка?

Щенка? Воробья? Никто не угадал: оказывается, птенца филина. Маленький, пушистый, он был похож больше на зверька, чем на птицу.

Мы назвали его Филькой. В книге И. Акимушкина «Жизнь животных» я прочла, что мать-филиниха, перед тем как дать еду птенцам, смачивает ее слюною. Так стал делать, чтоб накормить птенца, и наш папа, и Филька считал нашего папу своей мамой, а нас всех своими сестрами и братьями.

Летом мы поехали к бабушке. Там Фильке было привольно: у бабушки сад, а дальше река и лес. Наша мама учила Фильку летать. Он улетал все дальше, стал большой и красивый. Мы испугались, не заболел ли Филюша, почему он отказывается от еды? Но скоро поняли, что он уже умеет охотиться и добывать себе корм сам. Потом он совсем улетел. Когда мы вернулись в Николаев, бабушка писала, что Филя прилетает в сад и садится на ту самую яблоню, на которую его в первый раз посадили.

С тех пор прошло три года. Приезжая на каникулы к бабушке, мы слышим, как наш Филя ухает ночью в саду. А иногда мы его видим на высокой липе.

Марвик

Диких зверей и птиц мы, вылечив и выкормив, выпускаем на волю. Но кот не дикое, а домашнее животное, и Марвик остался у нас насовсем. Он приплелся к нашему дому, еле переставляя лапы — весь истерзанный, со сломанными зубами, с перебитыми ребрами.

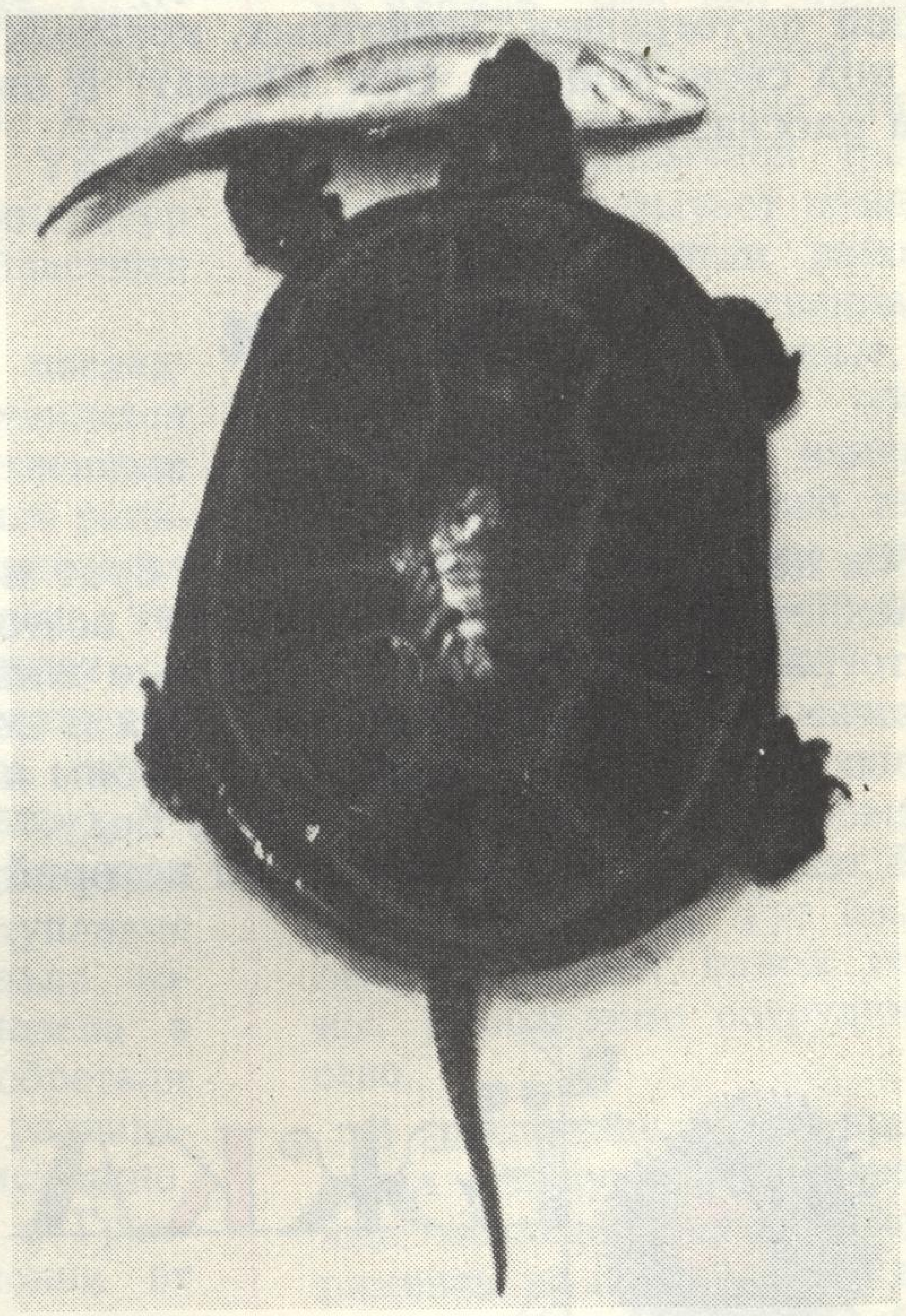
А сейчас, по отзывам соседей, наш Марвик самый красивый и воспитанный кот во всем дворе.

Клара

Нам подарили черепаху. Мы назвали ее Кларой. Зимой она спит, а летом разгуливает по комнатам, она очень красивая и чистоплотная. Когда захочет есть, то подходит к ванной и ждет, высунув голову. Ей наливают воду в тазик и кладут в воду рыбу. Сперва она «поохотится» за рыбой, а потом, поймав, съедает.

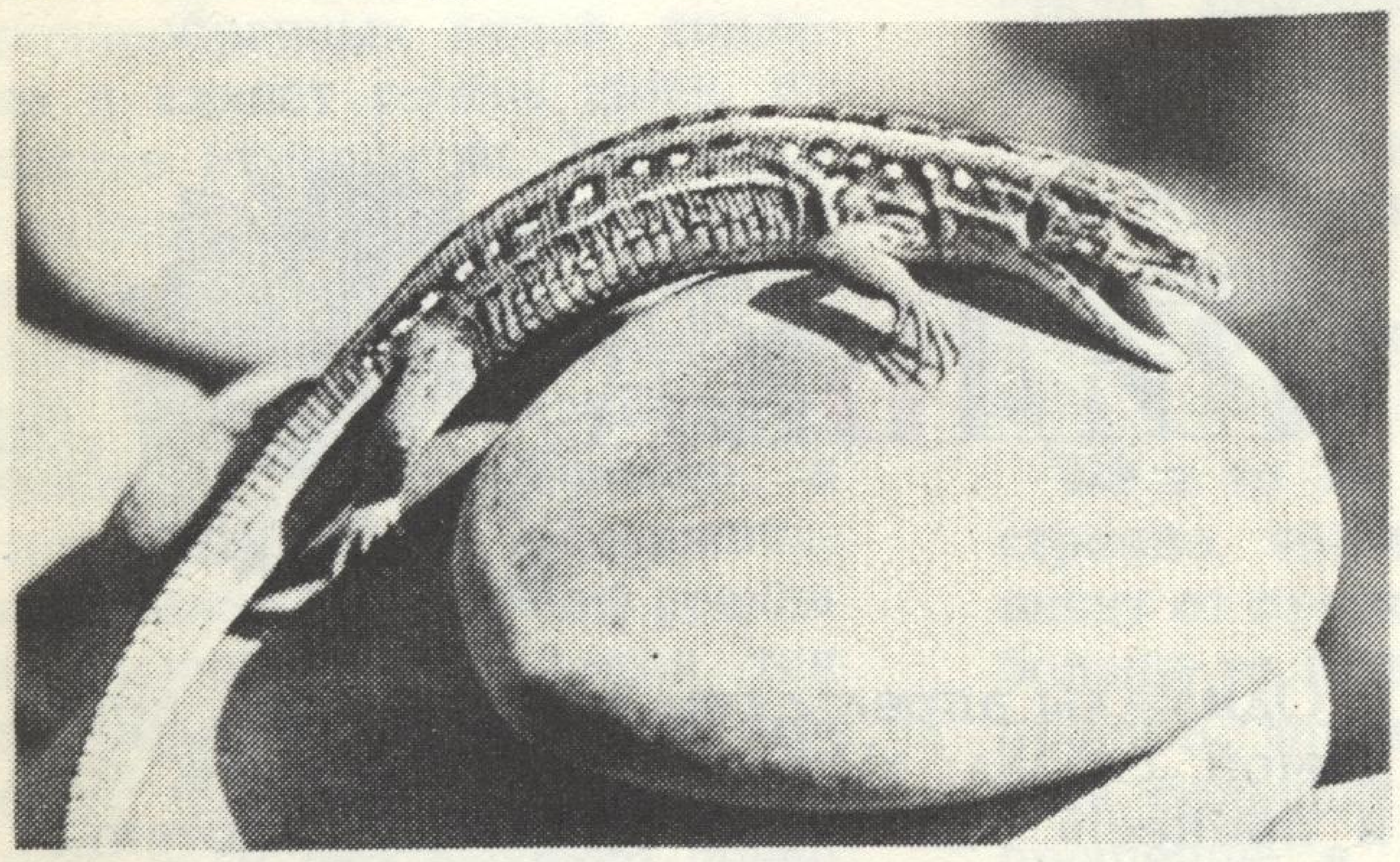
Клара не боится, когда ее берут на руки. Если осторожно погладить по панцирю, она даже высунет голову. Она совсем ручная. Ведь живет у нас Клара уже тринадцать лет.

Оля ШМИДТ, г. Николаев.



Клара на «охоте».

Ящерка.
Она со своей подругой прожила у нас всю зиму.



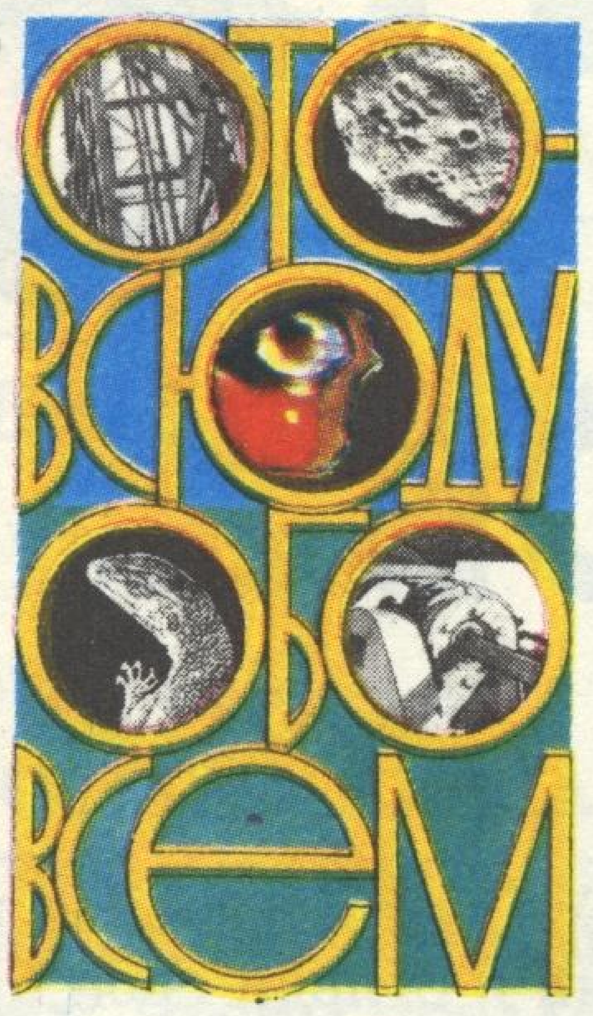
Тогда все заметят

В летние каникулы мы огораживали муравейники. Наши загородки ломали, но мы снова их восстанавливали. И в конце концов их перестали ломать.

Многие недоумевали: зачем огораживать муравейники? А вот зачем: летом, когда ходят за грибами и ягодами, в высокой траве можно не разглядеть маленький муравейник и наступить на него. А когда есть загородка, тогда ее все заметят и поймут, что здесь не надо ходить.

Таня ВОЙТОВА, г. Иртышск.

«Журавлиная родина»



Подмосковье. Сколько в нем городов и сел — густонаселенный край.

И вдруг здесь, в Талдомском районе, биолог-путешественник обнаружил однажды стойбище серых журавлей (потом орнитологи подсчитали — их было около шестисот).

В Московском государственном университете есть дружина по охране природы. Когда члены этой дружины узнали о журавлях, они решили: надо сделать это место заказником. Пусть здесь никто не шумит, не ездит, не ведет никаких работ, не тревожит журавлей: их становится все меньше... Это место должно стать спокойной «станцией» для птиц, с августа по октябрь они отдохнут здесь, соберутся с силами перед дальней дорогой.

За это дело горячо взялся кандидат биологических наук В. Зубакин. И вот Мособлисполком вынес постановление о создании заказника «Журавлиная родина».

И журавли «оценили» доброе отношение к ним: прошлой осенью их собралось, по подсчетам орнитологов, вдвое больше — полторы тысячи.

Как всем миром злую болезнь победили

Болезнь эта — оспа, погубившая и искалечившая неисчислимое множество людей во всем мире. Так, только в России в 1891—1912 годах оспой ежегодно заболевало до ста тысяч людей, и большинство из них умирало.

Наступление на оспу началось в самое трудное время для молодой Страны Советов: в 1919 году В. И. Ленин подписал Декрет об обязательной противооспенной вакцинации всего населения. Нелегко было бороться с болезнью в такой огромной стране, но медики победили — в 1937 году.

Ты можешь спросить: почему же до недавнего времени делали прививки против оспы? Потому, что она продолжала косить людей и в Латинской Америке, и в Африке, и в Азии, ее могли занести в нашу страну. А болезнь эта очень прилипчивая, там, где заболел один, вспыхивает, как пожар, эпидемия.

В 1958 году на XI Всемирной ассамблее здравоохранения советская делегация предложила искоренить оспу на всей земле. СССР передал 225 миллионов доз вакцины Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), один миллиард доз был разослан многим странам. И медики шестнадцати стран вместе с советскими перешли в наступление на врага человечества, терзавшего его тысячелетия (еще в древнеегипетских рукописях есть упоминания об оспе).

В феврале 1973 года болезнь изгнали из Латинской Америки, почти из всей Африки. В Азии ее очаги оставались только в Индии, Пакистане и Бангладеш.

Осенью 1973 года началось генеральное наступление в Индии. Советские медики неутомимо шли по следам болезни, старались как можно раньше обнаружить очаги заболевания. На помощь им пришли тысячи местных жителей. Вместе с ними медики «прочесывали» каждое селение. Обнаружив больного, тут же делали прививки всем окружающим, чтобы преградить дорогу вирусу и предупредить вспышку. И снова неделя за неделей поиск больных. Год спустя был обнаружен последний больной в Индии.

В октябре 1977 года оспа была окончательно побеждена.

Международная комиссия еще раз проверила каждую страну и оспы не обнаружила. Сотрудничество медиков победило! Вот почему теперь уже никому не делают прививки.

Оспа убита, но оружие против нее хранится: Международная комиссия решила — во всем мире должны быть наготове 200 миллионов доз вакцины.

Кролики, гуси, фитомоза...

Они могут помочь на прополке. Правда, не на всяком поле.

В Голландии провели такой опыт: выпустили кроликов на помидорную плантацию. Те дружно взялись за дело, уничтожили все сорняки, а помидорные кусты не тронули.

И гуси тщательно выщипывают все сорняки, только они обрабатывают не помидоры, а хлопчатник. Это растение они терпеть не могут и не притрагиваются к нему. В Южной Америке фермеры специально разводят гусей — любителей прополки. 25 таких гусей могут очистить 10 гектаров хлопчатника.

Есть особенно «вредный» сорняк — египетская заразиха, она поселяется на бахчах и огородах, на табачных плантациях. И так живуча, что ее даже химия не берет. Зато запросто расправляется с ней крохотная мушка фитомоза. Ее вывели узбекские ученые. Живет мушка в домиках, похожих на ульи, и уничтожает заразиху в радиусе 20 километров вокруг своего жилья.

Что нам читать?

КИТ-РЫБОЛОВ

Известный канадский писатель Фарли Моуэт по образованию биолог. Несколько лет он прожил на суровом острове Ньюфаундленд. Изучал там жизнь китов и написал в их защиту прекрасную книгу «Кит на заклание». Она вышла в Советском Союзе двумя изданиями. Поищите ее в библиотеках.

Предлагаем вам небольшую главку из этой книги о том, как ловят сельдь кит финвал и рыбаки на судне новейшей конструкции, оборудованном сложнейшими электронными помощниками.

Один из этих помощников — эхолокатор. Он посылает в воду звуковую волну и принимает ее отражение от встреченных предметов. При помощи эхолокатора сейнер находит косяк сельди, отмечает расстояние до косяка и глубину, на которой он плывет.

Когда сейнер настигает косяк, в воду спускают кошельковый невод из мелкой сети. Окружают косяк, сомкнув невод в кольцо, сводят вместе нижние края и постепенно стягивают его, пока весь улов не окажется в гигантском сачке. В сачок этот опускают всасывающую трубу и сельдь перекачивают в трюм. Все это сложные операции, и длятся они несколько часов кряду.

А вот как ловит сельдь финвал, кит длиною до двадцати пяти метров.

«Кит обнаруживает косяк сельди либо при помощи зрения — а видит он под водой великолепно, — либо при помощи своей эхолокационной системы. Он посылает звуковые сигналы на несколько миль вперед и принимает отраженный звук — эхо. Заметив косяк сельди — а финвал, очевидно, умеет отличать сельдь от других рыб такого же размера, — кит плывет к нему с обычной своей скоростью около восьми узлов.

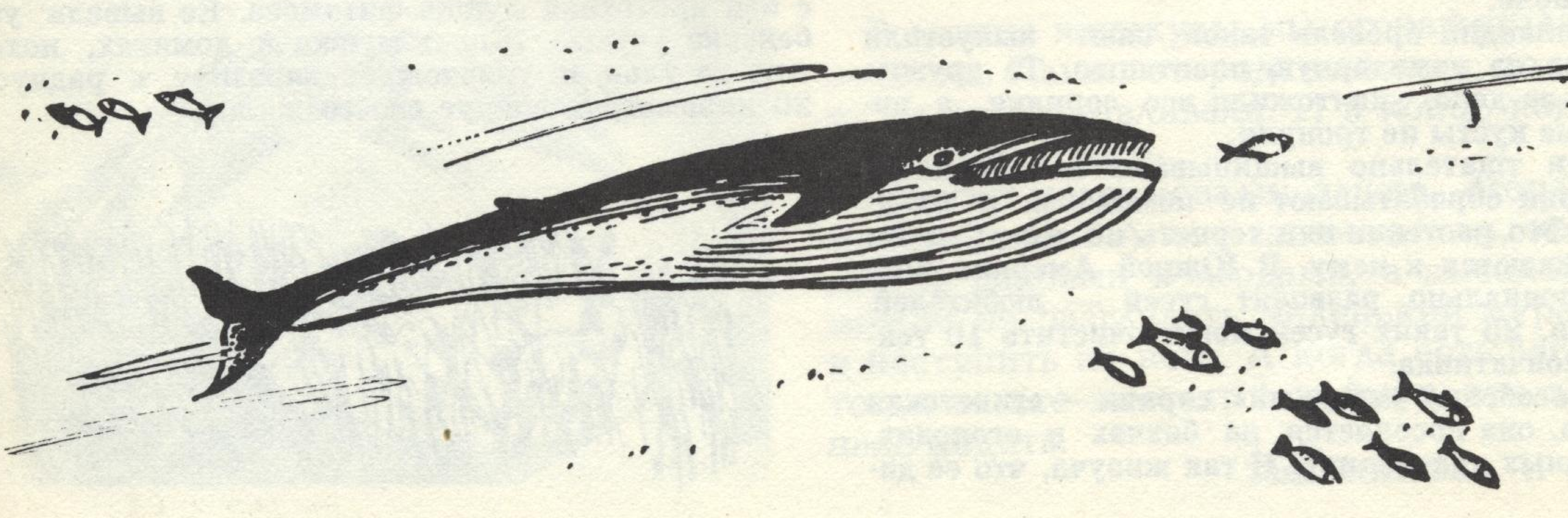
Приблизившись к цели, он резко разгоняется — узлов до двадцати — и принимается сужающимися кругами носиться вокруг косяка на боку, точно торпеда, обратив к сельди свое брюхо. Спина у финвала серовато-черная, а брюхо покрыто блестящей белой кожей. Окруженная этим сверкающим светлым кольцом, сельдь сбивается в плотный косяк, как если бы ее сгоняла суживающаяся сеть.

Этот охотничий прием проливает свет на еще одно непонятное явление: поразительно асимметричную окраску финвала. Правая часть головы и значительная часть правого бока у него белые, как и брюхо, левый бок темный. Финвал во время охоты носится вокруг сельди по часовой стрелке, то есть обратив правый бок к косяку.

Таким образом, заградительный световой эффект начинает действовать еще до того, как финвал ложится на бок и начинает суживать круги.

Когда рыба согнана, кит, разинув свою чудовищную пасть, внезапно бросается в самую гущу сельди.

Примерно две трети его туловища, от могучей нижней челюсти и до середины брюха, покрыты складками. Получается нечто вроде гигантской гармошки. Складок около ста. Когда финвал, плывущий с большой скоростью, резко открывает пасть, складки растягиваются под давлением хлынувшей в пасть воды, и вся передняя часть тела кита раздувается до колоссальных размеров — он зачерпывает несколько тонн воды со всем содержимым. Затем он захлопывает пасть, вода выливается сквозь щели по сторонам рта, а сельдь удерживается бахромой китового уса. Когда вся вода процежена, финвал языком проталкивает сельдь в свой весьма узкий пищевод, откуда она поступает в один из нескольких желудков. Вся операция длится около десяти минут».



ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Почему в предложении ставят запятые?

Ученик. Чтобы предложение не склеивалось.

Г. Назаритян,
Л. Макарян,
г. Ленинакан.

* * *

Учительница. Что обозначают качественные прилагательные?

Ученица. Они обозначают предметы со Знаком качества!

Алла Босых
и Лена Голубева,
г. Воронеж.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Как обрабатывалась земля в Древнем Египте?

Ученик. Рабовладельцы обрабатывали землю рабами.

Люда Гута,
Киевская область.

* * *

Учитель. Что такое летопись?

Ученица. Летопись — это то, что школьники написали за лето.

Лена Ветрова,
Орловская область.

НА УРОКАХ ФИЗИКИ

Учительница. Почему нагревается вода в чайнике, когда мы ставим его на горячую плитку?

Ученик. Потому что молекулы воды соединяются с молекулами плитки!

* * *

Учитель. Отчего мы чувствуем запах цветов на расстоянии?

Ученица. Потому что молекулы запаха цветов ударяют нам в нос.

Толя Новиков, г. Рига.

Из школьных сочинений

«Собака положила ноги и голову на лапы».

«На стуле лежала школьная форма девочки. Она делала зарядку».

«Коля бросился в реку спасать Витю и спас сам себя».

«На севере нашей страны реки питаются дождями».

«Мы все высыпали со школьного двора: каждый должен был обработать свою половину свеклы».

«Девочка положила цветы на скамейку, наверное, они хотели идти в гости».

За серьезное и несерьезное поведение взрослых и детей на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

На борту «Кораблика» заморские гости. Это... впрочем, пусть они сами о себе расскажут, а мы послушаем.

«Вот он я! Быть может, вы забыли обо мне, но тем не менее я существую. И таких, как я, немало в Америке.

Из городских кварталов, лесов, пустынь и прерий, из снежной тундры доносятся наши голоса.

Мы говорим в своих стихах о том, что значит быть негром, пуэрториканцем, индейцем, эскимосом, японцем и в то же время американцем. Мы рассказываем, как живем, что чувствуем, о чем думаем, что любим и на что надеемся.

Нам от шести до шестнадцати. То, что мы говорим, иногда звучит зло, иногда печально, иногда радостно. Но всегда — от чистого сердца».

Каролина ВИЛЬЯМС,
Бедфорд, штат Нью-Йорк.

МЫ СВОБОДНЫ

Мы, слышишь, мама,—
Мы свободны!
Свободны мы
Со дня рожденья.
Жаль только, что мы — негры,
И денег нет у нас,
И крова нет над головой.
Да, мы свободны,
И свобода наша в том,
Что белому мы служим —
Стираем его белое белье
И чистим добела его кастрюли.
Свободны мы,
Но где мы будем ночевать сегодня
И что мы будем есть?

*

Микаэль ГУД,
Бруклин, штат Нью-Йорк.

Я

Кто я такой?
Маленький черный бой.
Меня столько раз продавали,
Что я всех хозяев
Узнаю едва ли.

Кто я такой?
Маленький черный бой.
И вряд ли смогу я назвать
Отца своего и мать.
Но я — это я,
И никто другой,—
Маленький черный бой.

*

Барри БРАУН,
Нью-Рошелл, штат Нью-Йорк.

* * *

Если все мои слезы
Собрать в одну,—
Она погасить может солнце.

Джилл ЙОКОМИЗО,
Окленд, штат Калифорния.

В МОИХ ГОРАХ

Вы не были в моих горах?
Там дует ветер, свежий и прохладный,
И приносящий запахи цветов.
Там слышен вой зверей повсюду,
Там реки холодны,
Их воды чисты и прозрачны,
И рыбы мечутся в стремительных потоках.

Вы не были в моих горах?
Там к ночи звезды ярко светят
И громче рокот водопадов,
И зверь смелей крадется к жертве,
И дым от угасающих костров
Сильней щекочет ноздри.

Вы не были в моих горах?
Я так люблю их.

*

«ЖАРКОЕ ЛЕТО» и «НЕГРИТЕНОК».
Рисунки Тани ЗАРЯНСКОЙ, семилетней москвички.

Бонита ДЖОНС,
Окленд, штат Калифорния.

ВОРОНА

Ты, ворона, черная,
Как безлунная ночь.
Не улетай, пожалуйста, прочь.
И ночью — если взойдет луна —
Видно, что раса у нас одна.

*

Виктор КАСТРО,
Наньюэт, штат Нью-Йорк.

ЦВЕТ

Говорят,
Что черный — цвет грусти.
Мне кажется, это не так.
Ведь ты мое счастье, мама,
А цвет твоей кожи — черный.

*

Кэтти ИТТА,
Барроу, штат Аляска.

МОЙ ГОРОД

Мой город
Маленький и грязный.
Его почистить бы, умыть,
Мой город бедный.

ДОБРАЯ ЗЕМЛЯ

Людям щедро земля дает
Жизнь,
воду,
пищу
и кров.
Но земля ничего не дает,
Когда она устает.

*

Филипп КИ,
Бригам сити, штат Юта.

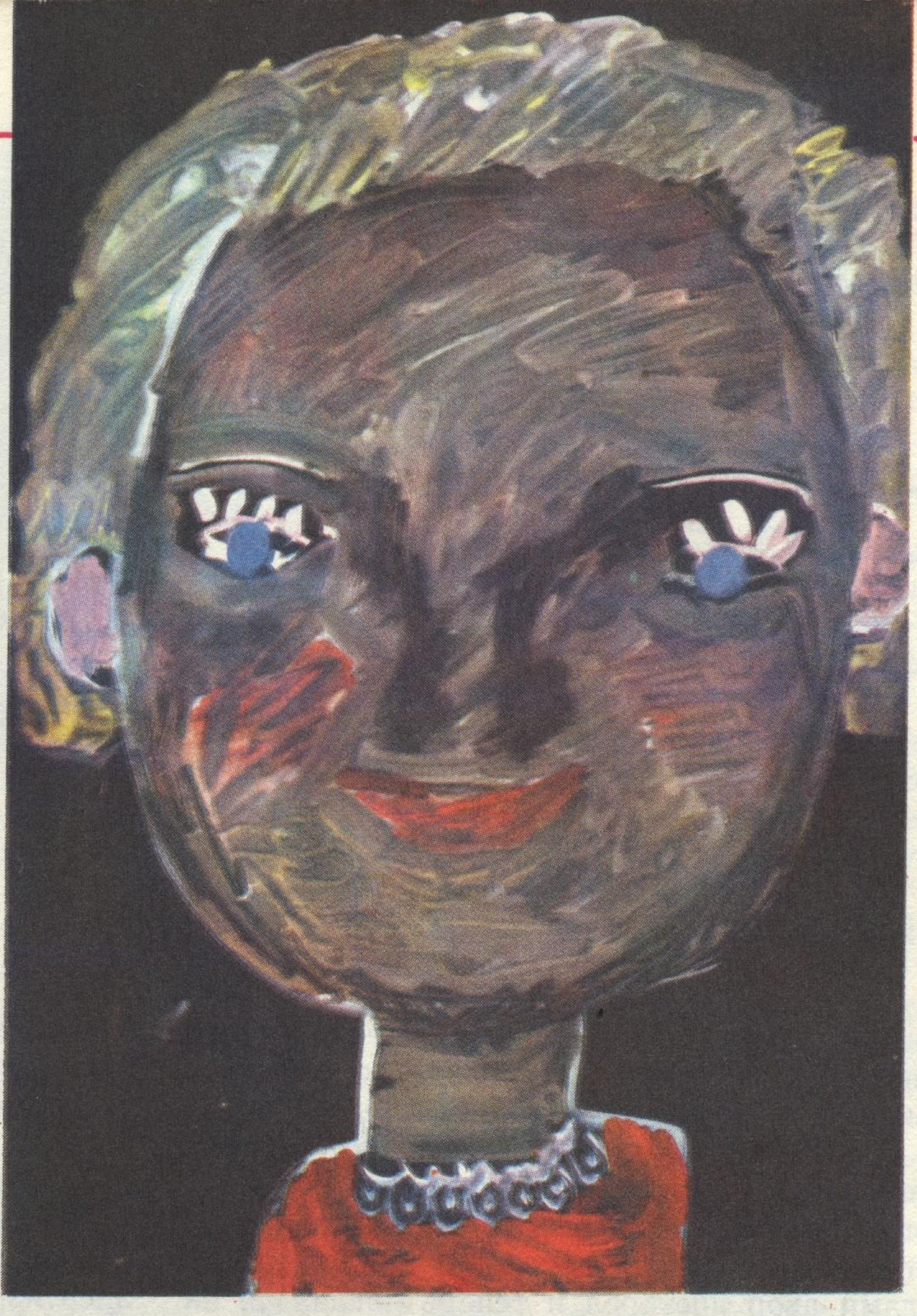
ИНДЕЕЦ НАВАХО

Я из племени гордых навахо
И горжусь, что — один из них.
Были мрачные, темные годы,
Но народ мой сумел не исчезнуть.

Читать не умеет навахо,
Писать не умеет навахо,
Но это же можно исправить.

Я люблю свою землю навахо,
И дома, и овец, и пустыню
Под холодным и ясным небом.

Я горжусь быть одним из навахо.



Кэтти МАНН,
Наньюэт, штат Нью-Йорк.

ОДИНОЧЕСТВО

Как грустно быть в одиночестве,
Когда кругом пустота.
И спрятаться очень хочется,
И не спрячешься никуда.

*

Ванесса ГОВАРД,
Бруклин, штат Нью-Йорк.

Я ХОЧУ

Я хочу, чтобы солнце сияло,
Хочу, чтоб трава росла,
Чтоб люди были мне рады,
Куда бы я ни пришла.

Я хочу, чтобы кончились войны,
Преступленья, печали и боль,
Чтобы люди объединились
И не правил нигде король.

Я хочу, чтобы цвет нашей кожи
Не имел значенья нигде,
И чтоб каждый нашел свою долю
В общей радости, в общем труде.

Перевел с английского
В. ВИКТОРОВ.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

Н. АНИКЕЕВА

СТАРЫЙ ДОМ ПОД СОСНАМИ

Рисунки А. ГРИШИНА.

Низенькая калитка, скрипнув, медленно захлопнулась. Бабушка легонько подтолкнула Лельку к деревянному крыльцу. Лелька сбросила с плеча свою дорожную сумку на длинной ручке и приостановилась, оглядываясь.

Когда они с мамой уехали отсюда в другой город, ей было шесть, а сейчас — тринадцатый. С годами двор постарел и теперь показался ей совсем маленьким. Бабушка тоже стала поменьше — Лелька переросла ее на целую голову.

На крыльце появился дед. Она порывисто бросилась к нему, уткнулась носом в старенькую клетчатую сорочку.

— Ну вот, дед, дождались. Дождались внучку, — сквозь слезы приговаривала бабушка.

Все эти годы Лелька писала им письма. Вначале неумелым, кривым почерком выводила: «Здравствуйте, дорогие бабушка и дедушка!» Потом буквы стали ровнее, и она, как казалось ей, начинала уже по-взрослому: «Дорогие мои!»

Ее письма — от первого и до последнего, — перевязанные красной тесемкой, лежали в ящике старого комода.

Лельку уложили спать на диване, старом и смешном, как и многие вещи в этом доме. Диван был со спинкой, обитой черным дерматином, и с такими же валиками по краям. Долго не спалось. Прижавшись щекой к прохладному дерматину, она слушала, как медленно и лениво тикают старые часы на стене. Где-то в соседних дворах нехотя лаяли собаки, а под половицей шебуршила мышь. Все эти звуки были странно знакомыми.

Лелька никак не могла представить свою маму в этом деревянном доме с фарфоровыми петушками на комоде. Она считала, что вещи, окружающие человека, должны быть похожими на хозяина. Чужие навсегда остаются чужими — их к себе не приучишь. Ей всегда казалось, что даже чашка кофе, поданная мамой, напоминает запах маминых рук. Здесь все было другим, не маминым, но ей «другое» нравилось. Поняв это, она почувствовала себя виноватой перед мамой. Чувство вины, непонятно откуда и почему, появилось в ней еще дома, когда, уступив многолетним просьбам бабушки да и ее собственным, мама решилась отпустить Лельку к старикам.

Последние дни перед ее отъездом они ссорились из-за пустяков. Мама была раздражительной. Ссоры обычно кончались обоюдными слезами, приходилось успокаивать маму, просить прощения неизвестно за что.

На следующее утро Лелька проснулась рано — дома она никогда так рано не просыпалась. Из кухни пахло свежими пирожками, она вспомнила: бабушка и раньше всегда пекла пирожки с рисом и яйцами.

Лелька оказалась права: в большом блюде на столе, покрытые блестящей коричневой корочкой, дышали свежие пирожки с рисом и яйцами. К чаю бабушка принесла вишневое варенье.

— Ешь, Лелечка, свеженькое, на прошлой неделе вареное, специально к твоему приезду, — угощала бабушка.

— А я варенье не люблю, — вскользь заметила Лелька, не подумав.

— Как же — не любишь, ты всегда любила, — удивилась бабушка и добавила: — Когда-то любила...

Лелька попыталась поправить дело:

— Вообще-то, конечно, люблю, но мама не варит. Отвыкли... и не хочется.

— Понятно, — вмешался дед, — у вас там на рынке все надо покупать, а тут свое, собственное... Да и чай-то у вас в городе, небось не пьют, все больше — кофе. Помню, мама твоя всегда по утрам кофе пила.

— Нет, почему, она и чай пьет, — ответила Лелька, будто извиняясь за маму.

Время шло незаметно. Каждое утро, выйдя на крыльцо, Лелька ощущала радость. В саду

на старых развесистых яблонях поспевали яблоки. В траве заливались кузнечики. Цвела мелкая ромашка. За садом — величественно дремал сосновый лес.

В том городе, где они жили с мамой, ей часто снились стройные, золотистые сосновые стволы. Теперь ей понятно, откуда шли эти сны, ведь она родилась в маленьком деревянном доме под соснами.

Дружить здесь Лельке было не с кем. Дачники и гости в небольшой поселок, где жили одни старики, приезжали обычно попозже. Впрочем, и в городе Лелька по-настоящему ни с кем не дружила. Жили они с мамой вдвоем, а у всех ее школьных подруг были еще братишки, сестренки, бабушки, дедушки. И папы. Лелька про себя удивлялась, как можно всех одинаково сильно любить — так же, как она любит свою маму.

Лелька дружила с мамой, а сверстников своих сторонилась. Они казались ей младше ее самой. А если совсем честно, она опасалась их жалости.

Через неделю после приезда от мамы пришло письмо — очень странное, лаконичное, будто параграф из школьного учебника. Мама в письме была непохожа на себя. И Лельке показалось, будто пишет она не только для нее, а еще для кого-то. От обиды у Лельки засосало под ложечкой.

Она ушла в сад, расстелила на траве старенькое байковое одеяльце. Среди яблоневых ветвей играли солнечные лучи. Глядя на них, Лелька подумала, что взрослые всегда чего-то не договаривают: хочешь думай так, а хочешь — иначе... Ей стало грустно.

Этой ночью ее разбудил ливень. Лелька слышала, как бабушка зазвенела ведрами и вышла во двор. Потом струя дождевой воды затарабанила о днище цинкового ведра. Вскоре этот звук утихомирился, и все слилось в убаюкивающей монотонности. Она вспомнила себя маленькой. И ей вдруг ужасно захотелось прислониться щекой к маминой мягкой ладони.

Утро пришло прозрачное и тихое, как всегда после грозы. Бабушка сказала: «Вот собрала тебе ночью водички дождевой, голову помыть».

— Спасибо, — поблагодарила Лелька и пошутила, — вот только не прокиснет ли она до субботы?

— Господь с тобой, с чего бы воде прокисать, не молоко! Да и зачем до субботы дожидаться, сейчас и вымоем.

— Да у меня волосы чистые, позавчера мыла, — возразила Лелька.

Бабушка не согласилась:

— Чистые-то они чистые, да не лучистые! Шампуни тебе совсем косы испортили, мылом голову мыть надо и в дождевой воде. Зря тебя мама к шампуням приучает...

Лелька хмыкнула:

— Бабуся, на балконе дождь не поймаешь!

Бабушка не ответила. Сама вымыла ей голову. Насухо вытерла большим вафельным полотенцем — дома у них с мамой вафельных не было.

— Посеклись совсем, — приговаривала бабушка, расчесывая Лелькины волосы. — Разве ребенку промыть такие косы самостоятельно?

Лелька подумала, что настоящих кос у нее никогда не было и мама голову не моет ей совсем не потому, что не хочет. Просто ей некогда.

— Ой, бабушка, разве успевает мама мне еще и голову мыть, — выгораживала она мать. — Я спать ложусь, а она — за письменный стол, я просыпаюсь, а мама уже на кухне — посудой звенит.

Баба Галя, их дальняя родственница, говорила, что мама работает на износ. «Верно! — улыбаясь, соглашалась мама. — Не успеет Лелька износить одних башмаков — уже нужны новые — вот так на износ и живем!»

Мама была редактором маленькой газеты на большом предприятии.

— До каких пор ты будешь там торчать? — всякий раз баба Галя затевала один и тот же разговор.

Мама отмалчивалась.

— Помнится, в университете ты не о том мечтала, — не унималась баба Галя, — рассказы писала!

— Писала, — улыбалась мама, — а кто в юности не пишет, не мечтает стать поэтом или писателем?

— Я не мечтала, — резко перебивала баба Галя, — а ты, милая, свой талант загубила!

Разговор о таланте маме не нравился, она съеживалась и становилась беззащитной.

Еще через неделю от мамы пришло сразу два письма: одно — для Лельки, второе — для бабушки. Мама писала, что ужасно скучает, что немного «разгрузилась» на работе и, возможно, ей удастся вырваться на несколько дней, приехать за дочкой.

— Ну вот, — обижалась бабушка, — ждали, ждали и дождались. Не успела приехать — уже уезжать... Обещали до конца каникул... — И она промокнула глаза краем фартука.

Дед молчал.

Поздно вечером уже в постели Лелька услышала разговор из соседней комнаты:

— Отпустила ребенка раз за шесть лет, будто милостыню подала, — шептал бабушкин недовольный голос. — Ну, не сложилась у них жизнь. Мы-то чем виноваты?

— Не сложилась, — повторил дед, — а из чего ей сложиться. Сын-то он наш? Выходит, и мы виноваты. Слезы одни, она из-за него и город бросила и работу...

Бабушка ничего не ответила, а через минуту продолжала свое:

— Боится, как бы Лелька с отцом не встретилась. Так прямо и пишет: «Сделайте все возможное, чтоб не встретились». А почему, спрашивается?

— Ладно, спи, ей видней, она дочь воспитывает. Был бы отец как отец, сам давно дочь

навестил. За все эти годы хоть бы письмо дочери послал,— сердито ворчал дед.

Лельке не спалось. Было одиноко. До приезда сюда она почти не задумывалась, почему у нее нет отца. Писем от него никогда они с мамой не получали. Правда, поздравительные телеграммы к дню рождения приходили, подписанные: «Дедушка, бабушка и папа». Мама читала их и тяжело вздыхала. А Лелька не понимала, как умудрились старики найти папу — жили они без него.

Утром Лелька написала маме письмо: бабушке она помогает, сосны здесь необыкновенно красивые, как во сне, прочла «Дворянское гнездо» Тургенева, но не понимает, почему Лиза ушла в монастырь,— и еще о разных мелочах, но ни слова о своем одиночестве.

Отец появился неожиданно, через несколько дней. Сразу с порога недовольно спросил: «Почему раньше не сообщили, что дочь приехала?» Дед мельком взглянул на бабушку: «Сообщила все-таки». Бабушка отвернулась к окну.

Отец подошел к Лельке, привлек ее к себе и поцеловал: «Здравствуй, дочка!» Лелька невольно потянулась к нему, ответила: «Здравствуй, папа». И тут же про себя удивилась, как легко прозвучало незнакомое ей слово.

— Ну-у, какая стала. Мать — вылитая, хоть по отчеству тебя величай. А глаза — мои!

Лелька смотрела на высокого, худощавого, незнакомого ей человека, в его большие карие, как у нее, глаза и не могла понять, что с ней: обидно — нет, приятно — тоже нет, неловкости — и той не было. Было — никак.

Бабушка суетливо накрывала на стол. Потом, за столом, говорили о погоде, о текущих событиях в мире, о здоровье — такие разговоры мама называла светскими. Бабушка то и дело вскакивала — то за огурцами, то за хлебом, то за чистой тарелкой. Дед больше молчал, беспокойно поглядывал на Лельку. Отец говорил громко и без умолку, как будто боялся, что ему не дадут высказаться. Лелька почему-то вспомнила, как мама всегда учила ее разговаривать потише, объясняя, что говорить очень громко некрасиво.

Потом отец спросил, много ли она читает, смотрит ли программу «Время» и передачу «А ну-ка, девушки». Начал спорить, доказывая, что до «Евгения Онегина» она пока не доросла.

— Эх, в мать пошла, — как бы жалея Лельку, вздохнул он, — та тоже все книги читала, все по писаному жить хотела. Ну и чего добилась? Сидит в какой-то газетенке. А я вот — захочу на БАМ махну, захочу... Да мне везде почет, рабочие руки везде нужны. Главное — птица я вольная...

Лелька видела, как у него начали блестеть глаза, как он пьянел, отчаянно жестикулируя... И вдруг она вспомнила эту комнату, с громоздким старым комодом, диваном и фарфоровыми петушками. Вспомнила нетрезвый, охрипший мужской голос, мамин плач и себя — маленькую, запуганную. Стало страшно, как тогда, очень давно, так давно, что казалось, этого и не было.

Дед поднялся из-за стола: «Замолчи, довольно, ребенка постеснялся бы!»

— А чего мне стесняться, — выкрикнул отец, — я правду люблю и живу так, как мне хочется, а не как матери ее хотелось, пусть знает! Книги читала — зарплату в дом приноси... А мне плевать! — И он стукнул кулаком по столу.

Лелька вздрогнула. Сквозь выступившие слезы она увидела, как расплывается, исчезая, злое лицо совсем чужого ей человека.

Почувствовала себя изменницей, словно больно обманула маму нечаянно сорвавшимся коротким и непонятным для нее словом — «папа».

Утром она отправила маме короткую телеграмму: «Приезжай соскучилась Лелька».

Мама приехала через несколько дней. Лельке было неловко за стариков, которые очень виновато смотрели на маму. Но об отце и словом никто не обмолвился.

Бабушка упаковывала в огромную авоську банки с вишневым вареньем. Дед неторопливо расспрашивал маму о работе.

Уже прощаясь у калитки, Лелька оглянулась и увидела, какими беспомощно старыми были двор, деревянный дом и бабушка с дедушкой. Бабушка все всхлипывала.

— Ты не гневайся, прости нас, — тихо сказал дед, обращаясь то ли к ней, то ли к маме. Лелька молча прижалась к нему и подумала: «Как трудно быть взрослым».

Лев КУКЛИН

Ключ от тайны

Я шел, не спеша, незнакомой тропинкой.
Вдруг что-то блеснуло серебряной спинкой!
Понятно, что это не рыбка, не ежик...
Наверно, сверкает потерянный ножик!
Конечно, в дороге находки нередки.
А может быть, кто-то рассеял монетки?
И если лежит там красивый полтинник,
Я буду сегодня совсем именинник!
Смогу я купить столько порций пломбира,
Чтоб зубы от холода просто ломило!

И вот среди желтых сосновых колючек
Нашел я сияющий новенький ключик!
Не слишком тяжелый,
с резною бородкой
Приделан тот ключик к цепочке короткой.

Подумал я: значит,
скрывается где-то
Замок хитроумный с особым секретом!
Быть может, я ключик нашел не случайно.
А что, если он от какой-нибудь тайны?

Теперь я храню этот ключик и верю,
Что им я открою волшебные двери.
Ведь если уж ключик вам в руки дается,
Замок непременно чуть позже найдется!

Сергей РЫБАКОВ

Ветер

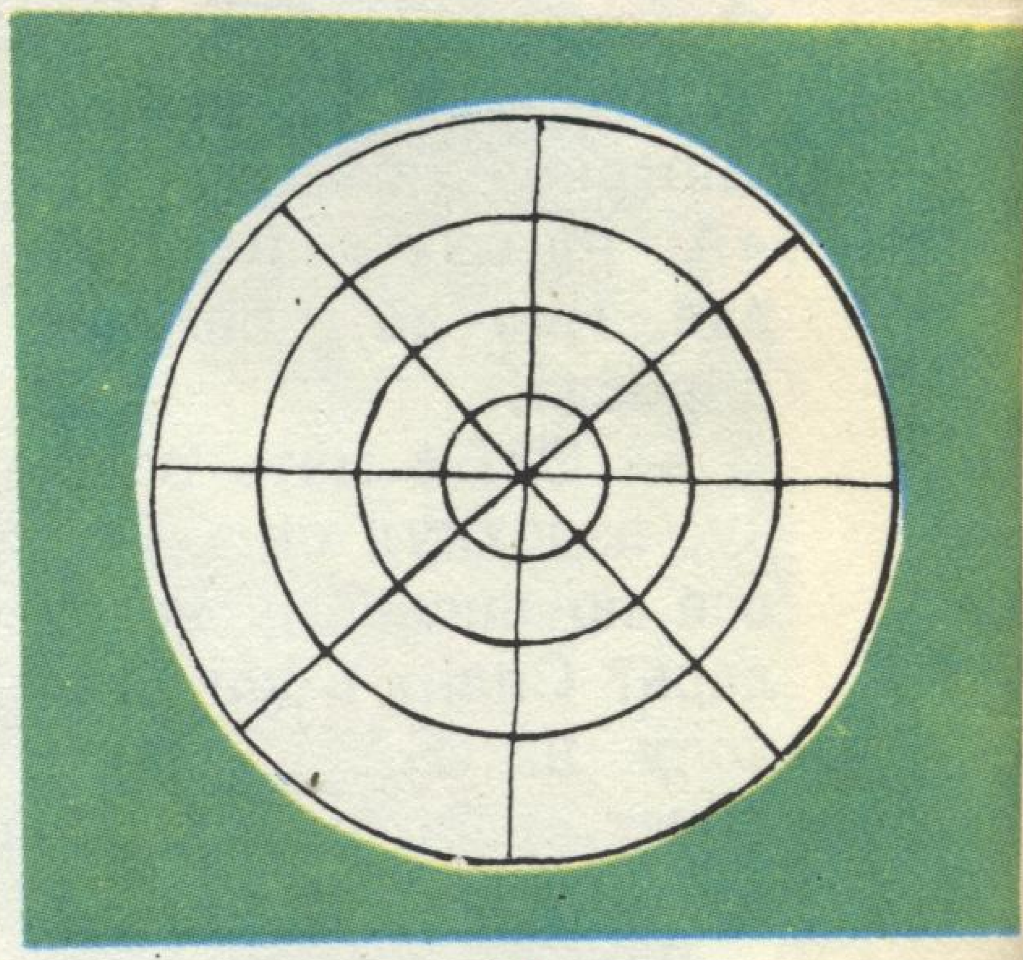
Очень даже просто
можно видеть звезды.
Речку. Степь. И дом,
человека в нем.
Темноту и свет.
А вот ветер — нет.
Непонятно это.
Может, нету ветра?
Ветер листья кружит,
твердые, как жесть,
ветер морщит лужи —
значит, ветер есть?
Ветер под рубаху
может к вам залезть —
не успеешь ахнуть.
Значит, ветер есть?

Но ведь что обидно:
нам его не видно.
Почему же ветер
людям незаметен?

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Мишень карандашей



Разведчики резинок сумели перерисовать мишень, которая служила карандашам для тренировок в стрельбе из лука. Однако резинки не могли понять, почему в центре мишени нет обычного черного «яблочка». Рассмотрев мишень внимательно, я объяснил, что карандаши развивают в себе одновременно и меткость и сообразительность. Стреляющий должен пустить восемь стрел так, чтобы двумя (и только двумя!) попаданиями были отмечены каждая прямая линия и каждая из четырех окружностей. Не попробуете ли вы поразить мишень таким же способом, отметив ВОСЕМЬ своих попаданий точками?

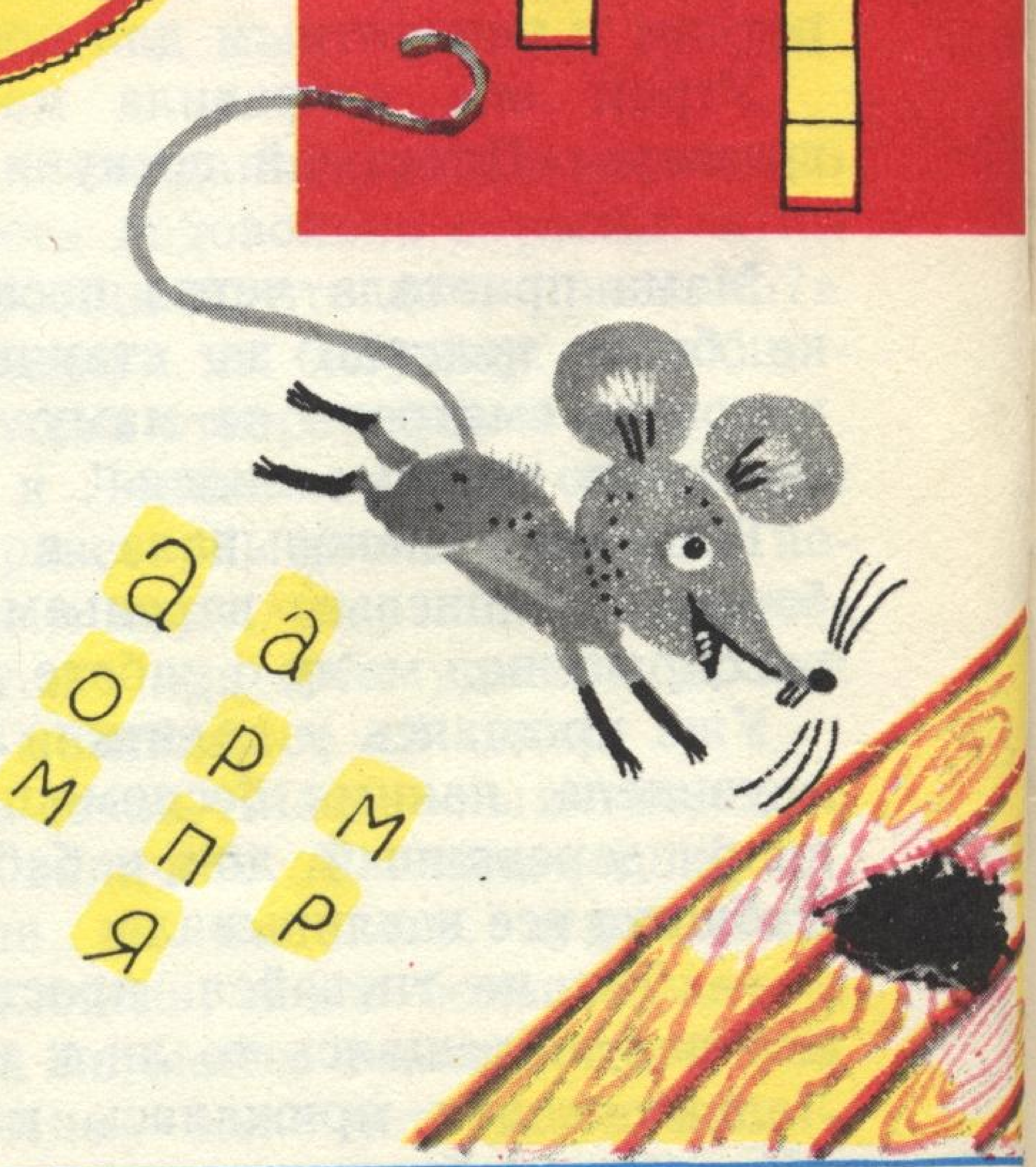
Капитан Перо ищет помощника

Кроссворд ежа

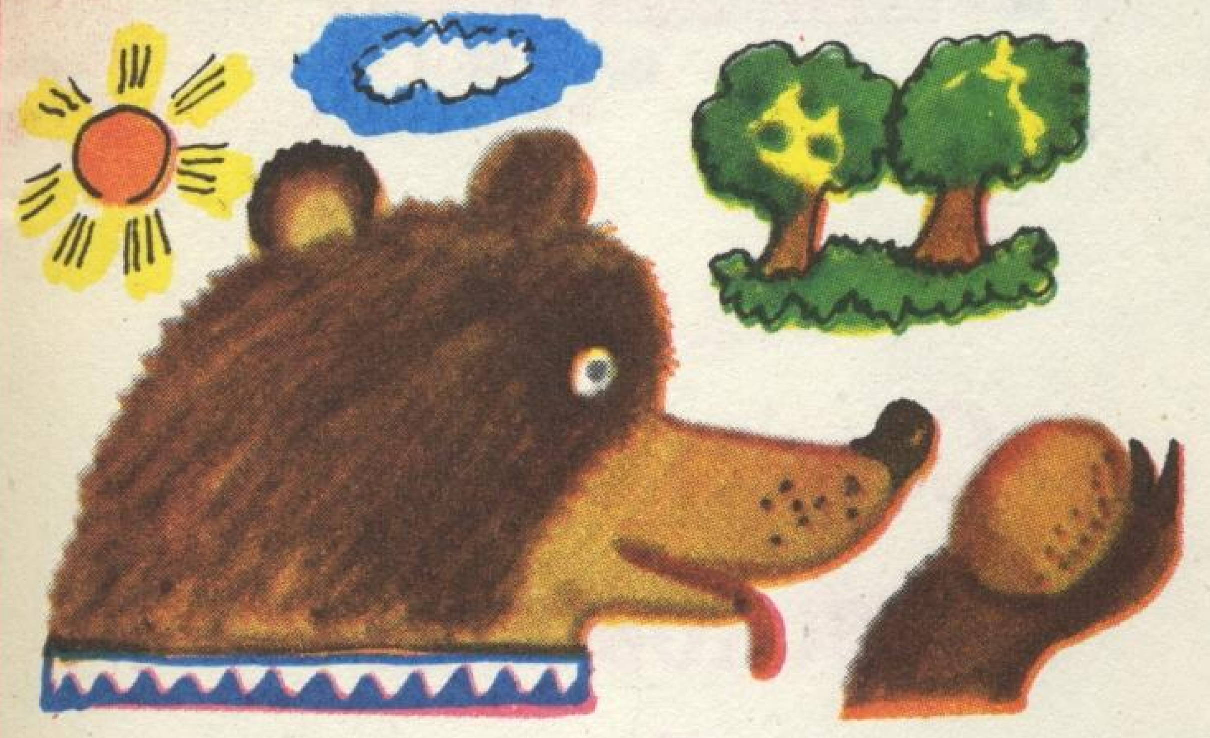
Еж стал придумывать кроссворд,
Слова сложились—первый сорт!
Но мышка мимо прошмыгнула
И девять букв хвостом
смахнула.

Теперь в кроссворде — из-за
мышки! —
Одни словечки-коротышки.
Но ты сумеешь, может быть,
Слова ежа восстановить!
Все девять букв перед тобой.
Пришли ответ!
Смелее в бой!

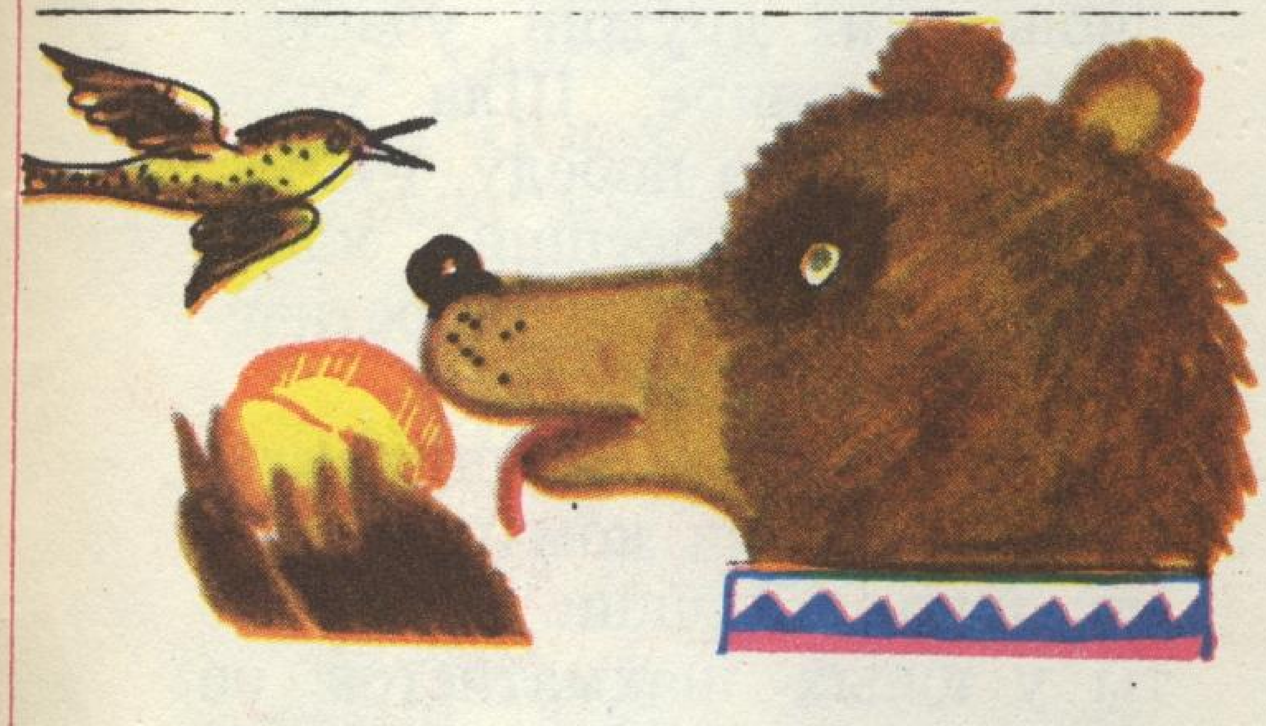
Дед Буквоед.



ПЛЮСЫ и ПЛЮШКИ



Медведь в кошелке
плюшки нес,
Но на лесной опушке
Он половину плюшек съел
И плюс еще полплюшки.



Шел, шел, уселся отдохнуть
И под «ку-ку» кукушки
Вновь половину плюшек съел
И плюс еще полплюшки.

Стемнело, он ускорил шаг,
Но на крыльце избушки
Он снова пол-остатка съел
И плюс еще полплюшки.

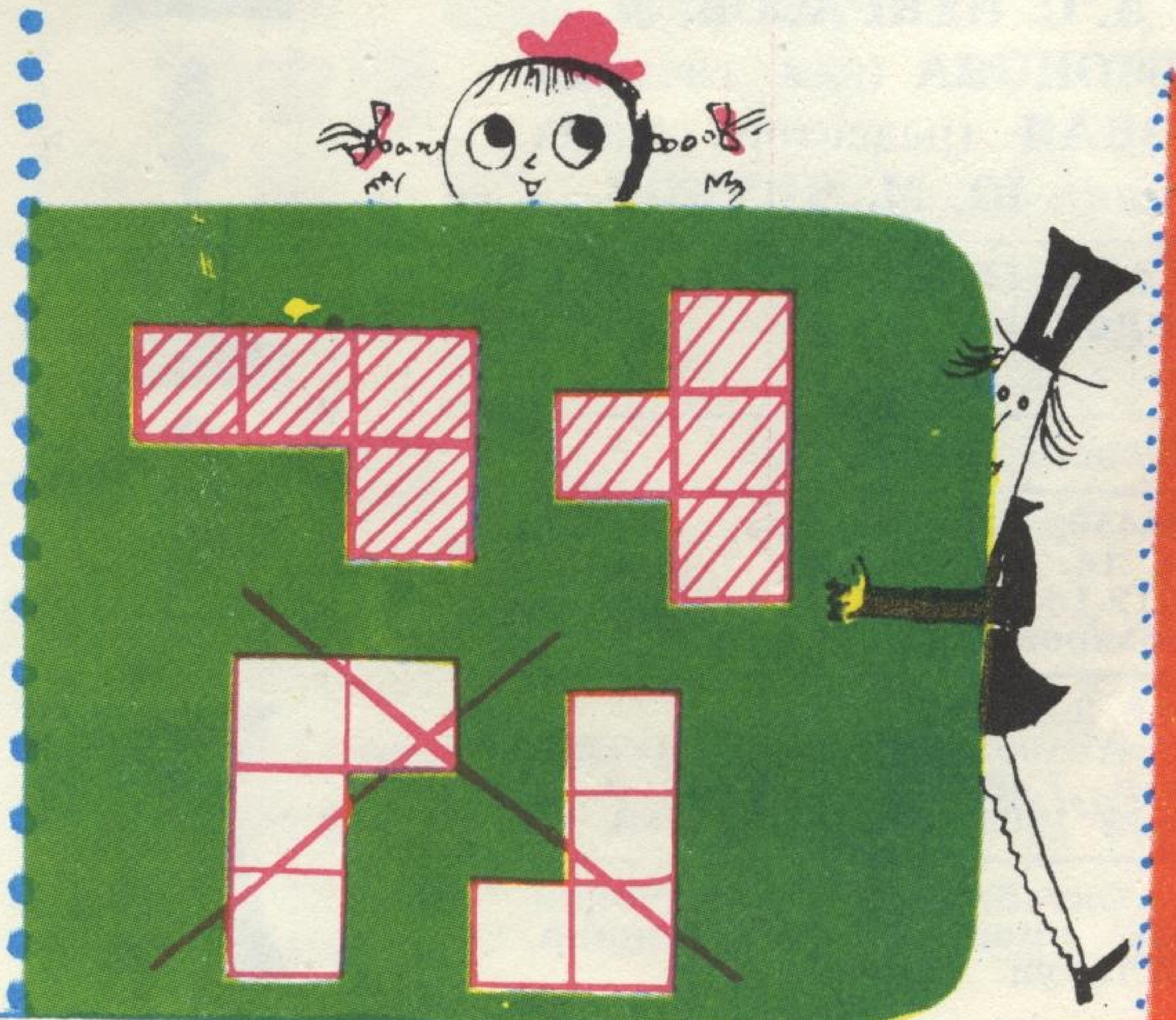
С пустой кошелкою — увы! —
Он в дом вошел уныло...
Хочу, чтоб мне сказали вы,
А сколько плюшек было?

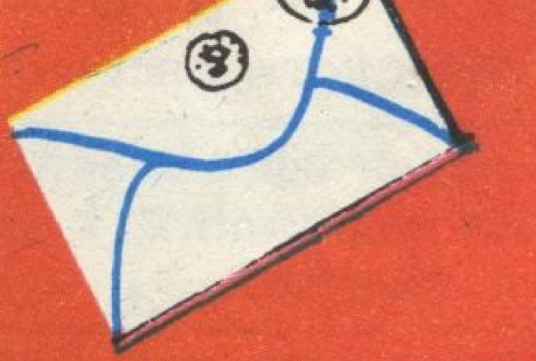
Живживка.

Наскальные рисунки

Игры Лупы и Пинцета

В нашей коллекции есть четыре марки Ботсваны, на которых воспроизведены древние наскальные рисунки: страусы, гиена, скорпион, носорог. Мы очень дорожим этими марками и сожалеем, что они у нас разрозненные, а не в виде частей одного блока. Недавно мы решили представить себе все способы, которыми эти четыре марки могли бы быть соединены между собой. Помогите нам. Рисовать следует фрагменты, действительно различающиеся по форме.





ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 5

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Играем в прятки. Водить должен Барсук.

Клоун Глон. Живживка начинал рисовать клоуна Глона с кончика шляпы. И это правильно.

СОДЕРЖАНИЕ

Ты, я, наш отряд
«Орленку» — двадцать! Фотографии В. Постникова . . . . II обл.
Месяц у синего озера.— Л. Верина. Рисунки Ю. Родина 2
Лейка.— Стихотворение М. Сынгаевского 5
Здравствуй, Артем! — Повесть Ф. Камалова. Продолжение. Рисунки С. Трофимова 6
Стихи Р. Фархади. Рисунки А. Васильева 18
Кругосветное путешествие «Пионера» 20
Сами о себе 25
Международный пионерский клуб «Товарищ» . . . 26
Олимпийский выпуск 29
«Пионер»ский вернисаж — Н. Давыдовская 32
На первенство леса.— Стихотворение О. Дмитриева. Рисунок А. Вовиковой 33
Кем стать? Каким стать?
Разговор среди южной ночи.— И. Андрианова. Рисунок В. Донскова 34
Фотоотражение.— И. Голубева. Фотографии В. Крупского 36
По заданию ученых
Шаровая молния остается загадкой.— А. Григорьев. В. Мусинский 37
Ребята такие, как ты
Черепаха на березе.— А. Масс. Рисунок Л. Хачатряна 38
Боевой листок 40
Неотправленные письма.— Повесть Т. Квитко. Окончание. Публикацию повести подготовил Я. Б. Оксман. Рисунки В. Дудкина 41
Тебе, будущему исследователю
Климат планеты — прошлое, настоящее и будущее.— Академик Е. Федоров. Записала И. Павленко. Рисунок Н. Доброхотовой 49
Красная тетрадка 51
Отовсюду и обо всем 53
Что нам читать? 54
«Переменка».— Ведет Н. Ростовцева. Рисунки Е. Шабельника 55
«Кораблик» 56
Старый дом под соснами.— Рассказ Н. Аникеевой. Рисунки А. Гришина 58
Ключ от тайны.— Стихотворение Л. Куклина . . . 61
Ветер.— Стихотворение С. Рыбакова 61
Ума палата 62
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— М. Юдович 64
Однажды летом.—А. Максимов. Рисунок Ю. Родина IV обл.

На обложке:
Лето надо увидеть.— Рисунок Ю. Родина.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела коммунистического воспитания), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1980.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26.03.80.
Подписано к печати 25.04.80. А 10033. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 1065. Заказ № 2203.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

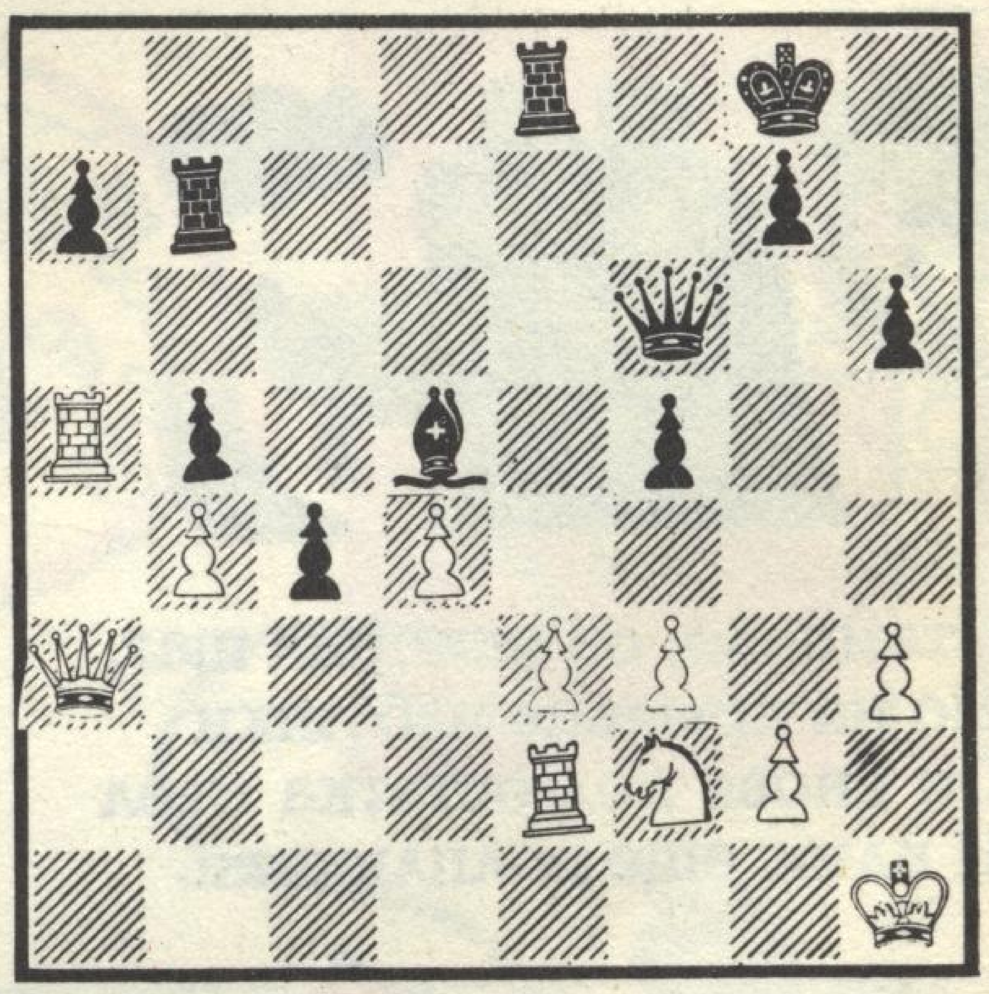
В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Соревнуются московские ребята

В Москве прошел полуфинальный турнир клуба «Белая ладья». Тридцать команд пионерских дружин участвовали в турнире. Шла упорная борьба за победу. Ребята показали возросший класс игры, хорошую теоретическую подготовку.

В финальную группу сильнейших вошли команды шести школ. Лучшие результаты у юных шахматистов из 2-й и 22-й школ Октябрьского района.

Вот один из примеров творчества ребят.



Игравший черными Алексей Рощин (школа № 408 Перовского района) с Виктором Кардашем (школа № 331 Люблинского района) в этом положении сделал сильный ход 35... Фf6—c6! После 36. Ла5—а6 (если 36. Л:а7 Л:а7 37. Ф:а7, то 37... С:f3!) 36... Лb7—b6 37.

Ла6 : b6 а7 : b6 38. Ле2—е1 Ле8—а8 39. Фа3—b2 (лучше было 39. Фс3) исход борьбы решила проходная пешка черных: 39... с4—с3. 40. Фb2—b1 Ла8—а2 41. Кf2—d3 с3—с2. 42. Фb1—c1 Фс6—с3 43. Кd3—f4 Cd5—c4 44. d4—d5 Ла2—b2 45. Фс1—а1 Фс3 : е1. Белые сдались.

Победила команда спортинтерната

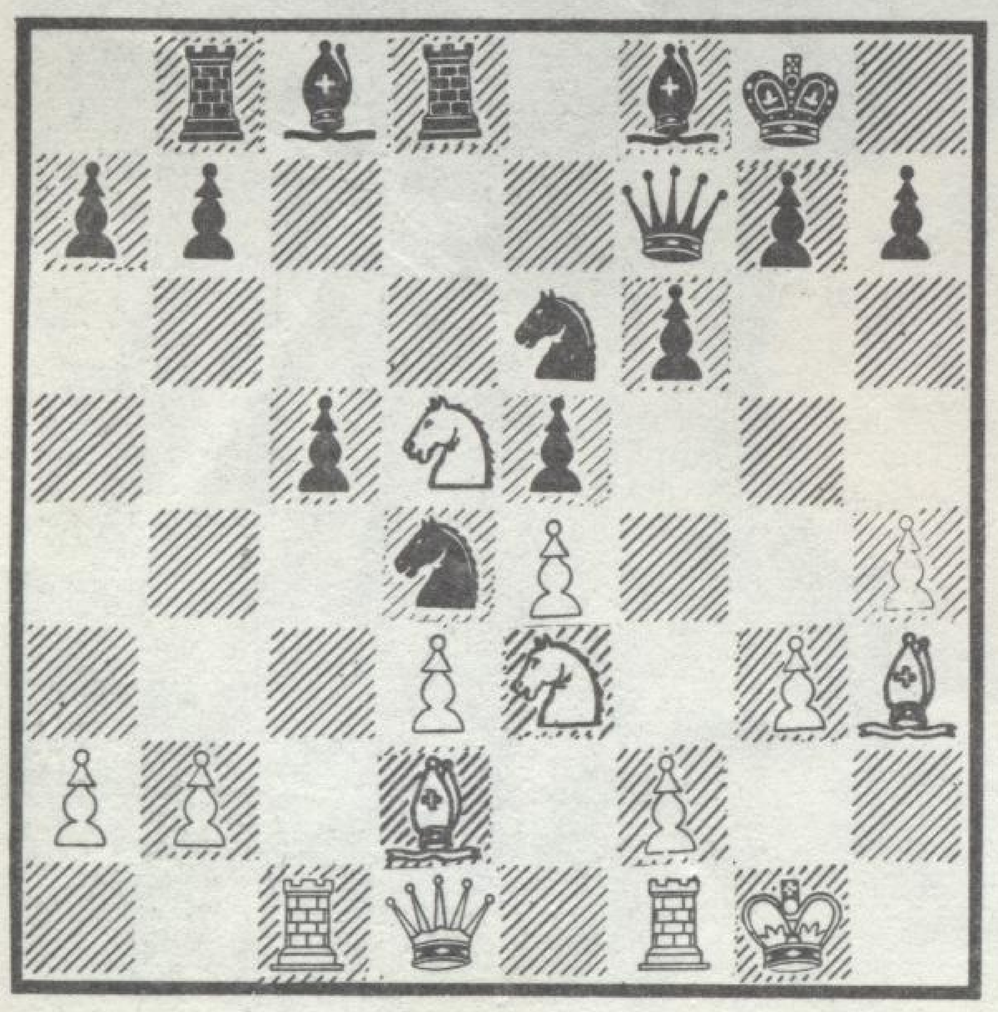
С большим вниманием московские школьники следили за матчевыми встречами сильнейших юношеских коллективов столицы. Восемь лучших команд оспаривали призы спорткомитета и общества «Юность».

Первое место с большим отрывом от всех конкурентов заняла команда спортинтерната № 9. Ребята набрали 48 очков из 56 возможных.

В состав команды входили кандидаты в мастера Леня Смелый, Саша Злочевский, Юра Дохоян, Эдуард Розенталис, Вадим Островский, перворазрядница Юля Овчинникова и другие ребята.

На 11 очков отстал от победителей коллектив Московского городского Дворца пионеров. Третье место заняли юные шахматисты Перовского района столицы.

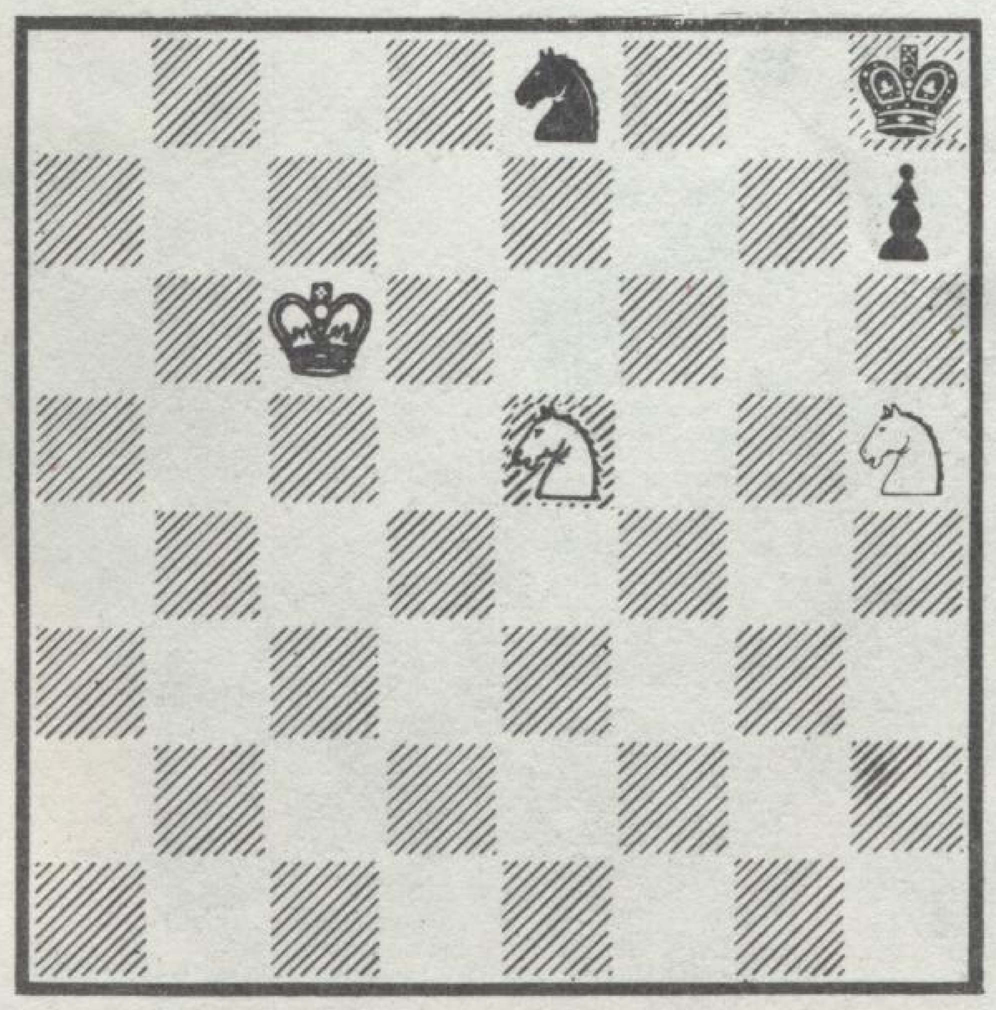
Посмотрите, как Юля Овчинникова черными победила Галю Прошину (Городской Дворец пионеров).



20... Кd4—е2+! 21. Фd1 : е2 Ке6—d4 22. Фе2—d1 Сс8 : h3 23. Лf1—е1 f6—f5 24. Kpg1—h2 Ch3—g4 25. Ке3 : g4 f5 : g4 26. Kph2—g2 Кd4—f3 27. Ле1—f1 Лd8 : d5! (получив позиционный перевес, черные осуществляют решающую жертву качества) 28. е4 : d5 Фf7 : d5 29. Фd1—b3 Кf3 : h4++ 30. Kpg2—g1 Фd5 : b3 31. а2 : b3 Кh4—f3+ 32. Kpg1—g2 Кf3 : d2, и черные выиграли.

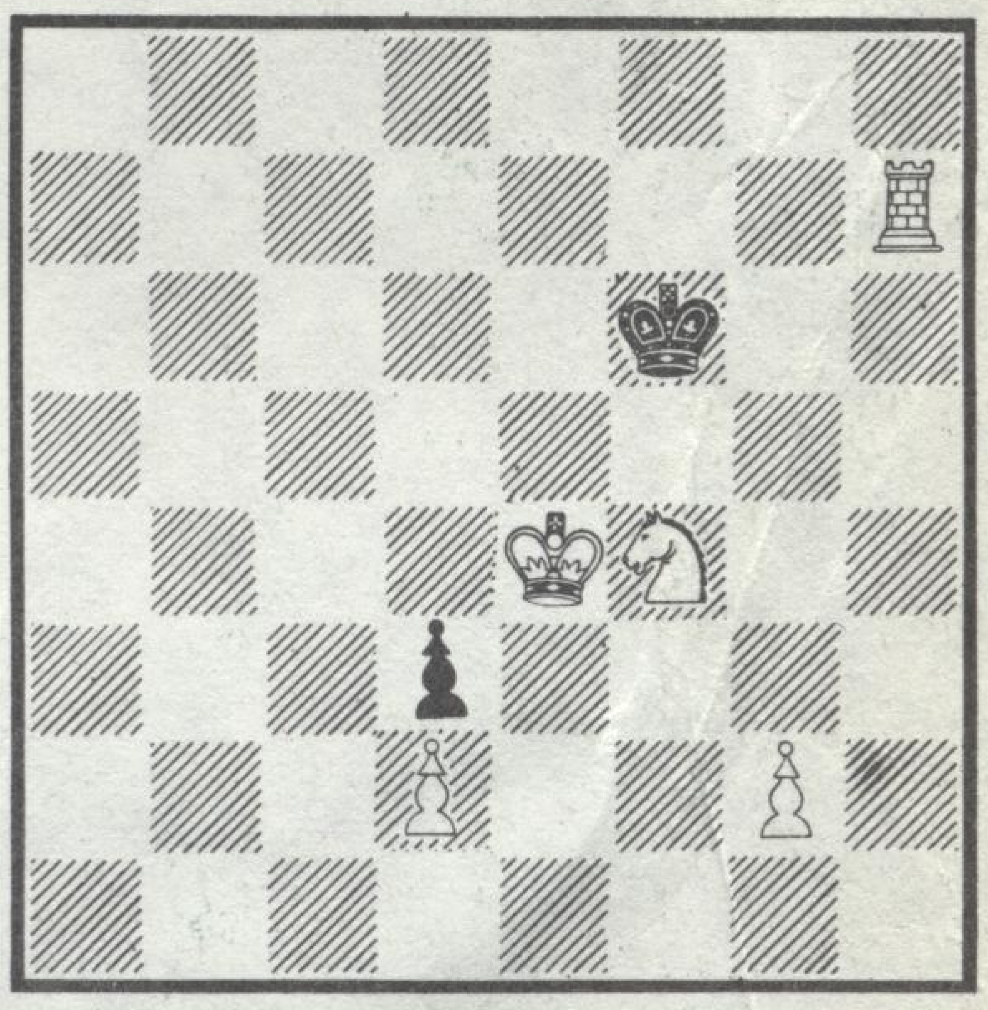
Отметим, что в этом году Юля добилась хороших спортивных результатов. В первенстве Москвы среди девочек она разделила первое и второе места с кандидатом в мастера Светланой Бахаревой.

Тайна одной позиции



Как известно, нельзя дать мат одинокому королю двумя конями. Но в этом этюде, составленном известным шахматным композитором А. Троицким, у черных есть еще конь и пешка. Именно это обстоятельство дает возможность белым добиться победы: 1. Kpc6—d7! Ке8—g7 2. Ке5—f7+ Kph8—g8 3. Кf7—h6+ Kpg8—h8 (или 3... Kpf8 4. Кf4! и 5. Ке6х). 4. Kpd7—e7 Кg7 : h5 5. Kpe7—f8 с неизбежным 6. Кh6—f7х.

Попробуйте решить



В наш конкурс решений включена и эта задача, составленная русским шахматистом А. Галицким.

Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в четыре хода.

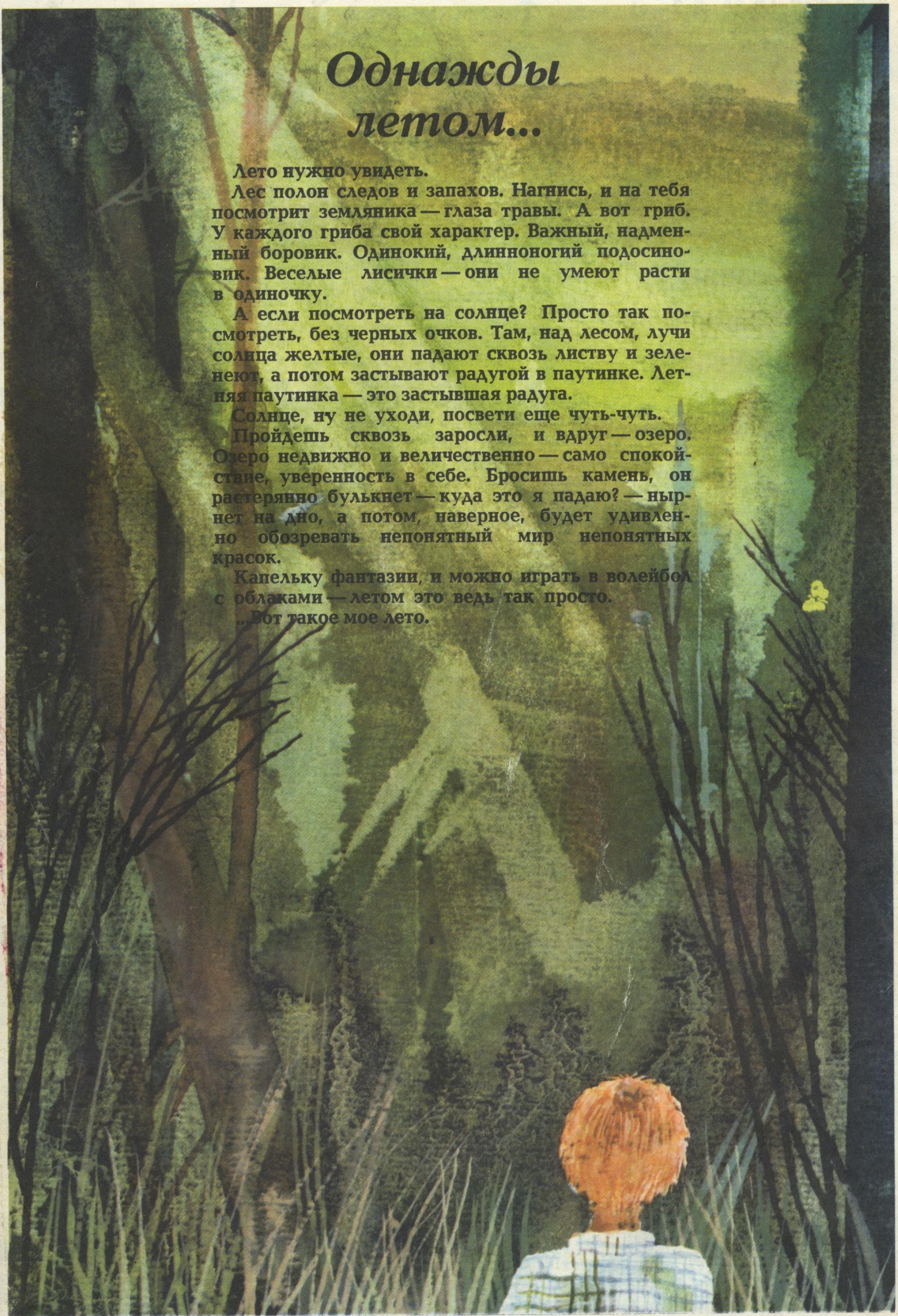
К задаче П. Д. Ильина (журнал «ПИОНЕР» № 5)

Правильная позиция задачи:

Белые: Kpe6, Кс5, Кb8, п. а6, b4, е5 (6).

Черные: Kpb6, Ка8, п. b5, с7 (4).

Мат в три хода.



Однажды летом...

Лето нужно увидеть.

Лес полон следов и запахов. Нагнись, и на тебя посмотрит земляника — глаза травы. А вот гриб. У каждого гриба свой характер. Важный, надменный боровик. Одинокий, длинноногий подосиновик. Веселые лисички — они не умеют расти в одиночку.

А если посмотреть на солнце? Просто так посмотреть, без черных очков. Там, над лесом, лучи солнца желтые, они падают сквозь листву и зеленеют, а потом застывают радугой в паутинке. Летняя паутинка — это застывшая радуга.

Солнце, ну не уходи, посвети еще чуть-чуть.

Пройдешь сквозь заросли, и вдруг — озеро. Озеро недвижно и величественно — само спокойствие, уверенность в себе. Бросишь камень, он растерянно булькнет — куда это я падаю? — нырнет на дно, а потом, наверное, будет удивленно обозревать непонятный мир непонятных красок.

Капельку фантазии, и можно играть в волейбол с облаками — летом это ведь так просто.

...Вот такое мое лето.

ISSN 0130-8009

Цена 25 коп. Индекс 70694.